

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ

**«ФИЛОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА.
ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»**

№ 2 (4)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2009**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

PHILOLOGY. THEORY OF LINGUISTICS.

LINGUISTIC EDUCATION

№ 2 (4)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2009**

Редакционный совет:

<i>Рябов В.В.</i> председатель	доктор исторических наук, профессор, ректор МГПУ
<i>Атанасян С.Л.</i>	кандидат физико-математических наук, профессор, проректор по учебной работе МГПУ
<i>Геворкян Е.Н.</i>	доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе МГПУ, член-корреспондент РАО
<i>Русецкая М.Н.</i>	кандидат педагогических наук, доцент, проректор МГПУ

Редакционная коллегия:

<i>Радченко О.А.</i> главный редактор	доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков МГПУ, проректор по учебно-методической работе МГПУ
<i>Викулова Л.Г.</i> заместитель главного редактора	доктор филологических наук, профессор, зам. директора Института иностранных языков МГПУ по науке и международной деятельности
<i>Аликаев Р.С.</i> (г. Нальчик)	доктор филологических наук, профессор
<i>Афанасьева О.В.</i>	доктор филологических наук, профессор, декан факультета английской филологии
<i>Барышников Н.В.</i> (г. Пятигорск)	доктор педагогических наук, профессор
<i>Вострикова О.В.</i> секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Дубинин С.И.</i> (г. Самара)	доктор филологических наук, профессор
<i>Дюжикова Е.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Киров Е.Ф.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Курдюмов В.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Лягушкина Н.В.</i> ответственный секретарь	кандидат филологических наук, доцент
<i>Рыжова Л.П.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Савицкий В.М.</i> (г. Самара)	доктор филологических наук, профессор
<i>Собянина В.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Сулейманова О.А.</i>	доктор филологических наук, профессор
<i>Щепилова А.В.</i>	доктор педагогических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии
<i>Языкова Н.В.</i>	доктор педагогических наук, профессор

Адрес Научно-информационного издательского центра МГПУ:

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.

Телефон: 8-499-181-50-36. E-mail: Vestnik@mgpu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Литературоведение

- Баранова К.М.* Символизм и категория предопределения
в американской литературе колониального периода 8
- Морженкова Н.В.* Элементы разговорного дискурса в трилогии
Г. Стайн «Три жизни» 14

Германская филология

- Хованова С.Ю., Афанасьева О.В.* Особенности синонимических
отношений при использовании отглагольных имен типа *pay-off* 21
- Петрова Н.Ю.* Лингвокогнитивные особенности построения
списка действующих лиц (на материале английской драмы) 28
- Беляева М.В.* К вопросу о специфике синтаксиса устного дискурса
в немецком языке 37
- Никуличев М.Ю.* Принципы анализа девербативных композитов 43

Романская филология

- Петрова С.А.* Отражение поэтики М. Пруста в романе В. Набокова
«Дар» 49

Теория языка

- Саакян А.С.* К вопросу об инстинкте языка: «Ген грамматики —
есть ли он?» 55
- Ваулина Ю.Е., Афанасьева О.В.* Магия повтора 61

Языковое образование. Межкультурная коммуникация

- Базылев В.Н.* Россия и Запад: диалог на фоне переводов 68
- Кашенкова И.С.* Прагматические особенности политического
дискурса в международной сфере: лингводидактический аспект 75
- Черкашина Е.И.* Преподаватель иностранного языка
в неязыковом вузе: особенности профессионального становления 81

<i>Фетисова А.А.</i> Использование синквейна при работе над лексическим аспектом языка	88
<i>Ионова А.М.</i> Особенности обучения дискуссионному общению студентов-международников	93

Наши зарубежные коллеги

<i>Абдуллаев Ч.</i> К вопросу об историко-культурных взаимосвязях Азербайджана и Германии	98
---	----

Трибуна молодых ученых МГПУ

<i>Македонцева А.М.</i> К вопросу о роли эксплицитной и имплицитной информации в креолизованных рекламных текстах	104
<i>Титова О.А.</i> О понятии «оценка» и ее семантической интерпретации	109
<i>Чикало Н.А.</i> Историческое развитие и современные возможности английской синтаксической конструкции с элементом <i>way</i>	113
<i>Махов А.С.</i> Роль гиперссылок в структуре интернет-гипертекстов.....	119
<i>Савинич С.С.</i> Проблемы романтической символики в новеллистике Эдгара Аллана По	124

Критика. Рецензии. Библиография

<i>Тарева Е.Г.</i> Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации: Практикум: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008.	129
--	-----

Научная информация

Новые диссертации преподавателей Института иностранных языков ГОУ ВПО МГПУ (2008–2009 гг.)	131
--	-----

Авторы «Вестника МГПУ», серия «Филология. Теория языка. Языковое образование», 2009, № 2 (4)

Требования к оформлению статей	143
---	-----

CONTENTS

Literary Studies

- Baranova K.M.* Symbolism and the Category of Providence
in American Colonial Literature 8
- Morzhenkova N.V.* Gertrude Stein's Colloquialism in «Three Lives» 14

Germanic Languages

- Khovanova S.Yu., Afanasieva O.V.* Peculiarities of Synonymic Relations
when Using Nouns of the *Pay-off* Type 21
- Petrova N.Yu.* Linguistic and Cognitive Features of Cast of
Characters Structure (Based on English Drama) 28
- Belyayeva M.V.* On Specific Character of the Syntax of Oral
Discourse in German 37
- Nikulichev M.Yu.* General Approach to Analysing Verb-based
Compounds 43

Roman Languages

- Petrova S.A.* M. Proust's Poetry in V. Nabokov's Novel «The Gift» 49

Linguistics

- Saakyan A.S.* Language Instinct. Grammar Gene — Does It Exist? 55
- Vaulina Yu.Ye., Afanasieva O.V.* The Magic of Repetition 61

Language Teaching Methodology. Cross-cultural communication

- Bazylev V.N.* Russia and the West: Dialogue against the Background
of Translation 68
- Kashenkova I.S.* A Linguodidactic Aspect of Pragmatic Specifics
in the Political International Discourse 75
- Tcherkashina Ye.I.* The Teacher of a Foreign Language
in a Non-philological University 81

<i>Fetisova A.A.</i> Using Cinquains as a Means of Expanding Students' Vocabulary	88
<i>Ionova A.M.</i> Particularities of Teaching Discussive Communication to International Affairs Students	93

Our Colleagues from Abroad

<i>Abdullayev Ch.</i> On Historical and Cultural Interrelations between Azerbaijan and Germany	98
--	----

MCPU Young Scientists' Platform

<i>Makedontseva A.M.</i> Concerning Implicit and Explicit Information in Creolised Advertising Texts	104
<i>Titova O.A.</i> The Term «Evaluation» and Its Semantic Interpretation	109
<i>Chikalo N.A.</i> The Historical Development and Modern Opportunities of the English Syntactic Way-construction	113
<i>Makhov A.S.</i> The Role of Hyperlinks in the Structure of Internet-Hypertexts	119
<i>Savinich S.S.</i> The Problems of the Usage of the Romanticism Symbology in the Short Stories of Edgar Allan Poe	124

Critical Survey. Reviews. Bibliography

<i>Tareva Ye.G.</i> <i>Vikulova L.G., Sharunov A.I.</i> The Basics of Communication Theory: Practicum: A Course-book for University Students of Public Relations. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2008.	129
---	-----

Information

New Theses by Professors of Institute of Foreign Languages MCPU (2008–2009)	131
---	-----

«MGPU Vestnik» / Authors, 2008, № 2 (27)	138
--	-----

Style Sheet	143
--------------------------	-----

К.М. Баранова

Символизм и категория предопределения в американской литературе колониального периода

Категория предопределения — одна из ведущих составляющих американского национального самосознания. Связанный с ней символизм характерен для большинства произведений Новой Англии колониального периода. В статье анализируется особая роль, которую играла вера пуритан в Божий промысел, а также стремление авторов интерпретировать происходящее с позиций провиденциальности.

The category of providence is one of the leading constituents parts of the American national identity. The corresponded symbolism characterizes the majority of literary works of colonial New England. The article stresses originality and religious character of the pre-national literature and shows the authors' belief that everything in real life is prearranged by God Almighty and could be interpreted from this point of view as symbolic.

Ключевые слова: символизм; предопределение; эмблематичность; толкование; Божественная воля.

Key words: symbolism; providence; emblematism; interpretation; God's will.

В литературоведении не раз отмечался факт символизации реального мира в американской литературе колониального периода. Указание на эту значимую для становления национальной литературы характеристику можно найти в критических обзорах как отечественных, так и зарубежных ученых (М.М. Коренева, А.А. Долинин, Ч. Файдельсон и др.). Однако вышеотмеченный феномен не подвергался анализу с точки зрения его связи с перспективой исторического развития одного из основных лейтмотивов литературы США на протяжении всего периода ее становления, а именно: лейтмотива предопределения (providence).

Данный лейтмотив в силу мировоззренческих позиций литераторов-пуритан являлся ведущим в течение всего колониального периода американской словесности (pre-national literature). Имя существительное *providence*

в словарях трактуется следующим образом: «*Providence is God, or a force which is believed by some people to arrange the things that happen to us*» [6: p. 1150] или «*providence — an act or event showing God's care or kindness of fate*» [7: p. 1075]. Словарь русского языка предлагает следующее толкование термина «предопределение»: «то, что предназначено кому-то волей Бога, судьбой, предназначение» [5: с. 367].

Почитание Божественной силы было естественным для колонистов. Являясь в большинстве своем пуританами, они полностью полагались на Божий промысел и считали, что все события в мире происходят по воле Творца, подчиняются созданным им законам. Благодаря абсолютной вере в Провидение возникает осознание собственного предназначения — распространять истинную веру на бескрайних и диких просторах Нового Света. Отсюда полное отрицание возможной случайности происходящего, а также смиренное восприятие всяческих невзгод, ибо они являют собой испытания, посылаемые Господом. Будучи истинными последователями пуританизма, большинство авторов этого периода считали, что свою судьбу необходимо строить полагаясь на Провидение и самих себя; что следует трудиться на общее благо, соблюдая при этом умеренность во всем: от еды и одежды до атрибутов богослужения.

Анализируя тексты авторов XVII в., можно заключить, что такие категории, как предопределение, избранность, трудолюбие составляли фундамент ранней американской словесности и получили дальнейшее развитие в литературе США последующих столетий. В этом смысле можно говорить о том, что европейская Реформация — один из основных факторов, обусловивших развитие американской культуры и литературы.

Становлению указанных категорий в большой степени способствовали те условия, в которых оказались колонисты на новом месте проживания. С одной стороны, небольшая группа людей, очутившись в неизвестных краях, могла рассчитывать на самих себя, свой труд, свою веру, чтобы выжить и обрести религиозную свободу — цель, ради которой и было задумано это переселение, с другой — они были твердо убеждены, что ими руководит Божественное предопределение.

Жители Новой Англии руководствовались тем, что следует терпеливо познавать деяния Творца, создавшего мир и правящего им. Члены пуританских общин считали, что могут и должны использовать силы своего разума на то, чтобы раскрывать смысл Библии и Божественного промысла. Они полагали, что наделены Божьей милостью и готовы к познанию истины, а потому должны всячески стремиться постичь суть воли Божьей и формы ее проявления, и прежде всего Библию.

Таким образом, колонисты расценивали знание как особую ценность. Они так его и воспринимали: человек помимо истинной веры нуждается в первую очередь в знаниях, которые он может и должен получить.

Культурный уровень теологов Нового Света был для своего времени чрезвычайно высок: «На каждые 44 семьи насчитывалось, по крайней мере,

по 1 человеку с университетским образованием. Но почти вся эта пуританская интеллигенция состояла из служителей церкви» [2: с. 21]. С середины XVII в. в Массачусетсе организуются бесплатные школы, а еще раньше, в 1636 г., недалеко от Бостона открывается Гарвардский университет. Однако и школьная, и университетская системы образования находились в то время под церковной опекой. С самого начала Гарвард рассматривался представителями духовенства как институт воспитания церковнослужителей.

Занимаясь строительством прочного порядка на новых землях, переселенцы видели в книгах важный инструмент обучения и считали, что серьезная литература необходима для построения здорового общества. Поэтому практически все сочинения, созданные ими, предназначались либо для распространения Божественных истин, либо представляли собой свод практических наставлений политического, социального или экономического свойства.

Религия подчиняла себе литературную деятельность как публицистов, так и служителей Церкви. Библия считалась единственным достойным образцом литературного стиля. Во всех проповедях, хрониках, дневниках, заметках и т.д., занимающих периферийное положение в литературе (если понимать под этим термином прежде всего художественную литературу), с одной стороны, четко выступает идея провиденциальности, а с другой — отмечается явная прагматическая направленность.

Пуританское мировоззрение принимало искусство лишь тогда, когда оно выполняло назидательную функцию: наставляло на путь праведный и поучало. В этом отношении поэзия колониального периода не составляла исключения. Во-первых, чаще всего стихи сочинялись лицами духовного звания: они прославляли добродетель, торжество духа над слабостью плоти человека, т.е. воспевали пуританские каноны. Во-вторых, преобладающей формой стиха в этот период была эпитафия, представляющая жизненный путь усопшего как богоугодное деяние. Человек должен был, согласно пуританскому мировоззрению, стойко принимать ниспосланные ему Провидением испытания, тяготы и лишения и являть собой образец пуританской добродетели. Показательна в этом отношении эпитафия, написанная Анной Брэдстрит по случаю кончины ее матери — «An Epitaph on My Dear and Ever Honored Mother» («Эпитафия на смерть моей любимой и почитаемой матери»).

Созданный образ матери полностью соответствует требованиям пуританской морали — *religious in all her words and ways*, а это значит — твердые религиозные взгляды, деятельность в противовес созерцательности, готовность к любым ниспосланным свыше испытаниям.

В своих текстах поэтесса оперирует образами, полными внутренней умиротворенности, склоняет голову перед Божественным предопределением, что можно рассматривать как явное проявление пуританского мироощущения. Будучи весьма просвещенным человеком своего времени, Анна Брэдстрит в своих значительных произведениях пыталась философски осмыслить место человека в мироздании, о чем свидетельствуют ее стихи и поэмы (в частности «Quarternious»), воссоздающие аллегорические картины в форме не-

ких «кварт» (четыре стихии природы, четыре темперамента, четыре времени года и т.д.). Взгляды поэтессы на провиденциальность в судьбе человека носили пуританско-кальвинистский характер.

Брэдстрит готова оправдать любые испытания, смиренно и безоговорочно принимает горький жребий, уготованный ей Творцом. Так, в стихотворении, посвященном смерти своей внучки Элизабет, она пишет: «*Is by His hand alone that guides nature and fate*» [1: с. 223].

Лейтмотив предопределения в пуританских сочинениях часто принимал форму неких символов. На «безграничную символизацию реального мира» указывает в своих исследованиях М.М. Коренева, отмечая данный факт в качестве предпосылок для активного литературного творчества, для становления литературы как таковой [3: с. 104–105].

Подтверждением этого положения могут служить, например, записи губернатора Массачусетской колонии Джона Уинтропа, сделанные им в «Дневнике», который он вел в течение целого ряда лет. Так, 11 января 1649 г. Уинтроп повествует о печальном событии в жизни переселенцев: пятилетняя девочка была найдена утонувшей. Ее отец накануне отступил от принятого общиной порядка. Строгие правила поведения, запрещающие пуританину работать в воскресенье, не были соблюдены. Гибель ребенка объясняется фактом нарушения богоугодных заповедей: «*the mother... found it (a daughter about five years of age) drowned in a well in her cellar which was very observable, as by a special hand of God*» [1: с. 53]. Отсюда следует неотвратимость наказания, которое принимается смиренно. Отец склоняет голову перед проявлением высшей воли. «*But the father, freely in the open congregation, did acknowledged it the righteous hand of God for his profaning his holy day against the checks of his own conscience*» [1: с. 53].

В истолковании Уинтропа самые обыденные жизненные факты получают эмблематическое, провиденциальное значение. Так, запись от 5 декабря 1640 г. повествует о том, что в комнате, содержащей различные книги в связке, где были Ветхий Завет, псалмы и обычный молитвенник, мыши изгрызли только последний и не тронули иные книги. Для Уинтропа это явное доказательство того, что именно богоугодные произведения были не тронуты грызунами. Текст Священного Писания рассматривался пуританами как слово Божие. Именно в псалмах и в Ветхом Завете в неизменном виде воспроизводился общий канонизированный взгляд на смысл веры. Они являли собой непреходящие ценности, а потому остались целыми. Молитвенник же представлял собой интерпретацию слов Всевышнего, значимость его для верующих была неизмеримо меньше. Именно поэтому он был испорчен.

С точки зрения протестанта, все в жизни происходит промыслительно. Любое действие или процесс, в которые оказывается вовлеченным человек, по сути своей есть проявление Божественной воли. При этом мелкие неприятности, возникающие на пути людей, движущихся к некой определенной цели, в действительности могут быть проинтерпретированы как желание Господа

предотвратить какое-то большее несчастье, ожидающее человека, или же, напротив, как нечто, готовящее человека к более глубоким страданиям.

У американских писателей колониального периода наблюдается стремление к анализу поступков действующих лиц, их описаний, желание истолковать эти поступки и найти в каждом из них Божий промысел. Так, 16 апреля 1641 г. Джон Уинтроп делает запись о том, что некая прихожанка (*a godly woman of the church of Boston*) по неосторожности служанки лишилась своего белья, которое сгорело. Уинтроп рассматривает этот факт как проявление Провидения, подготовку женщины к настоящему горю — потере супруга: «*But it pleased God that the loss of this linen did her much good... preparing her for a far greater affection by the untimely death of her husband, who was slain not long after at Isle of Providence*» [1: с. 52].

Исследуя первые образцы североамериканской словесности, необходимо признать, что все они рисуют реальную картину пуританского мира. Естественно, в этих произведениях прежде всего отражается идеология пуритан, согласно которой реальный мир должен символически истолковываться.

Как отмечает М.М. Коренева, у авторов колониального периода «рядом с живыми описаниями природы и климатических условий, ландшафта, флоры и фауны располагаются, произвольно сменяя друг друга, рассказы о чудесных происшествиях» [3: с. 101].

Авторы коллективной монографии «История литературы США», ссылаясь на работу современного американского литературоведа Ч. Файдельсона «Символизм и американская литература» («*Symbolism and American Literature*»), утверждают, что в американском литературоведении также есть указание на постоянное присутствие в умах пуритан необходимости выразить эмблематичность происходящего: «Хотя их символы были весьма художочны, ибо сознание пуритан оставляло мало места для эстетического осознания природного мира... в их умах постоянно осуществлялся процесс символизации» (цит. по: [3: с. 105]).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что подобным образом в литературных произведениях формирующейся нации зарождался лейтмотив предопределения. Как пишет В.И. Солодовник, «в новоанглийских колониях общеизвестна первостепенная роль пуританских идеалов, поднятых усилиями пилигримов и последующих поколений колонистов до символа американской провиденциальной судьбы» [4: с. 7–8].

Этот символ проходит красной нитью через все произведения американской литературы XVII в. Будучи дополненным, он переосмысливается, особым образом интерпретируется и находит отражение в творчестве писателей США XIX–XX вв.

Библиографический список

Источники

1. Stern M. R. American Literature Survey: Selections of literature / Ed. by M.R. Stern. – N.Y., 1962. – 614 p.

Литература

2. *Елистратова А. А.* История американской литературы: коллектив. монография: в 2-х тт. / А.А. Елистратова, Т.И. Сильман, А.И. Старцев. – Т. 1. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 339 с.

3. *Засурский Я. Н.* История литературы США: коллектив. монография: в 9-ти тт. / Я.Н. Засурский, М.М. Коренева, Е.А. Стеценко. – Т. 1. – М.: Наследие, 1997. – 829 с.

4. *Солодовник В. И.* История литературы США: Нравственный идеал через века: учеб. пособие / В.И. Солодовник. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1997. – 207 с.

Справочные и информационные издания

5. Словарь русского языка: в 4-х тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 3. – М.: Русский язык, 1987. – 750 с.

6. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. – London, 2003. – 1702 p.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – London, 2000. – 1528 p.

References*Istochniki*

1. *Stern M. R.* American Literature Survey: Selections of literature / Ed. by M.R. Stern. – N.Y., 1962. – 614 p.

Literatura

2. *Elistratova A. A.* Istoriya amerikanskoj literatury': kollektiv. monografija: v 2-h tt. / A.A. Elistratova, T.I. Silman, A.I. Starcev. – Т. 1. – М.; Л.: Izd-vo AN SSSR, 1947. – 339 s.

3. *Zasurskij Ya. N.* Istoriya literatury' SSHA: kollektiv. monografija: v 9-ti tt. / Ya.N. Zasurskij, M.M. Koreneva, E.A. Stecenko. – Т. 1. – М.: Nasledie, 1997. – 829 s.

4. *Solodovnik V. I.* Istoriya literatury' SSHA: Nравstvenny'j ideal cherez veka: ucheb. posobie / V.I. Solodovnik. – Krasnodar: Izd-vo Kubanskogo gos. un-ta, 1977. – 207 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. Slovar' russkogo yazy'ka: v 4-h tt. / Pod red. A.P. Evgen'evoj. – Т. 3. – М.: Russkij yazy'k, 1987. – 750 s.

6. Collins Cobuild Advanced Learner's English Dictionary. – London, 2003. – 1702 p.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture. – London, 2000. – 1528 p.

Н.В. Морженкова

Элементы разговорного дискурса в трилогии Г. Стайн «Три жизни»

Статья посвящена анализу функций элементов разговорного дискурса в трилогии Г. Стайн «Три жизни». Разговорная речь и просторечие рассматриваются в качестве основного источника экспериментального художественного языка. Автор исследует, как, включаясь в иную коммуникативную систему, элементы разговорной речи приобретают необычную функциональную направленность, превращаясь в ключевые структурные компоненты модернистского текста.

The article examines G. Stein's colloquialism in her experimental trilogy «Three Lives». Focusing on such features of Stein's style as the limitations of vocabulary, the repetition, the colloquial diction, the author explores the transformations of the colloquial units in the literary avant-garde text. The article prompts reflections on the nature of modernist literary experiment with extraliterary genres typical of everyday life communication.

Ключевые слова: экспериментальное письмо; экспрессивная тавтология; первичные внелитературные жанры; просторечие; разговорность.

Key words: experimental writing; expressive tautology; primary extraliterary genres; colloquialism.

Трилогия Г. Стайн «Три жизни» (“Three Lives”, 1905) включает центральную повесть «Меланкта» (“Melanctha”) и две обрамляющие её повести «Добрая Анна» (“The Good Anna”) и «Тихая Лена» (“The Gentle Lena”) [2]. Каждая повесть в рамках трилогии содержит определённый романский потенциал. Сама сюжетная схема повестей — от молодости героинь (или даже детства в случае с Меланктой) к влюблённости (или несчастливому браку в случае с Леной), через которую проявляется внутреннее ядро личности, к смерти в финале — намекает на возможность потенциального становления, взросления. Этого, тем не менее, не происходит. Образы героинь подчёркнуто готовые и неизменные. Возникает ощущение своеобразного минус-приёма. Внутри повестей намечен своеобразный сюжетный контур романа становления, но на уровне стиля весь этот скрытый потенциал как бы нарочито «тормозится», а линейность биографического времени разрушается.

Немногочисленные события, которые происходят с героинями, выстраиваются не во взаимосвязанную цепочку неповторимых событий жизненного пути, а в качестве вариативных проявлений некоего неизменного архетипа судьбы, словно по кругу располагающихся на плоскости бытия.

В силу фактически полного отсутствия временных указателей, при помощи которых можно было бы линейно выстроить событийный ряд, событие изображается как постоянно повторяющееся. Это придаёт художественному времени очевидную цикличность. Текст повести развёртывается как напряженное взаимодействие, в рамках которого сюжет и экспериментальный стиль противостоят друг другу, в результате чего происходит определённая дереализация героев.

Стайновское экспериментальное письмо в «Трёх жизнях» в значительной мере конструируется вокруг устного просторечного дискурса, с характерной для него экспрессивной избыточностью тавтологического характера [1: с. 187]. Повествование трилогии с утомительной скрупулёзностью возвращается к уже сказанному. Кружатся и кружатся одни и те же фразы. Фактически мы здесь наблюдаем нарочитую «бесперспективность» самого процесса рассказывания. Фразы словно не могут «отцепиться» от однажды сказанного о герое. Авторское слово как бы не имеет необходимой дистанции, перспективы для объективного (с точки зрения реалистической эстетики) изображения героя. Но при всех чертах просторечия авторского дискурса мы не можем не ощущать, что это лишь экспериментальная «игра» с первичными внелитературными жанрами.

Следует иметь в виду, что в XX веке разговорная речь — один из основных источников обновления художественного языка. Элементы разговорной речи могут включаться в художественный текст как в готовом виде, так и лишь в качестве структурных принципов. Но, включаясь в иную коммуникативную систему, элементы разговорной речи приобретают иную функциональную направленность [8: с. 21]. Как отмечает В. Руднев, модернистской поэтикой активно осваивается именно «лексическая периферия», и в том числе просторечие, столь отличное от языковой усреднённости и стилистической нейтральности [11: с. 197]. Так, например, в «сказочках» Ф. Сологуба и «случаях» Д. Хармса просторечная лексика и синтаксические конструкции, типичные для разговорной речи, порождают эффект абсурдного мира.

Для трилогии Стайн характерно активное использование местоимений и слов-заместителей (*do, thing*), значение которых не конкретизируется из контекста, что придаёт всему повествованию определённую сухость, абстрактность. Индивидуальность персонажа, сюжета, слова максимально редуцированы. Здесь нет единичных конкретных ситуаций. Любая ситуация описывается как устойчивый инвариант в контексте архетипа судьбы. Обращает на себя внимание тождественность речевых и поведенческих реакций героинь на ситуации. Нарочито подчёркнута стереотипность и монотонность как авторского языка, так и речи персонажей. Очевидно, что писательница экспериментирует именно с традиционалистским дискурсом просторечия, с характерным для него консерватизмом и стереотипностью речевого поведения, строя свой текст по его законам.

В качестве особенности мышления носителей просторечной культуры Т.М. Николаева выделяет «тенденцию к мультипликации», проявляющуюся в установке на репрезентацию единичного события как совокупности повто-

ряющихся событий [9: с. 124]. Эта тенденция к обобщению сказывается и в особом морализаторстве, назидательности и стремлении поучать, которые весьма типичны для просторечия, являющегося, по определению Е.А. Земской, «не только специфической языковой формацией, но особым языковым, ментально-психологическим и социальным миром, имеющим своеобразный кодекс речевого поведения» [7: с. 243]. Кстати, ситуация поучения, с характерными для этого речевого жанра стереотипными фразами, является ключевой в рамках стайновской трилогии. Так, для Анны назидательность оказывается единственной формой общения с окружающим миром. Анна поучает всех: от собак до своих хозяек, которых она тщательно подбирает исходя именно из склонности их характера становиться объектом её поучений. Даже традиционный брак в трилогии — вариант подобной прагматической ситуации. Героиня повести «Тихая Лена», выйдя замуж, становится объектом постоянных поучений и агрессивных назиданий со стороны матери мужа.

На эффект дереализации в «Трёх жизнях» работают такие особенности стайновского стиля, как пристрастие писательницы к служебным словам и словам-заместителям, обладающим «грамматикализованным» лексическим значением (*one, do, thing, that*). Причём контекстуальное предметное содержание слов-заместителей в прозе Стайн не устанавливается из контекста. Часто нет никакой возможности соотнести их с каким-либо замещаемым словом. Имитируемые элементы устной речи, формально входя в авторский идиостиль в качестве его ключевых структурных единиц, функционируют совсем иначе, чем в рамках обычного общения. Разговорная устная речь — это речь ситуативная [10: с. 187]. Но обращает на себя внимание именно элиминация ситуативности в стайновском повествовании. Отсутствие конкретных деталей и постоянный возврат текста к уже сказанному не позволяют воспринимать ситуации как жизнеподобные обстоятельства. При наличии формальных маркеров разговорной устной речи отсутствует её суть, то есть конкретная ситуативность. Таким образом, перед нами, конечно же, художественно обработанное, «препарированное» устное слово, характерное для определённых первичных жанров.

Тавтологичная структура стайновского текста вскрывает саму структуру «наивного» сознания героинь, структуру их мышления, канву их бытия. В тексте возникают сложные отношения между авторским дискурсом и героиньим словом. С одной стороны, в силу наличия одинаковых формальных элементов, на первый взгляд они демонстрируют определённую схожесть. С другой — отсутствие в стайновском тексте конкретности, ситуативности маркирует явную неслиянность авторского взгляда и слова с конкретно-чувственным, «наивным» мировосприятием героинь. Жизнь простых героев дана не просто с объективной дистанции реалистического видения, а из какой-то другой системы измерения. Сами просторечные реплики в этом обезличенном пространстве, словно объекты на выставке, выступают как изолированные из контекста, из жизни и перенесённые в сферу художественного эксперимента.

Стайновская повесть строится именно за счёт активного перенесения элементов профанного мира в экспериментальный текст, элементов первичных бытовых жанров в нарочито «сделанный» литературный текст. В повести «Три жизни» обнаруживается два несовпадающих аксиологических фокуса. Если первый из них связан с геройным планом (т.е. с теми, о ком рассказывается), то второй — с самим моментом экспериментального текстопорождения. Возникает эффект некой «разъятой» реальности, которая «поверяется» экспериментом.

Отправной точкой для создания писательницей своей трилогии стал перевод «Простой души» Г. Флобера, за который Г. Стайн принялась в качестве упражнения по французскому языку. Литературным прототипом «простых» стайновских героинь послужила флюберовская служанка Обэнов — Фелиситэ. Обратившись к теме «наивного» сознания, Стайн работает в совсем ином ключе. Ощущение некоего несоответствия между сюжетом и стилем трилогии возникает в значительной мере в результате сформированного читательского ожидания. Сам тип героя неизбежно отсылает к определённом типу художественного сознания, в рамках которого он актуализируется. Начало «Доброй Анны» во многом настраивает читателя на то, что сейчас перед ним развернётся реалистическое повествование о жизни «простой» женщины (служанки, бедной родственницы, гувернантки и т.д.). На формирование определённого жанрового ожидания работает и обманчивая «простота» стиля первого абзаца с его очевидной установкой на просторечие.

Вступая в «диалог» с художественным видением Флобера, Г. Стайн на материале, столь подходящим для реалистической эстетики (тип героини, сюжетная схема, активное обращение к первичным бытовым жанрам), создаёт принципиально иную поэтику. В этом контексте интересно обратиться к наблюдениям П. Валери относительно реалистического видения мира и героя. В статье «Искушение святого Флобера» Валери пишет, что реалисты «вкладывали в изображение самых обычных, подчас даже ничтожных, предметов искренность, истовость, труд и бесстрашие, достойные восхищения, не замечая, однако, что нарушают свой принцип и что творят какую-то новую «правду» — подлинность собственной, вполне фантастической выделки» [5: с. 96]. Стайновская трилогия в значительной мере является попыткой обнажить иллюзорность этой реалистической подлинности. Используя саму структуру просторечного высказывания как основу экспериментального авторского дискурса, писательница совсем по-иному работает с «простым» словом внелитературных бытовых жанров, чем это делали реалисты.

Писательница не говорит ничего о том, как мыслят её героини. Она даёт художественный образ структуры их сознания, для которого характерна слитность с миром. Подобная невыделенность из мира — основная черта «наивного» архаичного сознания. Стайн обнажает иллюзию традиционной объективности. На уровне слова это выражается через разрушение эффекта реалистического видения, предполагающего «точку зрения на мир, как дан-

ный человеку объективно» и исходящего из «установки, в рамках которой «реальность» предстает как «абсолютизированная», т.е. та же самая и такая же самая для всякого познающего субъекта и автономно для себя существующая» [6: с. 201]. Для «наивного» сознания не существует объективного, вне его положенного мира. Героини «Трёх жизней» не «мыслят», а проживают жизнь. И вот этот процесс проживания, длящегося бытие и даёт автор.

Говоря о специфике реалистического письма с его установкой на воспроизведение «конкретных деталей», Р. Барт определяет её «референциальную иллюзию». Суть ее заключается в том, что «реальность», будучи изгнана из реалистического высказывания как денотативное означаемое, входит в него уже как означаемое коннотативное. Стоит только признать, что известного рода детали непосредственно отсылают к реальности, как они тут же начинают неявным образом означать ее. В качестве примера Барт приводит описание гостиной Обэнов из «Простой души» Флобера. Конкретные детали в повествовательной ткани Флобера, по мысли исследователя, «говорят в конечном счете только одно: *мы — реальность*; они означают «реальность» как общую категорию, а не особенности ее проявления. Иными словами, само отсутствие означаемого, поглощенного референтом, становится означаемым понятия «реализм»; возникает *эффект реальности*, основа того скрытого правдоподобия, которое и формирует эстетику всех общераспространенных произведений новой литературы» [4: с. 398].

В случае с трилогией «Три жизни» вместо «референциальной иллюзии» наблюдается обратный процесс, который можно обозначить как подавление референциальности. Во многом эффект достигается именно благодаря отсутствию в стайновской прозе подобных «конкретных деталей». В тексте Стайн нет эффекта присутствия объективной действительности. Героини словно видят в каком-то безликом, никак не обозначенном пространстве, которое можно определить как своеобразное минус-пространство.

Подобное видение даёт, кстати, жанр портрета. Неслучайно именно после создания «Трёх жизней» Стайн активно обращается к жанру портрета, который даёт изолированное видение, столь необходимое писательнице. Портретируемый предстаёт отвлечённым от всего мира лицом. Его «изъятость» из мира соотносится с изначальной функцией архаического портрета, который был портретом погребальным. Если даже портретируемая фигура помещена в определённую среду, то и интерьер, и пейзаж на портрете превращаются скорее в двухмерный фон. В том случае, если человек изображается в трёхмерном пространстве пейзажа или интерьера, портрет начинает выходить за границы своей «чистой» жанровой специфики, становясь портретом-картиной или жанровой сценой, несмотря на то, что лица могут даваться портретно. Установка на портретирование в слове во многом определит специфику следующего произведения писательницы — масштабного романа «Становление американцев». Очевидно, что определенные черты портретного видения намечаются уже в трилогии «Три жизни».

Библиографический список**Источники**

1. *Флобер Г.* Госпожа Бовари. Саламбо. Простая душа / Г. Флобер. – М.: Дрофа, 2008. – 768 с.
2. *Stein G.* Three Lives / G. Stein. – Boston: Bedford, 2000. – 387 p.

Литература

3. *Арнольд И. В.* Современная стилистика английского языка: учеб. для вузов / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 303 с.
4. *Барт Р.* Эффект реальности / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Прогресс-универс, 1994. – С. 392–400.
5. *Валери П.* Об искусстве / П. Валери. – М.: Искусство, 1976. – 512 с.
6. *Венедиктова Т. Д.* Секрет срединного мира. Культурная функция реализма XIX века: учеб. пособие / Л.Г. Андреев, Г.К. Косиков, Т.Д. Венедиктова и др. / Под ред. Л.Г. Андреева // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000. – М.: Высшая школа, 2001. – С. 186–221.
7. *Земская Е. А.* Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е.А. Земская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 668 с.
8. *Ковтунова И. И.* Некоторые направления эволюции поэтического языка в XX веке: коллектив. монография / И.И. Ковтунова // Григорьев В., Ковтунова И.И., Ревзина О. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. – М.: Наука, 1990. – С. 7–27.
9. *Николаева Т. М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция / Т.М. Николаева // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 112–131.
10. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
11. *Руднев В.П.* Прочь от реальности: Исследования по философии текста / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 2000. – 429 с.

References**Istochniki**

1. *Flober G.* Gospozha Bovari. Salambo. Prostaya dusha / G. Flober. – M.: Drofa, 2008. – 768 s.
2. *Stein G.* Three Lives / G. Stein. – Boston: Bedford, 2000. – 387 p.

Literatura

3. *Arnol'd I. V.* Sovremennaya stilistika angliiskogo yazy'ka: ucheb. dlya vuzov / I.V. Arnol'd. – M.: Prosveshhenie, 1990. – 303 s.
4. *Bart R.* E'ffekt real'nosti / R. Bart // Bart R. Izbranny'e raboty': Semiotika. Poe'tika / R. Bart. – M.: Progress-univers, 1994. – S. 392–400.
5. *Valeri P.* Ob iskusstve / P. Valeri. – M.: Iskusstvo, 1976. – 512 s.
6. *Venediktova T. D.* Sekret sereinnogo mira. Kul'turnaya funkciya realizma XIX veka: ucheb. posobie / L.G. Andreev, G.K. Kosikov, T.D. Venediktova i dr. /

Pod red. L.G. Andreeva // *Zarubezhnaya literatura vtorogo ty'syacheletiya. 1000–2000.* – М.: Vysshaya shkola, 2001. – S. 186–221.

7. *Zemskaya E. A. Yazy'k kak deyatel'nost': Morfema. Slovo. Rech' / E.Ya. Zemskaya.* – М.: Yazy'ki slavyanskoi kul'tury', 2004. – 668 s.

8. *Kovtunova I. I. Nekotory'e napravleniya e'volyucii poe'ticheskogo yazy'ka v XX veke: kollektiv. monografiya / I.I. Kovtunova // Grigor'ev V., Kovtunova I.I., Revzina O. Ocherki istorii yazy'ka russkoi poe'zii XX veka. Poeticheskii yazy'k i idiosstil'.* – М.: Nauka, 1990. – S. 7–27.

9. *Nikolaeva T. M. Rechevy'e, kommunikativny'e i mental'ny'e stereotipy': sociolingvisticheskaya distribuciya / T.M. Nikolaeva // Yazy'k kak sredstvo translyacii kul'tury'.* – М.: Nauka, 2000. – S. 112–131.

10. *Rubinshtein S. L. Osnovy' obshhei psixologii / S.L. Rubinshtein.* – SPb.: Piter, 2000. – 720 s.

11. *Rudnev V. P. Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta / V.P. Rudnev.* – М: Agraf, 2000. – 429 s.

С.Ю. Хованова,
О.В. Афанасьева

Особенности синонимических отношений при использовании отглагольных имен типа *pay-off*

В современном английском языке в синонимических отношениях активно участвуют имена, образованные по конверсии от фразовых глаголов. Цель данного лингвистического анализа — описание этих явлений при использовании комплексных знаков типа *pay-off* с когнитивной точки зрения.

In modern English there are quite many nouns converted from phrasal verbs which may form the synonymic relations. The purpose of this linguistic analysis is to describe this phenomenon when using complex words of the *pay-off* type from the cognitive point of view.

Ключевые слова: конверсия; отглагольные имена; гибридные единицы; синонимы; язык Интернета; когнитивный подход.

Key words: conversion; verbal nouns; hybrid units; synonyms; the language of Internet; cognitive approach.

Английский язык, будучи языком аналитического строя, обладает значительными потенциальными возможностями для такого лингвистического явления, как **конверсия**. Это не только высокопродуктивный, но и типичный для данного языка способ словообразования. Образование имен от фразовых глаголов наглядно характеризует собой этот тип деривации и часто описывается в терминах **номинализации** или **транспозиции словообразовательного характера**. Данное лингвистическое явление, по мнению Е.С. Кубряковой, должно быть определено как «моделируемая в системе языка операция по обработке и объективации структур знания, при которой сама эта структура отражает взаимодействие разнопорядковых категориальных смыслов, причем такое взаимодействие может быть как очень простым, так и очень сложным» [4: с. 346].

Номинализация в трудах многих лингвистов рассматривается как процесс создания в языке гибридных единиц, которые:

- существуют на пересечении семантических, синтаксических, словообразовательных и иных параметров и подсистем языка;
- обеспечивают одновременный доступ к разным способам концептуализации референта — как процессуальным, так и предметным;
- обладают особой концептуальной гибкостью и возможностью приспособляться к постоянно меняющимся условиям дискурсивной деятельности [1: с. 207].

Конверсия тесным образом переплетается с таким лингвистическим феноменом, как синонимия. Оба явления представляют собой способы обогащения словарного состава и получают активное развитие на современном этапе развития английского языка.

Проблема синонимии достаточно хорошо разработана и изучена с точки зрения терминологии и классификации. Большинство лингвистов традиционно считают синонимами слова, относящиеся к одной части речи, имеющие одно или несколько сходных значений, отличающиеся дополнительными оттенками значения, эмоциональной или стилистической окраской, сочетаемостью с другими словами. Основой для синонимического сходства является общий денотат, а все остальные компоненты значения могут варьироваться и формируют отличительные черты синонимических оппозиций.

Семантические описания однотипных ситуаций рассматривались ранее как проблемы равнозначных преобразований. История лингвистической теории преобразований восходит к 20–30 гг. XX в., когда О. Есперсен (1924), Л. Теньер (1934) и ряд других ученых вводят понятие о функциональной (синтаксической) транспозиции. Данная традиция была поддержана рядом отечественных ученых, которые утверждали, что язык содержит большое количество абсолютных синонимов [2].

Вместе с тем, современные лингвисты, соглашаясь с наличием в языке определенного процента абсолютных синонимов, подчеркивают, что языку присуще стремление избавляться от полностью тождественных элементов. Следовательно, большая часть слов, названных синонимами, не является абсолютно тождественными элементами. Действительно, в процессе развития лингвистической мысли исследователи все чаще обращают внимание на то, что слова-синонимы, помимо отличий, которые отражены в форме слова, имеют также и весомые расхождения в содержании. Так, например, В.Г. Виллюман отмечает, что «синонимы всегда различаются составом компонентов своих значений и обладают хотя бы одним компонентом значения, который является инвариантным в значениях всех слов, составляющих семантический ряд» [3: с. 27]. Другими словами, описывая **одну и ту же ситуацию**, слова-синонимы делают это все же **по-разному**.

В отечественной лингвистике неоднократно проводились исследования разнообразных синонимических рядов различных частей речи. Однако в последние десятилетия XX в., с возникновением когнитивного подхода к изучению различных явлений языка, появилась новая возможность решения проб-

лем синонимии. Все большее внимание при анализе синонимов ученые стали уделять изучению их возможностей, способностей при описывании одной и той же ситуации подчеркивать, выделять в ней различные аспекты и нюансы, которые могут иметь различную значимость для того или иного говорящего.

Синонимы маркируют разные части одного и того же ментального пространства, уточняя ассоциативные и концептуальные структуры, стоящие за ними. Опыт человека закрепляется в структурах языка при помощи различных конвенциональных значений, которые в словах постоянно и динамично развиваются, а теория синонимии представляет собой гибкую систему координат, состоящую из гибкой системы противопоставлений. Е.С. Кубрякова отмечает, что в рамках когнитивного подхода синонимы будут скорее рассматриваться как «единицы одного ментального или концептуального пространства, но занимающие в этом пространстве **разные места**, а главное, соответствующие в нем **разным образам** обозначаемой или же описываемой действительности [4: с. 432].

Вместе с тем, наряду с **лексической синонимией** большое внимание в современных исследованиях уделяется и **грамматической синонимии**, когда семантическое сходство могут иметь слова разных частей речи, целые сочетания и обороты речи. Так, соотношение конверсии и синонимии можно рассматривать с двух позиций. Прежде всего, это анализ таких разнотурных средств выражения, как исходный фразовый глагол и образованное от него способом конверсии имя существительное, оба из которых в определенном контексте могут описывать практически одну и ту же ситуацию. Известно, что глаголы традиционно рассматриваются как единицы, вводящие в фокус внимания изменение положения дел в пространстве. Можно отметить, что сдвиг в категориальной принадлежности слова влечет за собой и сдвиг в том, что находится при этом в фокусе внимания. Так, во фразовом глаголе *to bail out* в фокусе внимания находится действие по оказанию финансовой помощи, а в отглагольном имени *bailout* — сама финансовая помощь как нечто отдельное, которое может быть использовано в дальнейшем дискурсе самостоятельно, при этом в сочетании с совершенно разными частями речи: «*A Fed **Bailout** Crosses a Line*», «*Henry Paulson plans **bailout** for US mortgage borrowers*»; «*Even if a **bailout** works, UK is still in for bumpy ride*» и т.п. Таким образом, выбор одной из единиц интенционален и обусловлен разными намерениями говорящего.

Вместе с тем, синонимия и конверсия соотносятся друг с другом благодаря значительному количеству конверсивов, продолжающих уже существующие в современном английском языке синонимические пары или ряды. В значительной степени это касается синонимических рядов имен типа **pay-off**, образованных от фразовых глаголов. Так, например, в словаре «*Oxford Learner's Thesaurus (a dictionary of synonyms)*» тема взяточничества и подкупа, выраженная такими словами, как *bribe*, *bait*, расширяется благодаря именно фразовым отглагольным именам: *pay-off* и *kickback*.

Проведенный дефиниционный анализ показал, что все вышеназванные существительные обозначают нечто, используемое **незаконно** с целью убедить другого человека сделать то, что нужно говорящему. Различия в этих словах проявляются в следующем: **что, кому и зачем** необходимо использовать для достижения цели. Имя *bribe* является наиболее нейтральным словом и означает «взятка» или «деньги, подарок, который нелегально передается другому лицу с целью убедить его сделать что-то для вас».

Существительное *bait* можно перевести несколько по-другому: «соблазн, наживка», т.е. то, что можно использовать для привлечения внимания и обмана с целью заставить другого человека сделать то, что вам нужно:

Plenty of people took the bait (=accepted what was on offer) *and lost their life savings* [12].

Интересно отметить, что сама наживка, приманка в данном случае не обязательно материально выражена. Это могут быть, например, высокие проценты по вкладу в банке, которые, собственно, и привлекают, заманивают клиентов, а потом часто приводят к ситуации, когда все накопления теряются.

Фразовый глагол *to pay off* с общим значением «выплачивать денежные суммы» дает по конверсии соответствующее имя *pay-off* со значением «денежная выплата». Однако при этом отглагольное имя означает не просто выплату, а «выплату определенному лицу для того, чтобы это лицо не разгласило тайну или оставило свой пост»:

The government are investigating pay-offs to high-ranking officials [12].

The Chief Executive left a year early with a \$1,5 pay-off [12].

В данном случае наблюдаем деривацию, которая наглядно показывает результат конверсии уже сложившегося фразового глагола в одном из своих значений. Значение отглагольного имени сопровождается в словарях пометой *usually disapproving* (обычно неодобрительно), т.е. это выплата денежной суммы, совершаемая именно с целью заставить человека совершить неодобряемый поступок вопреки его планам или убеждениям.

Имя *kick back*, образованное от фразового глагола, также означает сумму денег, выплачиваемую нелегально в обмен на помощь. При этом речь идет о выплатах политикам или официальным лицам как часть делового соглашения, например, при подписании выгодного контракта:

They were accused of paying kickbacks to politicians to obtain public contracts [12].

В данном случае отглагольное имя *kickback* можно перевести на русский язык словом *откат*, которое означает «возвращение части полученной суммы денег, обычно в результате принуждения или в качестве взятки». В этом примере на первый план выходит результат слияния когнитивных пространств исходного глагола и постглагольной частицы, а именно: *kick* «ударить, отфутболить» и *back* «в обратном направлении», т.е. вернуть деньги обратно тому, кто их дал.

Необходимо отметить, что упомянутые имена, образованные от фразовых глаголов, принадлежат к неформальному стилю (о чем есть помета в словарях), что отличает их от двух других слов данного синонимического ряда.

Сегодня, в начале XXI века, Интернет представляет собой не только глобальную информационную среду, но и особый виртуальный мир, в котором присутствует свой язык. В динамично развивающемся информационном пространстве заслуживает интереса изучение газетного текста и средств его формирования в электронной версии. По словам Е.В. Переверзева, изучавшего печатные и электронные варианты газеты, коэффициент информативности и экспрессивности в электронных версиях выше, чем в печатных [5].

Одной из отличительных черт современных средств массовой информации становится использование фразовых отглагольных имен типа *bailout* в заголовках статей ведущих английских газет и журналов. Информационные статьи в Интернете, созданные в режиме on-line, представлены таким образом, что читатель сначала видит лишь название статьи и краткую аннотацию к ней и лишь затем открывается сама статья, зачастую содержащая несколько видоизмененный заголовок. Для исследования нами были отобраны статьи, в которых первый и второй заголовки не идентичны: отглагольная номинализация обязательно встречается лишь в первом случае, а во втором заголовке используется его синонимический эквивалент.

Весьма интересны случаи, когда в обоих заголовках используются синонимичные фразовые отглагольные имена. Так, заголовок «*Deutsche Bank May Post First Loss in Five Years on \$3.9 Billion Writedown*» получает вариант «*Deutsche Bank May Report First Loss in Five Years on Markdowns*» [6]. Причем отметим, что отглагольное имя *writedown* имеет более широкое значение — «снижение ценности владений компании» («a reduction in the value of what a company owns, etc» [11]) и, возможно, поэтому требует указания на сумму снижения ценности компании, а именно — *\$3,9 Billion Writedown*. Фразовое отглагольное имя *markdown*, в свою очередь, означает «понижение стоимости» («a reduction in the price of something» [11]) и вполне самодостаточно во втором заголовке.

Сходный пример наблюдается и в «Newsweek»: «*Detroit in trouble: GM Begs for a Bailout*» имеет второй заголовок «*Detroit: Begging For Help*» [7]. Известно, что фразовое отглагольное имя *bailout* означает «оказание финансовой помощи» (an act of giving financial **help**... [7]). Таким образом, во втором заголовке используется слово-синоним, которое входит в дефиницию фразового отглагольного имени, упомянутого в первом.

В заголовке «*Hiddink asks for Scolari's input*» использовано отглагольное имя *input*, которое отражено во втором варианте заголовка существительным *advice*: «*Guus Hiddink wants Luiz Felipe Scolari's advice on Chelsea*» [9].

В данном случае наблюдается аналогичная ситуация: первое, производное и, соответственно, более сложное имя *input* имеет в своей дефиниции слово, используемое во втором заголовке: *input* — «ideas, **advice**, money or effort that you put into a job or activity in order to help it succeed» [10]. Само слово *input* означает «вклад» в решение проблемы. Во втором заголовке проясняется, какой именно вклад, — помощь в виде совета. Отметим, что второй заголовок содержит намного больше проясняющих ситуацию деталей: появляются име-

на главных действующих лиц (тренеров футбольных команд), а также название футбольного клуба, о котором, собственно, и идет речь.

Итак, с одной стороны, функционирование синонимов в электронном варианте газетного дискурса — на сегодняшний день малоизученное явление. С другой — проведенный анализ синонимических слов и выражений с использованием фразовых отглагольных имен в электронных версиях газетных статей показал, что синонимы могут употребляться с целью избежания повтора, а также для уточнения мысли автора. Вместе с тем, использование синонимов представляет собой средство логического построения текста и имплицитного выражения интенции автора. Рассмотренные выше примеры подтверждают, что язык, как система передачи смыслов, значений слов, вряд ли допустит наличие в нем единиц, передающих абсолютно одинаковые значения.

Интересным представляется факт, отмеченный Е.С. Кубряковой в ряде ее работ: языку, с точки зрения логики его построения, просто незачем иметь такое количество абсолютно равнозначных преобразований. Именно поэтому конверсивы, продолжающие тот или иной синонимический ряд, обязательно привносят новое, более точное, емкое, выразительное слово в постоянно развивающийся английский язык.

Все вышесказанное подтверждает: синонимы, принадлежа к концептам одной и той же ментальной области, имея между собой прочные связи, пересекаясь друг с другом, тем не менее обнаруживают ряд различий. Именно эти расхождения, так называемые дифференциальные части синонимов, и являются наиболее важными и значимыми для исследователей языка, изучающих функционирование живого языка в дискурсе. Не вызывает сомнения, что выбор того или иного синонима, синонима-конверсива в частности, зависит от того, как мыслится нами та или иная ситуация, как она воспринимается в момент коммуникации тем или иным говорящим.

Библиографический список

Источники

1. *Ирисханова О. К.* Лингвокреативные основания теории номинализации: дис. ... д-ра филол. наук / О.К. Ирисханова. – М., 2004. – 332 с.

Литература

2. *Аперсян Ю. Д.* Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Аперсян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

3. *Вилюман В. Г.* Английская синонимика / В.Г. Вилюман. – М.: Высшая школа, 1980. – 128 с.

4. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 506 с.

5. *Переверзев Е. В.* Информационная организация электронной статьи в газетном дискурсе. – Белгород, [2006] // Российское общество социологов. Интернет-журнал социальных дискурсов-исследований. [2006]. URL: <http://socionavtika.net>.

6. *Bloomberg*. – 2009. – April 28. URL: <http://www.bloomberg.com>.
7. *Newsweek*. – 2008. – November 28. URL: <http://www.newsweek.com>.
8. *Palmer F. R. Semantics / F.R. Palmer // Second Edition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 325 p.
9. *The Times*. – 2009. – February 12. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/uk>.

Справочные и информационные издания

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. – London: Longman House, 2007. – 1950 p.
11. *Oxford Phrasal Verbs. Dictionary for Learners of English*. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 398 p.
12. *Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 773 p.

References

Istochniki

1. *Irisxanova O. K. Lingvokreativny'e osnovaniya teorii nominalizacii: dis. ... d-ra filol. nauk / O.K. Irisxanova*. – M., 2004. – 332 s.

Literatura

2. *Apresyan Yu. D. Leksicheskaya semantika: sinonimicheskie sredstva yazy'ka / Yu.D. Apresyan* – M.: Nauka, 1974. – 368 s.
3. *Viljuman V. G. Anglijskaya sinonimika / V.G. Vilyuman* – M.: Vy'sshaya shkola, 1980. – 128 s.
4. *Kubryakova E. S. Yazy'k i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazy'ke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zreniya. Rol' yazy'ka v poznanii mira / E.S. Kubryakova*. – M.: Yazy'ki slavyanskoj kultury', 2004. – 506 s.
5. *Pereverzev E. V. Informacionnaya organizacia e'lektronnoj stat'i v gazetnom dis-kurse / E.V. Pereverzev*. – Belgorod, [2006] // Rossijskoe obshhestvo sociologov. Internet-zhurnal social'ny'x diskurs-issledovanij. [2006]. URL: <http://socionavtika.net>.
6. *Bloomberg*. – 2009. – April 28. URL: <http://www.bloomberg.com>.
7. *Newsweek*. – 2008. – November 28. URL: <http://www.newsweek.com>.
8. *Palmer F. R. Semantics / F.R. Palmer // Second Edition*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 325 p.
9. *The Times*. – 2009. – February 12. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/uk>.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. – London: Longman House, 2007. – 1950 p.
11. *Oxford Phrasal Verbs. Dictionary for Learners of English*. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – 398 p.
12. *Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 773 p.

Н.Ю. Петрова

Лингвокогнитивные особенности построения списка действующих лиц (на материале английской драмы)

При всем внимании к драматургическим произведениям на сегодняшний день в науке отсутствует их собственно лингвистический анализ. Когнитивно-дискурсивная парадигма позволяет исследовать подобные тексты в качестве формата знаний одновременно в двух планах: как когнитивные образования и как образования дискурсивные. В статье канонические тексты английской драмы рассматриваются на примере той структуры знания пьесы, которой является её список действующих лиц.

Based on the cognitive-and-discourse approach this article gives a linguistic analysis of the conventional English Drama. The texts of plays are treated as formats of knowledge, which, among others, consist of such structures of knowledge as Casts of Characters.

Ключевые слова: драматические тексты; лингвистический анализ; формат знания; структура знания; список действующих лиц.

Key words: texts of drama; linguistic analysis; format of knowledge; structure of knowledge; Cast of Characters.

Феномен списка действующих лиц пьес, о котором пойдет речь в данной статье, представляет собой лишь часть того обширного пласта крайне интересных явлений лингвистического и культурологического характера, до сих пор находившегося на периферии исследовательских интересов и впервые подвергнутого нами **комплексному лингвистическому анализу**. За теоретическую основу нашего анализа взяты новейшие программные работы Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой [8; 9], в которых предлагается изучать произведения драматургии с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы научного знания. Исследуемый в таком ракурсе драматический текст трактуется как определенным образом организованная целостность, или **формат знания**. Рассмотрим подробнее это понятие.

В условиях сценического дискурса когнитивный анализ текстов драмы позволяет нам обнаружить в едином формате знания пьес совокупность некоторых **структур знаний**, следующих в определённой последовательности. При этом формат знания всей пьесы может быть представлен в виде двух комплексов структур, сгруппированных как в формат знания для режиссера-постановщика, так и в формат знания для исполнителей пьесы и её зрителей. Вслед за Е.С. Кубряковой мы полагаем, что в наиболее общем виде це-

лостный формат знания драматического текста включает в себя объединения ряда структур. К плану постановщика мы относим название пьесы, список действующих лиц и сценические ремарки, к плану исполнителей и зрителей — основной корпус текста пьесы. Такая структурация показывает, что, во-первых, пьесы — это сложные неоднородные тексты, состоящие из ряда разнообразных элементов, среди которых списку действующих лиц отводится не последнее место. Во-вторых, канонически последовательность представления таких элементов имеет фиксированный характер. И, наконец, в-третьих, все они различаются по своей адресованности.

Отметим, что комплекс текстов, включенных в макротекст драматургического произведения, при более детальном рассмотрении может расширяться далее и как следствие включать:

- название пьесы;
- заголовок списка действующих лиц;
- список действующих лиц с указанием сэттинга как конкретного места и времени действия пьесы;
- сценические ремарки двух типов, из которых:
 - первый предшествует второму и уточняет основное место действия;
 - второй тип следует за первым и отражает передвижение героев на сцене или особенности произнесения ими реплик.

Мы учитываем, что формат пьесы как объединение её частей предполагает присутствие и ряда других структур знаний, имеющих статус текста в тексте аналогично перечисленным выше. Такие элементы используются драматургами факультативно, и многие из них могут быть расценены как своеобразные особенности авторского идиостиля. Сюда относятся 1) **посвящение-адрес**, например, в пьесе «Писарро» Р. Шеридана; 2) **стихотворение-посвящение** (ср. стихотворение «A Portrait», адресованное миссис Крув, в комедии Р. Шеридана «Школа злословия»); 3) **эпиграф** (ср. два эпиграфа из Горация и Теренция к пьесе «Двойная игра» У. Конгрива); 4) **письмо автору**, например «Похвальное слово моему дорогому другу мистеру Конгриву по поводу его комедии под названием «Двойная игра» Дж. Драйдена; 5) **письмо автора** (ср. письмо У. Конгрива «Достопочтенному Чарлзу Монтегю, управляющему финансами» в пьесе «Двойная игра» или письмо Р. Шеридана, адресованное миссис Гревилль, в пьесе «Критик»); 6) **авторское предисловие** (ср. «Профессор фонетики» к пьесе Б. Шоу «Пигмалион»); 7) **прологи и эпилоги**, как правило, создающие в структуре пьесы архитектурную рамку; 8) **введение в действие** по типу пьесы-пролога, например, «Induction» в комедии У. Шекспира «Укрощение строптивой»; 9) **предварительный список актов** пьесы у О. Уайльда и т.д. [1; 4].

В связи с ограничениями в объеме данной статьи мы остановимся подробнее на когнитивно-дискурсивных особенностях лишь одной структуры знания пьесы, а именно — на её **списке действующих лиц**. Обратим внимание на тот факт, что канонически в английских драматургических произведениях за названием пьесы следует вовсе не перечень её участников, а **ещё один**

заголовок, визуально маркирующий ту новую структуру знания, которой, собственно, и является список действующих лиц. Указание заголовка такого рода, несомненно, подчеркивает автономный статус списка действующих лиц как специального текста, предваряющего основной корпус пьесы (см. классическое определение текста И.Р. Гальпериным [7]).

Краткий экскурс в историю вопроса демонстрирует, что довольно продолжительное время действующие лица вводились в тексты английских пьес в традициях древнеримского театра. Этим и объясняется обращение драматургов к латинской форме *Dramatis Personae* (Nominativus Pluralis), которая, согласно данным лексикографических источников, канонически использовалась применительно к персонажам любых художественных произведений – драматических, поэтических и прозаических (значение 1a):

Dramatis personae n pl [NL, lit., people of a drama] **1a**: the characters or actors in a drama or in a novel or poem; **b**: a descriptive list of characters in a drama; *esp*: one printed at the beginning of the text of a drama; **2**: the participants in an actual event or series of events [12].

Немаловажно, что словарь четко фиксирует начальную позицию списка в самих текстах пьес, а также его дескриптивный характер (значение 1b). Последнее предполагает указание в списке не только сведений, касающихся собственно имен действующих лиц, но и тех признаков черт, которые позволяли бы выделять этих лиц среди других участников.

Лишь в XIX в. заголовок списка действующих лиц высвобождается из-под «диктата» заимствований и приобретают исконно английскую грамматическую форму *persons* (а не *personae*). Далее герои уже именуются как *characters*, что демонстрирует сближение драмы с прозой, в частности с такими популярными жанрами последней, как роман или рассказ. Дальнейшая эволюция заголовка действующих лиц неминуемо приводит к объединению всех персонажей пьесы под одним родовым названием *Cast*, что позволяет искать параллели между драмой и новым видом искусства XX в. — кинематографом.

В нашем материале [4] мы обнаружили заголовки списков действующих лиц, относящиеся к разным этапам развития английской драмы. В целом, все эти заголовки демонстрируют довольно высокую степень языковой вариативности: 1) латинский *Dramatis Personae* в классической английской драме у К. Марло, У. Шекспира, Б. Джонсона, О. Голдсмита, Р. Шеридана; 2) *Persons in the Farce* у Г. Филдинга; 3) *The persons of the play* у О. Уайльда или *Persons of the play* у Дж. Голсуорси; 4) *Cast of Characters* у современных драматургов С. Сиклза и Дж. Биггза; 5) *Characters* у Т. Стоппарда, Р. Смоулена; 6) аналогично кинематографическому *The Cast* в пьесах А. Кристи и Г. Пинтера. При сопоставлении с подобным перечнем в языке русской драмы мы отмечаем их меньшее разнообразие: 1) *Действующие* с последующим двоеточием у А.С. Грибоедова; 2) *Лица* у А.Н. Островского; 3) *Действующие лица* у Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, А.М. Горького, Е.Л. Шварца [2]. Следует учесть, что у Б. Шоу и некоторых других современных английских драматургов тек-

сты пьес вообще не сопровождаются списком действующих лиц, что, в принципе, является отступлением от канона.

Особое месторасположение списка действующих лиц в тексте позволяет ему выполнять двоякую функцию. С одной стороны, он поддерживает метонимические связи с предшествующим ему названием пьесы. Это становится возможным, в первую очередь, благодаря повтору заглавных имен (*eponymous names*) в самом списке. (Ср.: название пьесы «Веер леди Уиндермир» и включение в перечень участников такого персонажа, как леди Уиндермир). С другой стороны, список действующих лиц способствует семантическому раскрытию идеи пьесы и предвосхищает развитие событий вокруг главных героев, т.е. функционирует по принципу «расширяющейся воронки» (*expanded funnel*) аналогично тому, как сами события в драме раскрываются для зрителя по принципу «расширяющейся Вселенной» (*expanded universe*).

С собственно лингвистической точки зрения, данный текст представляет собой не что иное, как перечень имен собственных и имен нарицательных, выстроенный в определенном порядке. Отсутствие предикации объясняется основной функцией такого антропоцентрического списка — назвать действующие лица как героев пьес.

Мы полагаем, что список действующих лиц является особой структурой знания для постановщика, поскольку при сценическом воплощении пьесы его ознакомление с данным перечнем носит обязательный характер. Список заранее ориентирует постановщика при подборе исполнительского состава и позволяет ему **соотнести формат знания**, заданный драматургом, с хронологическими характеристиками сэттинга пьесы, декорациями, амплуа приглашенных актёров, их костюмами, условиями произнесения реплик и т.д. [8]. Особая адресатность списка приводит к соответствующему выделению его среди основного массива драматического текста, а именно к графически маркированной отграниченности.

Интересно отметить, что у большинства списков действующих лиц есть и известный видоизмененный вариант — тот, в котором он поступает к зрителю в так называемой театральной программке. Озаглавленный как «Действующие лица и исполнители», такой список, по сути, не является авторским оригиналом, поскольку, как правило, подвергается частичному сокращению и отражает идею инсценировки пьесы, а не исходного текста. Все сведения здесь четко распределяются по когнитивной модели «кто есть кто» (персонаж — имя актера). Герои следуют друг за другом в соответствии с их значимостью. Другой способ представления персонажей в театральной программке — введение их **дискурсивно в режиме on-line**, т.е. в той последовательности, в которой они появляются на сцене (см. «Пигмалион» Б. Шоу, пьесы Г. Пинтера, Т. Стоппарда). Списки действующих лиц, фиксированные в театральных программках, несомненно, являются уже **вторичными текстами** и могут отражать некоторые отступления от канона.

В оригинальных текстах драмы списки действующих лиц, как правило, носят особый **системный** характер, поскольку подвергают всех перечисленных героев определенной разбивке **по категориям**. Такое деление тради-

ционно осуществляется согласно принципам, связанным с идеей выдвижения персонажей по их значимости для драматического действия. Естественно, в ходе истории драмы значимость героев определяется по-разному, т.е. может варьироваться. Все это в результате приводит к тем или иным изменениям канона системного построения списка действующих лиц.

Канонически такой список указывает, прежде всего, на **иерархию** героев. В классических пьесах главным действующим лицом становится тот, кто выше других героев **по социальному статусу** или **положению в обществе**. Например, в «Ромео и Джульетте» по требованиям канона на первый план в списке действующих лиц выведены не заглавные герои, а герцог Веронский, олицетворяющий собой власть наместника монарха. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что типичная для того времени «дань» монархам [6; 10] не ограничивается одной их почетной номинацией в списке действующих лиц. У Шекспира короли, герцоги и прочие представители монаршей власти традиционно начинают действие пьесы, а некоторые и завершают его, как это делает, например, герцог Веронский.

Для иллюстрации рассмотрим достаточно объемный список действующих лиц «Ромео и Джульетты» [5], который размещен издателями в двух колонках, разделяемых чертой. В его правой колонке можно отметить графические разграничения, сделанные с помощью пробелов. Все действующие лица расположены с учетом «вертикали власти», т.е. в списке полностью выдержана табель о рангах. Именно поэтому графически список героев всегда выстраивается в колонку, а не в строчку, тем самым представляя собой особый иконический знак. Список открывается номинацией самого высокого по своему **социальному статусу** действующего лица. За ним Шекспир вводит дворянина из его окружения, далее следуют главы двух знатных враждующих кланов (*Houses at variance*). Другой мотив представления героев – **родственные связи** (*Uncle to Capulet*, в рус. переводе — *Старик, родственник Капулетти*) и **дружеские отношения**, благодаря которым за Ромео вводятся его друзья – Меркуцио и Бенволио. Следующий за ними Тибальт сразу занимает позицию **антагониста**, поскольку Шекспир указывает на его родственную связь с синьорой Капулетти. С другой стороны, очевидно причисление всех трех явных соперников — Тибальта и Меркуцио с Бенволио — к **одной возрастной группе**. Лишь потом перечисляются все прочие участники пьесы: францисканские монахи, слуги, аптекарь, музыканты, пажи и пристав. При этом никакой особой логической цепочки в порядке их следования, на современный взгляд, здесь не усматривается.

Нельзя не заметить, что все женские персонажи в пьесах Шекспира неизменно помещаются в конец списка и для особого выделения отмечены обрамляющим графическим пробелом. Этот перечень, или «список в списке», выстроен по законам **внутренней иерархии**, чаще всего основанной на словных и родственных связях. Подобное выделение драматургом женских персонажей в отдельный список исторически осуществлялось по гендерному принципу и было связано с ограничениями актерских амплуа: классический театр того времени не допускал участия в спектакле женщин, и все женские роли исполнялись молодыми безбородыми актерами [10].

Наши наблюдения показывают, что список действующих лиц «Ромео и Джульетты» также, впрочем, как и любой другой пьесы Шекспира, строится по общей для всех схеме, или **фрейму**. Здесь мы используем предложенное Ф. Кликсом представление о фрейме, где его центральная часть является ядром, относительно которого расположены терминалы, или слоты. Последние фиксируют концепты, совокупность которых создает центральный концепт, представленный ядром фрейма [11]. Вся рассматриваемая нами информация **систематизирована** и демонстрирует определенную последовательность представления разного рода связей между героями, которые выстраивает между ними драматург. Предлагаемый нами фрейм (рис. 1) универсален и может быть применим ко всем пьесам Шекспира с учетом его **открытого характера**. Так, в «Двух веронцах» в связи с указанием автора на Джулию и Сильвию как возлюбленных главных героев к нему добавится слот «любовные отношения» и т.д.

Рис. 1. Фрейм списка действующих лиц в пьесах У. Шекспира.

Обратим внимание на то, что данный иерархический фрейм в целом фиксирует довольно большое количество представленных в нем слотов. Это вызвано очевидной **перегруженностью действующими лицами**, которая, несомненно, отражает эпическое своеобразие театра Шекспира. Здесь необходимо учитывать, что, обладая синтетическим характером, драматургия того времени все еще демонстрирует историческое единство трех родов литературы — эпоса, лирики и драмы [3]. Для иллюстрации: количество участников в рассматриваемой нами «Ромео и Джульетте» доходит до ста человек. Помимо двадцати семи главных и второстепенных действующих лиц в основном списке, поименно перечисленных в его двух колонках, Шекспир отдельно (уже в строчку) вводит горожан Вероны, родственников домов Монтекки и Капулетти, мужчин и женщин, участников маскарада в масках, стражу, часовых, слуг и, наконец, хор.

Отсутствие какой-либо выделенности фоновых фигур с целью создания эффекта массовости можно заметить и в иерархически выстроенном перечне «прочих лиц», замыкающих другую пьесу, — «Гамлет» (1602): «*Вельможи,*

дамы, офицеры, солдаты, моряки, гонцы и другие слуги». При перечислении того же рода в «Макбете» (1606) Шекспир намеренно помещает убийц между солдатами и слугами, подчеркивая тем самым обыденность самой идеи убийства: «Лорды, дворяне, офицеры, солдаты, убийцы, слуги и гонцы».

В связи с разным составом театральной труппы того времени объёмные списки действующих лиц в «Ромео и Джульетте», «Макбете» и многих других пьесах XVI–XVII вв. имели особую реализацию в подборе актёров¹. Последующее развитие канона в постшекспировском театре шло за счёт **снятия «перегруженности»** действующими лицами, т.е. уменьшения их числа. В результате это привело к значительному сокращению количества тех персонажей, которые не уточняли событийный план пьесы. Такой поворот был связан с дальнейшей эволюцией театральных жанров, а также постепенным переходом с пятиактных на трехактные пьесы. Некоторым ограничением стала и сама сцена драматического театра, размеры которой зачастую не позволяли вмещать чересчур большую массовку.

Как показало исследование, эволюция построения и организации списка действующих лиц (далее — ДЛ) прежде всего касается трех основных параметров: количество участников, гендерный фактор, а также основной концептуальный принцип, положенный в основу их иерархии (см. табл. 1).

Таблица 1

Эволюция списка действующих лиц в исторической перспективе

Параметры эволюции списка ДЛ	Этапы развития английской драмы в исторической перспективе			
	XVI–XVII вв.	XVIII в.	XIX в.	XX–XXI вв.
<i>Количество ДЛ</i>	до 100	15–17	12–17	1–12
<i>Гендерное равенство ДЛ</i>	–	–	–	+
<i>Принцип введения ДЛ</i>	по социальному и родственному статусу	по социальному и родственному статусу	по социальному и родственному статусу	по значимости для действия

Подводя итог краткому лингвистическому анализу такой структуры знания англосаксонской драмы, как список действующих лиц, мы отмечаем, что

¹ «Постоянный состав труппы был очень невелик — от восьми до четырнадцати человек.<...> При большом количестве действующих лиц в пьесах того времени такой малый состав труппы не мог обеспечить всех ролей. Путем совмещения нескольких ролей одним актёром удавалось распределить все сколько-нибудь значительные роли. Для остальных же ролей существовали, во-первых, мелкие наемные актёры, получавшие разовую оплату, и, во-вторых, ученики, работавшие бесплатно, ради практики» [6: с. 23].

наше исследование является **когнитивным** в том смысле, что оно позволяет связать поименованных действующих лиц пьесы с указанными характеристиками героев и отчасти предсказать линию сюжета. В то же время, сообщая характеристики персонажей, список не может не содержать намеки на некоторые **дискурсивные** особенности их речи, например, позволяет дифференцировать речевые характеристики монархов и их слуг.

В дальнейшем драматургии неизменно следовали канонам шекспировского театра с теми некоторыми коррективами, которые вводило историческое время (предпочтение трехактных и двухактных пьес, сокращение состава участников, включение имен женских персонажей в общий список исходя из их значимости и т.д.). Следовательно, и сейчас этот список действующих лиц обладает прежней фреймовой структурой, где изменению подвергаются лишь отдельные части. Ориентируя постановщика на подбор актеров, а зрителей (позднее и читателей) на участников пьесы, список действующих лиц тем самым выполняет важную **дейктическую функцию**. Рассмотренный в исторической перспективе на материале пьес-образцов своего времени, список позволяет в известном смысле восстанавливать историческое прошлое и судить о том, как формировался человеческий опыт на разных стадиях развития общества.

Библиографический список

Источники

1. Английская комедия XVII–XVIII веков: Антология / Сост., предисл., коммент. И.В. Ступникова. – М.: Высшая школа, 1989. – 815 с.
2. Бесплатная виртуальная электронная библиотека — ВВМ, авторский каталог. URL: http://elib.com/catalog_author.php.
3. Михайлов М. И. Эпос, драма, лирика как роды литературы: сущность, специфика, соотношение: дис. ... д-ра филол. наук / М.И. Михайлов. – М., 2006. – 295 с.
4. EServer Drama Collection, каталог пьес. URL: www.drama.eserver.org/plays.
5. The Complete Works of William Shakespeare / Edited, with a Glossary by W.J. Craig. – London: H. Pordes, 1983. – 1264 p.

Литература

6. Аникст А. А. Гамлет, принц Датский: статьи и примеч. к ПСС У. Шекспира: в 8-ми тт. / А.А. Аникст. – Т. VI. – М.: Искусство, 1960. – С. 571–663.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин – М.: Наука, 1981. – 139 с.
8. Кубрякова Е. С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) / Е.С. Кубрякова // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. научн. тр. / Отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 30–45.
9. Кубрякова Е. С. Драматические произведения как особый объект дискурсивного анализа (к постановке проблемы) / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Изв. РАН. СЛЯ. – 2008. – № 4. – С. 3–10.

10. *Смирнов А. А.* Уильям Шекспир: предисл. к ПСС У. Шекспира: в 8-ми тт. / А.А. Смирнов. – М.: Искусство, 1957. – С. 7–83.

11. *Klix F.* On the Role of Knowledge Comprehension / F. Klix // XIV-th International Congress of Linguistics: Reprints of the Plenary Session Papers. – Berlin, 10–15 August 1987. – P. 111–124.

Справочные и информационные издания

12. Webster's Third New International Dictionary of the English language unabridged. – Springfield, Mass, USA: Merriam-Webster Inc. Publishers, 1986. – 2662 p.

References

Istochniki

1. *Anglijskaya komediya XVII–XVIII vekov: Antologiya / Sost., predisl., comment. I.V. Stupnikova.* – М.: Vy'sshaja shkola, 1989. – 815 s.

2. *Besplatnaya virtualnaya e'lektronnaya biblioteka — avtorskiy katalog.* URL: http://www.velib.com/catalog_author.php.

3. *Mikhajlov M. I.* Epos, drama, lirika kak rody' literatury': sushhnost', specifika, sootnoshenie: dis. ... d-ra filol. nauk / M.I. Mikhajlov. – М., 2006. – 295 s.

4. *EServer Drama Collection, catalog p'jes.* URL: www.drama.eserver.org/plays.

5. *The Complete Works of William Shakespeare / Edited, with a Glossary by W.J. Craig.* – London: H. Pordes, 1983. – 1264 p.

Literatura

6. *Anikst A. A.* Gamlet, princ Datskij: stat'i i primech. k PSS U. Shekspira: v 8-mi tt. / A.A. Anikst. – T. VI. – М.: Iskusstvo, 1960. – S. 571–663.

7. *Gal'perin I. R.* Tekst kak ob''ekt lingvisticheskogo issledovaniya / I.R. Gal'perin. – М.: Nauka, 1981. – 139 s.

8. *Kubryakova E. S.* O metode kognitivno-diskursivnogo analiza primenitel'no k issledovaniyu dramaticheskix proizvedenij (p'esy' kak osoby'e formaty' znaniya) / E.S. Kubryakova // *Principy' i metody' kognitivny'x issledovanij yazy'ka: sb. nauchn. tr. / Otv. red. N.N. Boldy'rev.* – Tambov: izd-vo TGU im. G.R. Derzhavina, 2008. – S. 30–45.

9. *Kubryakova E. S.* Dramaticheskie proizvedeniya kak osoby'j ob''ekt diskursivnogo analiza (k postanovke problemy') / E.S. Kubryakova, O.V. Aleksandrova // *Izv. RAN. SLYa.* – 2008. – № 4. – S. 3–10.

10. *Smirnov A. A.* Uil'yam Shekspir: predisl. k PSS U. Shekspira: v 8-mi tt. / A.A. Smirnov. – М.: Iskusstvo, 1957. – S. 7–83.

11. *Klix F.* On the Role of Knowledge Comprehension / F. Klix // XIV-th International Congress of Linguistics: Reprints of the Plenary Session Papers. – Berlin, 10–15 August 1987. – P. 111–124.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

12. Webster's Third New International Dictionary of the English language unabridged. – Springfield, Mass, USA: Merriam-Webster Inc. Publishers, 1986. – 2662 p.

М.В. Беляева

К вопросу о специфике синтаксиса устного дискурса в немецком языке

Формируясь под воздействием определенных лингвистических и прагматических факторов, устный дискурс обладает специфическими синтаксическими конструкциями. В статье предлагается вариант подхода к изучению разговорного синтаксиса.

Colloquial discourse is forming by special linguistic and pragmatic factors. As a result of that discourse has peculiar syntactical structures for speaking. In the paper has been offered some ways to survey German colloquial syntax.

Ключевые слова: устно-разговорный дискурс; синтаксис дискурса; синтаксический алгоритм.

Key words: colloquial discourse; syntax of discourse; syntactical instructions.

Большинство лингвистов, изучающих проблемы дискурса, принимают определение данного лингвистического феномена, сформулированное Н.Д. Арутюновой: дискурс — это речь, погруженная в жизнь; связный текст, обусловленный совокупностью экстралингвистических, прагматических, социокультурных, психологических и других факторов; текст, взятый в событийном аспекте [11: с. 136–137]. При выделении различных типов дискурсов (экономического, политического, юридического, рекламного и др.) соответственно изучается специфика связных текстов в рамках определенных сфер человеческой деятельности. При различии устного и письменного дискурсов обращается внимание на форму существования текстов и специфику их порождения, и об этом следует сказать особо.

Отличие устной речи от письменной замечено давно. Особенности устной речи рассматривались многими лингвистами на предшествующих дискурсивной лингвистике этапах развития науки о языке (см., например, работы Г.Г. Инфантовой, Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, О.А. Лаптевой, В.Д. Девкина, Ю.М. Скробнева, Б. Ваккернагель-Йоллис, Х. Штегера, Х. Циммерманна, Г. Шанка и Й. Швиталлы). Однако изучение устной речи переходит в новое качественное теоретическое состояние, связанное с понятием дискурса.

В рамках теории дискурса открывается возможность комплексного подхода к описанию устно-разговорной речи и специфике устных текстов. Если на предшествующем этапе исследований важно было установить и понять, как мы говорим при устном спонтанном общении, теперь становится возмож-

ным объяснение того, почему в определенной коммуникативной ситуации предпочтение отдается тем или иным конструкциям.

Как отмечает Ю.С. Степанов, дискурс существует в текстах со своей грамматикой и особыми синтаксическими правилами [9: с. 44–45]. Особенно актуально данное положение в отношении устного дискурса, поскольку доля участия экстралингвистических, прагматических и социокультурных факторов в формировании специфики синтаксиса устного дискурса наиболее высока.

Как известно, устный дискурс в целом характеризуется спонтанностью, непринужденностью, ситуативной обусловленностью, чаще всего неофициальным характером общения. При этом важны статусные роли участников коммуникации, наличие общих фоновых знаний (общей апперцепционной базы), что формирует пресуппозиции общения. Коммуникативное намерение говорящего обуславливает его стремление донести до слушающего определенный объем информации в соответствии с его собственным представлением об актуальности и информативной ценности сообщаемого. Формирующийся под воздействием соответствующих экстралингвистических и прагматических факторов устный дискурс «диктует» синтаксису свои правила, которые, в частности, включают следующие пункты:

- степень эксплицитности высказывания;
- порядок слов;
- форму синтаксической связи между высказываниями в тексте (союзную связь, бессоюзие или особые синтаксические скрепы);
- возможность синкретизма в структуре синтаксической конструкции;
- возможность избыточности или экономии языковых средств;
- необходимость транспозиций;
- типы анафорической и катафорической связи внутри текста и т.д.

Образно говоря, дискурс диктует своему синтаксическому строю алгоритм действия сообразно коммуникативной ситуации.

Нам представляется, что одна из важных задач исследования устного дискурса — выявление **синтаксических алгоритмов** построения устных высказываний и текстов. Определенным шагом в данном направлении можно считать концепцию О.А. Костровой, в которой определяются дискурсивные предпочтения тех или иных синтаксических структур в том или ином контексте [6]. Примечательным в этом случае оказывается также замечание В.А. Звигинцева по поводу теории употреблений в дискурсе [5: с. 280].

Анализ материала немецкого устно-разговорного дискурса свидетельствует, что в синтаксисе разговорной речи представлены все типы синтаксических структур:

- структуры, называемые нейтральными, т.е. присущие любому типу дискурса;
- структуры, присущие только разговорной речи.

Доля участия тех и других в формировании устного дискурса определяется экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными и прочими факторами, но регламентируется спецификой коммуникативного стиля

немецкого языка [7] и общей спецификой построения немецкого текста (текстуальностью). Подчеркнем, что одной из основных характеристик текстуальности является рамочная конструкция, которая бывает трех видов — именная, вербальная, адьюнктивная [10: с. 23].

Характерно, что при линейном построении речи высказывания формируются как бы циклами, а не в один этап. Это свойство устной формы общения было, в частности, отмечено О.А. Лаптевой. Она писала, что говорящий в силу свойств оперативной памяти и закона глубины высказывания должен доносить свое сообщение по частям, разворачивая речь в физическом времени и поэтому разделяя ее на отдельные порции-сегменты [8: с. 82]. Говорящий произвольно выстраивает эти сегменты речи, при этом их подвижность способствует изменению структурной формулы высказывания в любой момент.

В данном случае велика роль ассоциативного мышления, что позволяет в процессе говорения добавлять новые сегменты, которые, видимо, являются результатом автоконтроля и учета принципа обратной связи с адресатом, т.е. самоконтролем за поступлением актуальной информации, что приводит к избыточности языковых средств. При этом наличие общей апперцепционной базы, знание ситуации общения обуславливает возможность экономии языковых средств, в результате чего порождаются разного рода синкретичные построения, а также построения с имплицитными звеньями, с компрессией структуры [1].

Таким образом, в синтаксисе устного немецкого дискурса происходит своеобразное противоборство между тем, что должно быть по правилам текстуальности, и тем, что получается в силу спонтанности мышления и речи, психологических особенностей мыслительного процесса, ориентированного на устно-разговорный дискурс. Именно возможность выбора синтаксического оформления высказывания и позволяет сформировать алгоритм построения синтаксической структуры устного дискурса.

Итак, представим себе самый общий алгоритм построения разговорного высказывания. С одной стороны, текстуальностью предписывается использование рамочной конструкции для придаточного предложения и следование фиксированному порядку слов. С другой — тенденция к порционному формированию высказывания, а также спонтанность порождения высказывания приводят к несоблюдению рамочной конструкции в структуре разговорного высказывания и к разрыхлению синтаксической структуры в целом. Таким образом, синтаксическое оформление высказываний в устно-разговорном дискурсе основывается на выборе между оппозиционными парами:

- 1) конструкции, построенные по линейному принципу, при котором сегменты как бы нанизываются один на другой по принципу разворачивания структуры «вширь» vs конструкции, разворачивающиеся «вглубь», т.е. содержащие структурно выраженное подчинение предикативных единиц;
- 2) более простые конструкции vs более сложные конструкции;
- 3) конструкции полные vs конструкции, содержащие имплицитные звенья.

Алгоритм отбора синтаксических единиц, очевидно, складывается в направлении наименьшей затраты умственных усилий на оформление высказывания, в направлении более легкого достижения коммуникативной задачи.

Проиллюстрируем вышесказанное фрагментами устно-разговорного дискурса немецкого языка, который состоялся в следующих ситуациях.

Рассказывает простая, достаточно пожилая женщина-крестьянка:

(дис. 1)... *Eines Morgens, mein Vater war grad im Stall, der war da gerade seine Schweine am ausmisten, da hat er sie immer aufn Hof laufen lassen und von draussen die Tuer zugemacht un hat dann den Mist rausgeschmissen und hat den Stall sauber gemacht. Und morgens, der Vater guckte raus, so durch die Tuer, der denkt: Was ist denn da los? Das ganze Haus umstellt, voller Polizei — da wollten sie mein Mann...* [2: с. 15].

Рассказывает ректор В., т.е. человек, статусная роль которого выше, чем у предыдущего рассказчика:

(дис. 2)... *Der Krieg war inzwischen ausgebrochen, die Leute wurden allmaehlich knapp, auch Lehrer wurden wieder knapp, und ich wurde eines Tages wieder eingestellt in den Schuldienst. Bis zum Jahre 1941, also nur ein Jahr, dann wurde ich Soldat, bei der Marine. 1945 kam ich in die Gefangenschaft, und zwar in die englische Gefangenschaft, hatte Glueck, die Englaender lieferten viele an die Russen aus...* [2: с. 61].

В обоих текстах предпочтение отдано синтаксическим структурам, разветвляющимся «вширь», т.е. по принципу нанизывания сегментов, что наилучшим образом позволяет извлекать из памяти фрагменты событий и по мере «всплывания» этих событий в памяти доносить их слушающему. Причем каждый последующий сегмент высказывания представляется информативно более значимым, чем предыдущий, поскольку содержит уточнение или углубление сообщаемой информации. Как следует из приведенных примеров, статусная роль говорящих не оказывается релевантной в данных ситуациях общения. В обоих фрагментах дискурс представлен последовательностью простых конструкций — сегментов речи. Причем при формулировании каждого отдельного сегмента используется экономия языковых средств, но уточнение и дополнение предыдущего сегмента последующим приводит в целом к избыточности языковых средств.

Такая взаимообусловленность между экономией и избыточностью языковых средств рассматривается нами как одно из специфических свойств синтаксиса устного дискурса. Прежде уже обращалось внимание на тот факт, что следствием экономии умственных усилий является использование описательности, т.е. языковой избыточности [3; 4]. Так и в нашем случае анализ языкового материала подтверждает, что сегменты высказывания, построенные на принципе языковой экономии, зачастую требуют дополнения и уточнения, что приводит к повторам, т.е. к языковой избыточности.

Попробуем представить приведенные выше фрагменты устно-разговорного дискурса в другом режиме формирования их синтаксической структуры. Например:

(дис. 1) *Eines Morgens war mein Vater, der seine Schweine auf dem Hof laufen ließ, weil er den Stall ausmisten wollte, grade im Stall und sah dabei durch die Tuer hinaus. Dabei dachte er, was denn los war, weil das Haus von der Polizei umstellt war, die meinen Mann suchte.*

(дис. 2) *Weil inzwischen der Krieg ausgebrochen war, wurden die Leute, darunter auch Lehrer knapp. Ich wurde eines Tages wieder in den Schuldienst fuer ein Jahr bis zum Jahr 1941 eingestellt. Dann wurde ich Soldat bei der Marine. 1945 kam ich gluecklicherweise in die englische Gefangenschaft. Die Englaender lieferten viele an die Russen aus...*

В результате реорганизации синтаксической структуры получены высказывания со структурно выраженными подчинительными связями, эксплицирующими семантико-синтаксические отношения между предикативными единицами текста. В анализируемых же фрагментах устно-разговорного дискурса семантико-синтаксические отношения выражены имплицитно. В коммуникативную задачу говорящего, очевидно, не входит экспликация семантических связей между сегментами высказывания. Семантическое взаимодействие между ними слушающий выявляет так, как это ему позволяет его собственный коммуникативный опыт.

Итак, подводя итог, отметим, что устно-разговорный дискурс обладает синтаксической спецификой, изучение которой позволит в дальнейшем выявлять алгоритмы его синтаксической организации. А это, в свою очередь, будет способствовать повышению языковой компетенции при изучении немецкого языка как иностранного.

Библиографический список

Источники

1. *Беляева М. В.* Полипредикативные высказывания с идентифицирующими отношениями в немецкой разговорной речи: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Беляева. – Л., 1987. – 176 с.
2. *Runge E.* Bottroper Protokolle / E. Runge. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verl., 1975. – 596 s.

Литература

3. *Глаголев Н. В.* Языковая экономия и языковая избыточность в синтаксисе разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.В. Глаголев. – М., 1967. – 19 с.
4. *Девкин В. Д.* Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика / В.Д. Девкин. – М.: Международные отношения, 1979. – 256 с.
5. *Звегинцев В. А.* Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: КомКнига, 2007. – 305 с.
6. *Кострова О. А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка: учеб. пособие / О.А. Кострова. – М.: Флинта, 2004. – 238 с.
7. *Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль как проблема теории межкультурного общения: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Куликова. – Волгоград, 2006. – 39 с.

8. *Лаптева О. А.* Дискретность в устном монологическом тексте / О.А. Лаптева // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. – М.: Наука, 1982. – С.77–105.

9. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: сб. ст. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35–73.

10. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zuerich: Dudenverlag, 1993. – 1109 s.

Справочные и информационные издания

11. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., дополн. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136–137.

References

Istochniki

1. *Belyaeva M. V.* Polipredikativny'e vy'skazyvaniya s identificiruyushhimi otnosheniyami v nemeckoj razgovornoj rechi: dis. ... kand. filol. nauk / M.V. Belyaeva. – L., 1987. – 176 s.

2. *Runge E.* Bottroper Protokolle / E. Runge. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verl., 1975. – 596 s.

Literatura

3. *Glagolev N. V.* Yasy'kovaya e'konomiya i yasy'kovaya izby'tochnost' v sintaksise razgovornoj rechi: Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk / N.V. Glagolev. – M., 1967. – 19 s.

4. *Devkin V. D.* Nemeckaya razgovornaya rech': sintaksis i leksika / V.D. Devkin. – M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1979. – 256 s.

5. *Zvegincev V. A.* Predlozhenie i ego otnoshenie k yasy'ku i rechi / V.A. Zvegincev. – M.: KomKniga, 2007. – 305 s.

6. *Kostrova O. A.* Ekspressivny'j sintaksis sovremennogo nemeckogo yasy'ka: ucheb. posobie / O.A. Kostrova. – M.: Flinta, 2004. – 238 s.

7. *Kulikova L. V.* Kommunikativny'j stil' kak problema teorii mezhkul'turnogo obshheniya: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk / L.V. Kulikova. – Volgograd. 2006. – 39 s.

8. *Lapteva O. A.* Diskretnost' v ustnom monologicheskom tekste / O.A. Lapteva // Russkij yasy'k. Tekst kak celoe i komponenty' teksta. – M.: Nauka, 1982. – S. 77–105.

9. *Stepanov Yu. S.* Alternativny'j mir. Diskurs. Fakt i princip Prichinnosti / Yu.S. Stepanov // Yasy'k i nauka konca XX veka: sb. st. – M.: Ros. gos. gumanit.un-t, 1995. – S. 35–75.

10. *Weinrich H.* Textgrammatik der deutschen Sprache / H. Weinrich. – Mannheim; Leipzig; Wien; Zuerich: Dudenverlag, 1993. – 1109 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

11. *Arutyunova N. D.* Diskurs / N.D. Arutyunova // Lingvisticheskij e'nciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Yarceva. – 2-е изд., дополн. – М.: Bolshaya Rossiiskaya e'nciklopediya, 2002. – S. 136–137.

М.Ю. Никуличев

Принципы анализа девербативных композитов

В числе общих принципов исследования чрезвычайно продуктивных в английском языке сложных отглагольных единиц называются семантический, когнитивный, структурный, фразеологический и переводческий анализ. Предлагаемый подход на основе метода полевого анализа материала может служить прототипом для описания других словообразовательных моделей в различных языках.

The article reviews general principles for studying productive English verb-based compounds. Among these principles are the semantic, cognitive, structural, phraseological and translational analysis. The proposed approach classifies linguistic material using the «core-periphery» method and may be extended to study other word-formation models in various languages.

***Ключевые слова:** девербативные композиты; когнитивный анализ; полевой метод; концептуальный признак; латентная предикация.*

***Key words:** verb-based compounds; cognitive analysis; field approach; conceptual meaning; secondary predication.*

Среди наиболее продуктивных сложнопроизводных моделей (N – Ver; A – Ned; N – Ving; A – Ner; A – Ver; N – Ner; N – Ved; N – Ned; A – Ved) наибольший интерес представляют модели девербативные как содержащие латентную предикативность.

Языковой аппарат человека порождает бесчисленное количество сложных слов, следуя универсальным принципам организации естественных языков. Соответственно, следует определить предпосылки, а также принципы формализации описания процессов образования сложных слов, в частности девербативных композитов. Сложное слово, будучи лексической единицей, состоящей из двух полнозначных основ, представляет собой в конечном итоге объединение слов, подчиняющееся определенным синтаксическим и семантическим закономерностям:

- структурная иерархия «аргумент – предикат»;
- объединение компонента-модификатора с опорным компонентом, который находится в позиции равноправного элемента;
- семантическое согласование компонента-модификатора с опорным компонентом.

Актуальность изучения девербативных композитов вытекает из их коммуникативной и ономаσιологической значимости, а также из их количественного

роста, их возрастающей функциональной нагрузки в различных регистрах речи. Кроме того, аналитические (например, *go + Ved*) и полуаналитические (например, *N – Ved*) конструкции девербативного типа представляют собой одно из активных проявлений диахронической константы, свойственной всем германским языкам, а в современном английском языке особенно интенсивно проявляющейся в сфере композитного словообразования. В.М. Солнцев писал: «Нарастание явлений аналитизма и изоляции в современном английском языке, вследствие разрушения старой морфологической системы, свидетельствует о том, что в строении английского языка происходят глубокие сдвиги» [3: с. 30]. Таким образом, в процессе развития английского языка происходила перестройка с «грамматической» системы (типичной синтетической флективной структуры древнеанглийского с богатыми средствами словообразования и словоизменения) на «лексикологическую» (со все более явными чертами аналитизма) [1: с. 366].

Изменение типологических характеристик не могло не затронуть структуру слова и способы соединения носителей значений как в слове, так и в предложении. В результате «радикальной типологической перестройки» [2: с. 229], в ходе которой английский язык «претерпел структурную эволюцию от неяркого флективного и синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему неяркие черты корнеизоляции и агглютинации» [4: с. 30], аналитическая техника кодирования информации затронула не только грамматический строй языка, но и распространилась на лексическую подсистему в виде аналитического лексемообразования, представленного продуктивными моделями бинарной и композитной структур. Именно эти девербативные модели с новым функциональным потенциалом В.Я. Плоткин классифицировал как 1) глагольно-наречные; 2) глагольно-именные; 3) глагольно-глагольные; 4) глагольно-адъективные [2: с. 203].

Сменив типологическую доминанту, современный английский язык приобрел новые структурные характеристики, благодаря которым появились новые способы кодирования информации [2; 4]:

- упрощение структуры слова до моно- и дисиллабов;
- невыраженность грамматических значений в формах слов;
- отсутствие морфологически выраженной категориальной принадлежности слова и размывание границ между частями речи;
- расширение омонимии и полифункциональности и выдвигание на первый план синтагматических признаков частей речи;
- синтаксическая детерминированность значений словоформ;
- легкая выделяемость носителей значений в словоформах;
- примыкание как ведущий способ выражения грамматической и смысловой связи слов;
- распространенность латентной предикации, в том числе в составе девербативных единиц;
- увеличение роли служебных слов, а также фиксированный порядок слов в предложении;

- получение системой неличных форм глагола промежуточного статуса между глаголом и именными частями речи;
- широкое развертывание не только аналитического словоизменения, но и сложного лексемообразования, особенно в сфере отглагольной лексики;
- замена синтетического словообразовательного типа в современном английском языке на модели полуаналитического лексемообразования.

Таким образом, любое исследование девербативных, и в частности причастных, композитов должно соотнести активные процессы словообразования с более широкими типологическими тенденциями развития языкового аналитизма и, прежде всего, *аналитической номинации*. Данные процессы, характерные для многих языков германской группы, наиболее удобно наблюдать на материале английского языка.

Возникает необходимость исследования девербативных композитов, точнее проведения комплексного структурно-семантического и функционального анализа данных сложнопроизводных лексических конструкций, направленного на определение и обоснование их лингвистического статуса, а также на выявление особенностей их функционирования в системе современного английского языка.

В этот комплексный анализ обязательно должны входить:

1) каталогизация всех структурных разновидностей каждой из девербативных моделей — таких, как дефисное оформление композитов, некорректность сложным глаголам, фономорфологическая корнеизоляция, потенциальное распределение компонентов на смысловой и служебный;

2) семантическое исследование композитных девербативов, включающее следующие дихотомии: выводимость / невыводимость смысла композита из значения компонентов; мотивированность / немотивированность; воспроизводимость / окказиональность модели; нормативность / узуальность; продуктивность / единичность; лексическая наполняемость моделей и их структурно-семантические подтипы;

3) изучение когнитивного содержания моделей;

4) фразеологический анализ, исследование механизмов переосмысления базовых нормативных моделей;

5) проведение контрастивного анализа регулярных соответствий в типологически близких языках и отличных от него, например русском.

Еще Пражской лингвистической школой был сформулирован закон об *универсальном соотношении языковых средств и функций*. Согласно этой языковой универсалии элементы языка выступают по отношению к *высшим* уровням как область их строительных средств, а по отношению к *низшим* — как область их функционального назначения. Применительно к девербативным композитам это означает, что композит по отношению к модифицирующей группе выступает как номинативно целостное определение, тогда как по отношению к составляющим его модифицирующей и глагольной основам он интерпретируется как функция их пропозициональных значений, реализующих дополнительную предикацию.

Применение на этом этапе *полевого метода организации материала* из весьма многочисленных и неоднородных семантических вариантов позволяет выстроить единую систему семантической подчиненности. В девербативных композитах выявляется четкое когнитивное ядро моделей, представленное агентивной структурой, и множество периферийных реализаций, в разной степени отстоящих от наиболее продуктивного семантического ядра.

Анализ семантических категориальных значений модифицирующего компонента и категориальных значений глагольной основы композита позволяет создать классификацию когнитивных типов композитов, а также выявить структурно-семантические запреты на их образование.

В частности, для номинативно-причастных композитов можно определить основное категориальное значение модели либо как *постоянный признак определяемого объекта, указывающий на то, каким образом создан или изменен объект, либо как характеристику объекта по способу его активации*. Важнейшим концептуализируемым признаком является указание на *агентивность*. Для номинативно-причастных композитов базовая модель категоризации — выражение конституирующей характеристики объекта через действие, производимое активным субъектом.

Когнитивный подход позволяет взглянуть на исследуемые словообразовательные структуры как на характерные для данного языка *модели упаковки релевантного когнитивного знания*. Таким образом, модель $N - P_{II}$ предстает как когнитивная формула для выражения конституирующего (не случайного) признака, который возникает в результате активного воздействия агенса, видоизменяющего объект или наделяющего объект возможностью осуществлять свойственные ему функции. Такой же подход позволяет определить концептуальное значение модели $V + Ving$ (get going) как динамическое вхождение субъекта в пространственное состояние и т.д.

Дальнейшее исследование должно принимать во внимание соотношение языковой *нормы и узуса*. В ядерном значении любая модель рассматривается как сфера проявления языковой нормы. С другой стороны, в каждой модели заложен и потенциал для отхода от нормы. Исследуя разные типы дискурса, следует разработать алгоритм возможного нарушения нормы: как правило, это либо метафоризация любого из компонентов композита или всего сочетания (это явление особенно характерно для художественных и публицистических текстов), либо пропуск семантического шага, конденсирующий номинацию, что наиболее частотно в научных текстах.

В публицистических и художественных контекстах девербативные композиты часто подвергаются переосмыслению, когда по отношению друг к другу компоненты сложного слова сохраняют буквальное значение, но денотат приобретает переносное, метафорическое значение. Когнитивным механизмом такого переосмысления является перенос композитного значения из одной концептосферы в другую. Например, сложное слово *moss-grown* («поросший

мхом») из концептосферы «ландшафт» может переноситься в концептосферу «ментальность».

Следовательно, девербативные композиты можно рассматривать как концептуальные образования, которые складываются под влиянием дискурса. По мере развертывания дискурса в результате слияния ментальных пространств возникают интегрированные пространства, имеющие новую структуру и новые свойства.

В результате функционирования девербативных моделей превращается из относительно редкой формы, маргинальной, в одну из доминантных форм выражения предикативной атрибутивности в английском языке. Будучи одним из способов структурирования когнитивного пространства, композиты становятся эффективным средством проявления языковой экономии при выражении множества коннотативных оттенков значения, продуктивным средством языковой номинации в различных функциональных стилях речи.

Подобный подход к анализу девербативных единиц может служить основой для описания других словообразовательных моделей в различных языках через установление связи между структурами языка и заложенными в них моделями когниции. Более того, такая постановка вопроса прямо обращена к ряду значимых переводоведческих проблем, включая структурные типы перевода рассматриваемых девербативов и частотные переводческие трансформации, которые могут свидетельствовать об ином членении когнитивного пространства носителями разных языковых культур.

Библиографический список

Литература

1. Мельников Г. П. Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка / Г.П. Мельников // Фонетика, фонология, грамматика (в честь 70-летия А.А. Реформатского): сб. науч. трудов. — М.: Наука, 1971. — С. 359–367.
2. Плоткин В. Я. Строй английского языка / В.Я. Плоткин. — М.: Высшая школа, 1989. — 239 с.
3. Солнцев В. М. Типология и тип языка / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. — 1978. — № 2. — С. 26–42.
4. Шапошникова И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте: монография / И.В. Шапошникова. — Иркутск, 1999. — 243 с.

References

Literatura

1. Mel'nikov G. P. Determinanta — vedushhaya grammaticheskaya tendenciya yazy'ka / G.P. Mel'nikov // Fonetika, fonologiya, grammatika (v chest' 70-letiya A.A. Reformatskogo): sb. nauch. trudov. — M.: Nauka, 1971. — S. 359–367.

2. *Plotkin V. Ya.* Stroj anglijskogo yazy'ka / V.Ya. Plotkin. – M.: Vysshaya shkola, 1989. – 239 s.

3. *Solncev V. M.* Tipologiya i tip yazy'ka / V.M. Solncev // *Voprosy' yazy'koznaniya.* – 1978. – № 2. – S. 26–42.

4. *Shaposhnikova I. V.* Systemny'e diaxronicheskie izmeneniya leksiko-semanticheskogo koda anglijskogo yazy'ka v lingvo-etnicheskom aspekte: monografiya / I.V. Shaposhnikova. – Irkutsk, 1999. – 243 s.

С.А. Петрова

Отражение поэтики М. Пруста в романе В. Набокова «Дар»

В статье рассматриваются созвучия и параллели, возникающие при сопоставительном анализе поэтической прозы М. Пруста и В. Набокова.

The article studies some parallelisms found out in M. Proust's and V. Nabokov's poetic prose.

Ключевые слова: поэтизация прозы; ритмическая проза; развернутая метафора.

Key words: poetic prose; rhythmic prose; expanding metaphor.

Как известно, Владимир Набоков всячески отрицал возможность влияния на свое творчество других писателей. Тем не менее, в 1961 г. писатель заявил, что признает «некоторое родство» с Марселем Прустом. Возможные сближения стилей М. Пруста и В. Набокова обусловлены, на наш взгляд, не только наличием общих тем и мотивов (таких, как детство, память, время и др.), изучению которых посвящены многочисленные исследования, но и характерными для двух писателей поисками новых форм. Доминирует среди них поэтизация художественной прозы. Сопоставление поэтической прозы М. Пруста и В. Набокова выявляет интересные созвучия и параллели, о которых и пойдет речь в настоящей статье.

Величайшим шедевром прозы двадцатого столетия В. Набоков считал первую часть «сказки» М. Пруста «В поисках утраченного времени», анализу которой посвятил одну из своих знаменитых лекций о зарубежной литературе. По мнению В. Набокова, М. Пруст, критиковавший «объективное», «кинематографическое» (по его собственным словам) изображение действительности, противостоит традиции «человеческих документов». Для М. Пруста, отмечает В. Набоков, как для всякого подлинного художника, высшей реальностью является реальность художественная, которая обладает своими собственными законами и не ограничивается жизненной правдой, исторической

эпохой и др. М. Пруст полагает, что сознательная память воспроизводит лишь «цепь приблизительных впечатлений, не сохранивших ничего действительно пережитого нами, которые и составляют для нас нашу мысль, нашу жизнь, реальность, и только эту вот ложь и воспроизводит так называемое «жизненное искусство» — как жизнь, простое и лишенное красоты, так бесплодно, так скучно повторявшее, что видели глаза и заметил рассудок» [5: с. 320]. В «Поисках утраченного времени» М. Пруст изображает такую реальность, которая благодаря произвольной и эмоциональной памяти приобретает вневременной характер, а благодаря искусству — художественную ценность.

Для достижения подобного эффекта используются самые разнообразные художественные средства, в том числе и развернутая метафора, точнее прием развертывания образа, который В. Набоков подробно анализирует в своей лекции, посвященной творчеству М. Пруста. Одним из разительных отличий стиля М. Пруста, по мнению В. Набокова, является «богатство метафорической образности, многослойные сравнения. Именно сквозь эту призму мы созерцаем красоту книги Пруста. В разговоре о Прусте термин «метафора» часто используется в широком смысле, как синоним для смешанной формы или для сопоставления вообще, поскольку у него сравнения постоянно перетекают в метафору и обратно, с преобладанием метафоры» [5: с. 280]. Излюбленный прием развертывания образа используется М. Прустом в нижеследующем примере, где рассказчик вспоминает спальни, в которых ему доводилось проводить ночь: *«Mais j'avais revu tantôt l'une, tantôt l'autre, des chambres que j'avais habitées dans ma vie <...> chambres d'hiver où quand on est couché, on se blottit la tête dans un nid qu'on se tresse avec les choses les plus disparates : un coin de l'oreiller, le haut des couvertures, un bout de châle, le bord du lit, et un numéro des «Débats roses», qu'on finit par cimenter ensemble selon la technique des oiseaux en s'y appuyant indéfiniment ; où, par un temps glacial le plaisir qu'on goûte est de se sentir séparé du dehors (comme l'hirondelle de mer qui a son nid au fond d'un souterrain dans la chaleur de la terre), et où, le feu étant entretenu toute la nuit dans la cheminée, on dort dans un grand manteau d'air chaud et fumeux, traversé des lueurs des tisons qui se rallument, sorte d'impalpable alcôve, de chaude caverne creusée au sein de la chambre même <...>»* [3: с. 7]. В приведенной выше цитате видно, как благодаря сравнениям и метафорам, которые превращают спальни то в птичье гнездо, то в воздушное покрывало, то в пещеру, ассоциирующиеся с теплой и уютной материнской грудью, возникает и начинает доминировать поэтическая вневременная реальность. Вот как характеризует такую реальность рассказчик Марсель: *«То, что мы зовем реальностью, есть определенное соотношение ощущений и воспоминаний, одновременно обступающих нас, единственное подлинное соотношение, которое должен уловить писатель, чтобы суметь навеки связать своей фразой два его различных элемента. Можно в нескончаемых описаниях перечислять имеющиеся в данном месте предметы, но правда начнется, только когда писатель возьмет два разных предмета и заключит их в неотменимые оковы своего искусства, или даже когда, подобно самой жизни, сравнив сходные качества двух ощущений, он заставит проявиться*

их природную сущность, соединив их в одной метафоре, чтобы избавить от случайностей времени, и свяжет их с помощью вневременных слов» [5: с. 278]. Незнакомые спальни, наоборот, были враждебными, ожившие в них предметы казались безразличными, недружелюбными и даже безжалостными по отношению к герою, который в свою очередь превращался в парализованную животным страхом марионетку, обладающую исключительной гибкостью: «<...> parfois, au contraire celle, petite et si élevée de plafond, creusée en forme de pyramide dans la hauteur de deux étages et partiellement revêtue d'acajou, où dès la première seconde j'avais été intoxiqué moralement par l'odeur inconnue du vétiver, convaincu de l'hostilité des rideaux violets et de l'insolente indifférence de la pendule qui jacassait tout haut comme si je n'eusse pas été là ; où une étrange et impitoyable glace à pieds quadrangulaire, barrant obliquement un des angles de la pièce, se creusait à vif dans la douce plénitude de mon champ visuel accoutumé un emplacement qui n'y était pas prévu; où ma pensée, s'efforçant pendant des heures de se disloquer, de s'étirer en hauteur pour prendre exactement la forme de la chambre et arriver à remplir jusqu'en haut son gigantesque entonnoir; avait souffert bien de dures nuits, tandis que j'étais étendu dans mon lit, les yeux levés, l'oreille anxieuse, la narine rétive, le cœur battant : jusqu'à ce que l'habitude eût changé la couleur des rideaux, fait taire la pendule, enseigné la pitié à la glace oblique et cruelle, dissimulé, sinon chassé complètement, l'odeur du vétiver et notablement diminué la hauteur apparente du plafond» [3: с. 8].

Аналогичной таинственной и первобытной жизнью живут персонажи и предметы в «Даре», где В. Набоков для описания детской бессонницы прибегает к прустовским образам, превращая простыню и одеяло в свод пещеры, а персонажа — в парализованную животным страхом куклу. Следует особо подчеркнуть, что В. Набоков повторяет не только прустовские образы, но и характерную для М. Пруста разработку одной метафоры внутри другой:

«...и чуть ворча часы идут.

Шелкая языком, иногда странно переводя дух перед боем. Их тканье, как поперечно-полосатая лента сантиметра, без конца мерило мои бессонницы <...>. В начале мученической ночи я еще пробавлялся тем, что переговаривался с Таней <...>. С час после этого я путешествовал в потемках постели, накидывая на себя простыню и одеяло сводом, так чтобы получилась пещера, в далеком, далеком выходе которой пробивался сторонкой синеватый свет, ничего общего не имевший с комнатой, с невской ночью, с пышными, полупрозрачными опадениями темных штор. Пещера, которую я исследовал, содержала в складках своих и провалах такую томную действительность, наполнилась такой душистой и таинственной мерой, что у меня, как глухой барабан, начинало стучать в груди, в ушах; и там, в глубине, где отец мой нашел новый вид летучей мыши, я различал скулы идола, высеченного в скале, а когда, наконец, забывался, то меня десяток рук опрокидывали и кто-то с ужасным шелковым треском распарывал меня сверху донизу, после чего проворная ладонь проникала в меня и сильно сжимала сердце» [1: с. 20–22].

Иногда ощущения, вызванные тем или иным предметом, остаются бесплодными и не в состоянии восстановить прошлое. Так, например, Марселю не удается разгадать тайну боярышника: «...напрасно я останавливался перед боярышником вдохнуть, поставить перед своим сознанием (не зная, что делать с ним), утратить, чтобы затем вновь найти, невидимый характерный запах его цветов, слиться с ритмом, разбрасывавшим эти цветы там и сям с юношеской легкостью на расстояниях столь неожиданных, как бы вают неожиданны некоторые музыкальные интервалы, — цветы без конца изливали передо мной, с неистощимой расточительностью, все то же очарование, но не позволяли проникнуть в него глубже, подобно тем мелодиям, которые переигрываешь сто раз подряд, нисколько не приближаясь к заключенной в них тайне» [5: с. 278].

Не о таком ли бесплодном ощущении говорит В. Набоков в «Даре»: «Опытным взглядом он искал в ней (улице. — С.П.) того, что грозило бы стать ежедневной зацепкой, ежедневной пыткой для чувств, но, кажется, ничего такого не намечалось, а рассеянный свет весеннего серого дня был не только вне подозрения, но еще обещал умягчить иную мелочь, которая в яркую погоду не преминула бы объявиться; все могло быть этой мелочью: цвет дома, например, <...> или запах, отказавшийся в последнюю секунду сообщить воспоминание, о котором был готов, казалось, завопить, да так на углу и оставшийся — самой за себя заскочившей тайною» [1: с. 5].

К стилистическим фигурам выразительности, используемым двумя авторами, относится и оксюморон. В книге, посвященной фразе М. Пруста, Ж. Милли отмечает, что стилистический прием оксюморон часто встречается в «Поисках утраченного времени»: например, в описаниях персонажей для выражения двойственности их характеров или противоречивых чувств, которые они вызывают [6: с. 179–180]. Так, в описании актрисы Бермы Ж. Милли выделяет два оксюморона: «coquettement tendre» и «artificieusement ingénu»: «Ce visage, d'ailleurs, ne m'eût pas à lui seul semblé beau, mais il me donnait l'idée et par conséquent l'envie, de l'embrasser à cause de tous les baisers qu'il avait dû supporter et que, du fond de la «carte-album», il me semblait appeler encore par ce regard coquettement tendre et ce sourire artificieusement ingénu» [6: с. 180]. В «Даре» оксюморон встречается в описании состояния Александры Яковлевны Чернышевской после гибели сына. В. Набоков характеризует его как «восторг скорби, среди которого она беспрерывно жила...» [1: с. 51].

Но не только стилистические фигуры переосмысления способствуют поэтизации художественной прозы М. Пруста и В. Набокова. Текст обоих романов отличает особая музыкальность и ритмичность. В «Поисках утраченного времени» музыкальные мотивы являются одними из доминирующих. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить тему музыкальной фразы Вентейля. В. Набоков устами главного персонажа также отмечает важность данной темы: «Да, я мечтаю когда-нибудь произвести такую прозу, где бы «мысль и музыка сошлись, как во сне складки жизни» [1: с. 99].

Особую поэтичность анализируемым произведениям придает ритм, обычно трехтактный, выраженный фонетическими и синтаксическими повторами и усиленный анафорическим употреблением. Например, у М. Пруста: «*J'avais cessé de me sentir médiocre, contingent, mortel*» [3: с. 44]. В романе В. Набокова также читаем: «...глаза у меня все-таки сделаны из того же, что тамошняя серость, светлость, сырость...» [1: с. 34], «*Тройная формула человеческого бытия: невозвратимость, несбыточность, неизбежность, — была ему хорошо знакома*» [1: с. 138].

Применительно к поэтической прозе М. Пруста и В. Набокова, как и в случае с метафорой, можно говорить о звуковом и слоговом расширении (т.е. повторе), которое Ж. Милли называет поэтическим полем [6: с. 35]. Для примера приведем знаменитое второе описание колоколен Мартенвилля, воплощающее найденный рассказчиком новый поэтический стиль: «*Seuls, s'élevant du niveau de la plaine et comme perdus en rase campagne, montaient vers le ciel les deux clochers de Martinville. <...> Ils me faisaient penser <...> aux trois jeunes filles d'une légende, abandonnées dans une solitude où tombait déjà l'obscurité; et tandis que nous nous éloignons au galop, je les vis timidement chercher leur chemin et après quelques gauches trébuchements de leurs nobles silhouettes, se serrer les uns contre les autres, glisser l'un derrière l'autre, ne plus faire sur le ciel encore rose qu'une seule forme noire, charmante et résignée, et s'effacer dans la nuit*» [3: с. 179–180].

В приведенном примере частота звуковых повторов очень велика. К поэтическому полю слова «clochers» относятся такие слова, как «chercher», «chemin», «gauches», «trébuchements», «charmantes»; звуковое расширение лексемы «seuls» включает «s'élevant», «ciel», «solitude», «l'obscurité», «silhouette», «se serrer», «glisser». В описании представлены также звуковые повторы, на которых строятся развернутые образы, например, «solitude — l'obscurité».

У В. Набокова также наблюдается такое звуковое и слоговое расширение, при котором слоги и фонемы не только повторяются, но и комбинируются с другими, подвергаясь, в свою очередь, развертыванию: «...не дай Бог кому-либо знать эту ужасную унижительную скуку, — очередной отказ принять гнусный гнет очередного новоселья, невозможность жить на глазах у совершенно чужих вещей, неизбежность бессонницы на этой кушетке» [1: с. 9].

Влияние творчества М. Пруста на творчество В. Набокова трудно переоценить. Благодаря индивидуальной трактовке наиболее распространенных прустовских тем, приемов и техник подачи материала В. Набоков создает свой собственный, неповторимый стиль, апеллируя при этом к самому искушенному читателю.

Библиографический список

Источники

1. Набоков В. Дар: в 2-х тт. / В. Набоков. – Т. 1. – М.: АСТ, 2001. – 302 с.
2. Сконечная О. «Я» и «Он»: о присутствии Марселя Пруста в русской прозе Набокова / О. Сконечная // Старое литературное обозрение. – 2001. – № 1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/skon.html>.

3. Proust M. A la recherche du temps perdu. – Vol. I / M. Proust. – Paris: Gallimard, 1987. – 1548 p.

Литература

4. Галинская И. Л. Владимир Набоков: современные прочтения: сб. науч. трудов / И.Л. Галинская. – М.: ИНИОН РАН; 2005. – 152 с.

5. Набоков В. В. Лекции по зарубежной литературе / В.В. Набоков. – М.: Независимая Газета, 1998. – 512 с.

6. Milly J. La phrase de Proust / J. Milly. – Paris: Editions Champion, 1983. – 224 p.

Справочные и информационные издания

7. Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. – М.: изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.

References

Istochniki

1. Nabokov V. Dar: v 2-h tt. / V. Nabokov. – М.: AST, 2001. – 302 s.

2. Skonechnaya O. «Ya» i «On»: o prisutstvii Marselya Prusta v russkoj proze Nabokova / O. Skonechnaya // Staroe literaturnoe obozrenie. – 2001. – № 1 (277). URL: <http://magazines.russ.ru/slo/2001/1/skon.html>.

3. Proust M. A la recherche du temps perdu. – Vol. I / M. Proust. – Paris: Gallimard, 1987. – 1548 p.

Literatura

4. Galinskaya I. L. Vladimir Nabokov: sovremenny'e prochteniya: sb. nauch. trudov / I.L. Galinskaya. – М.: INION RAN; 2005. – 152 s.

5. Nabokov V. V. Lekcii po zarubezhnoj literature / V.V. Nabokov. – М.: Nezavisimaya Gazeta, 1998. – 512 s.

6. Milly J. La phrase de Proust / J. Milly. – Paris: Editions Champion, 1983. – 224 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

7. Poetika. Slovar' aktual'ny'x terminov i ponyatij / Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. – М.: izd-vo Kulaginoj; Intrada, 2008. – 358 s.

А.С. Саакян

К вопросу об инстинкте языка: «Ген грамматики — есть ли он?»

Статья посвящена проблеме глоттогенеза и последним научным открытиям в этой области, подтверждающим врожденную природу присущей человеку языковой способности.

The article deals with the faculty of language, the latest scientific discoveries in this field, proving the inheritance and innateness of language and grammar in particular.

Ключевые слова: грамматический ген; происхождение языка; когнитивная лингвистика; человеческий мозг; развитие языка.

Key words: grammar gene; the origin of language; cognitive linguistics; the human brain; language evolution.

Трудно найти человека, который не интересовался бы языком — этой удивительной способностью формулировать и выражать наши мысли, чувства и желания. Она так естественна, что мы часто забываем, каким чудом владеем. Даже если людям не с кем поговорить, они разговаривают сами с собой, со своими домашними питомцами или же с комнатными растениями. Проблема происхождения языка до недавнего времени казалась неразрешимой. Общеизвестен запрет, наложенный на рассмотрение работ в этой области Парижским лингвистическим обществом в 1866 г. Однако накопленные за последние полвека данные разных наук, в особенности молекулярно-генетических исследований, сильно изменили представление о родословном древе человека и его уникальной способности мыслить и говорить. Еще несколько лет назад трудно было предположить профессиональное сотрудничество между лингвистами и биологами, психологами и медиками. Не будет преувеличением сказать, что глоттогенетическая проблематика стала необычайно популярной.

Рождение новой науки — «когнитивной лингвистики» — позволяет объяснить, как работает человеческий интеллект, с позиций лингвистики, психологии, компьютерной науки, философии и нейробиологии. Вплоть до по-

следних десятилетий общепринятым было мнение, что язык — самое важное культурное изобретение человека, отделяющее его от других животных. Ныне в научном обществе доминирует мнение, что язык является не культурным артефактом, а функцией определенного участка нашего мозга. И вследствие этого инстинкт человека — учить язык, говорить на нем и понимать его.

В XX в. большим сторонником теории языка как инстинкта был Ноэм Хомский, впервые вскрывший сложность системы языка и максимально ответственный за современную революцию в языке и за когнитивную науку. Н. Хомский обратил внимание на два фундаментальных факта в языке. Во-первых, виртуально каждое предложение, произносимое человеком, — абсолютно новое сочетание слов, впервые проявляющееся в истории Вселенной, поэтому язык не может быть набором готовых образцов. Во-вторых, человеческий мозг должен содержать программу, способную строить неограниченное число предложений из списка слов. Эту программу можно назвать **ментальной грамматикой** [4: с. 1569].

Проблема плоттогенеза лежит на стыке многих наук. Так, нейрофизиолог Теренс Дикон [3] развивал парадоксальную идею языка как паразита, оккупировавшего мозг. Имелось в виду, что язык адаптировался в мозгу в гораздо большей мере, нежели мозг эволюционировал в сторону языка. За внешним многообразием различных языков (которых в настоящее время насчитывается около шести тысяч) проступают общие контуры коммуникативной системы человека разумного. Так, во всех языках имеется деление звучащей речи на слоги — соответственно, противопоставлены гласные (слоγοобразующие) и согласные (неслоγοобразующие) звуки. Во всех языках представлено различие между номинацией (называнием) и предикацией (суждением). Все языки имеют средства для выражения прагматических компонентов высказывания. Во всех языках есть слова, во всех имеется синтаксис, и между отдельными составляющими синтаксической структуры могут быть выявлены закономерные корреляции. Все это (и многое другое) дает возможность представителям некоторых лингвистических направлений говорить о наличии универсальной грамматики — некой общей врожденной основы всех реально засвидетельствованных и потенциально возможных грамматик [3].

Приверженцы теории **универсальной грамматики** обращаются прежде всего к данным нейрофизиологии и генетики. Им важно знать, в каких отделах мозга могла бы быть локализована языковая способность и какие гены с ней связаны. Быстрое усвоение языка ребенком (в особенности быстрое усвоение грамматики на третьем году жизни), по мнению многих ученых, указывает именно на врожденный характер универсальной грамматики человеческого языка. Следовательно, как и любое врожденное свойство, язык мог возникнуть только одномоментно, в результате генетической мутации, происшедшей у прародителей человечества. У предков человека существовал, видимо, «протоязык», изначальный словарь которого был равен нулю, но потом постепенно добавлялись новые символы, которые возникли примерно на два миллиона лет раньше, чем собственно язык. Сначала наши предки применяли смешанные формы коммуникации. Они

пользовались как жестом, так и звуком, но ключевая роль в процессе общения перешла к звуку, поскольку им намного удобнее пользоваться. Считается, что протоязык состоял почти исключительно из существительных и глаголов. Таких «модификаторов», как прилагательное или наречие, в протоязыке еще не существовало, они появились значительно позднее.

Моментом возникновения языка считается возникновение связей между словами в рамках высказывания. Это стало возможным благодаря некоторой генетической мутации, в результате которой возник синтаксический анализатор и синтезатор, а также перестроился весь речевой аппарат. Ключевая роль в глоттогенезе отводится сильному синтаксису, поскольку именно он обеспечивает сложные мыслительные процессы. Причем знание грамматики — это прежде всего навык, по большей части подсознательный. И в этом смысле знание грамматики противостоит знанию лексики, которая представляет собой сознательное обладание информацией. Соответственно, **формируется система уровней сложности как знаковых образований** (фонема > морфема > грамматическое слово > словосочетание > предложение > текст), так и **звуковых единиц** (фонема > слог > фонетическое слово > такт > период). Как отмечает известный в отечественной лингвистике семиолог А.Н. Барулин, техники соединения звуковых и значащих элементов в разных языках различны, что свидетельствует в пользу идеи полигенеза — независимого возникновения языка в разных популяциях человека разумного [1].

Гораздо больше стало известно в последнее время о том, как усваивается язык детьми, какие его элементы появляются раньше, какие позже, как постепенно в голове ребенка формируется языковая система, присущая его родному языку. Универсальность сложности языка — это открытие, которое наполняет лингвистов изумлением, и это веская причина утверждать, что язык — это не культурное достижение, а продукт особого человеческого инстинкта. Изучение освоения языка детьми неизбежно приводит к выводу, что язык универсально сложен потому, что дети заново открывают, изобретают его, поколение за поколением. Они это делают не потому, что их учат и что они умны вообще, не потому, что он необходим им, а просто потому, что они не могут не делать этого.

Язык, по мнению ведущих лингвистов, — это сложное умение, которое развивается в ребенке спонтанно, без сознательных усилий или обучения, используется без понимания его логики, т.е. инстинктивно. Существует мнение, что люди знают, как говорить, примерно так же, как пауки знают, как пряхть паутину. Искусство пряхть паутину не было открыто каким-то гениальным пауком, оно не зависит от уровня образования или каких-то способностей к строительству. Пауки прядут паутину потому, что так устроен их мозг (а точнее, — головной нервный узел), который дает им импульс к этому и компетенцию добиться цели. Это так же, как некоторые перелетные птицы пролетают тысячи миль и благополучно возвращаются обратно, повинувшись навигационному инстинкту.

Трехлетнего ребенка можно назвать грамматическим гением, хотя в то же время он не понимает многих знаков, принятых в обществе: дорожные знаки и т.д.

Оскар Уайльд, как всегда остроумно, заметил: «Образование — замечательная вещь, однако неплохо время от времени вспоминать, что ничему, что стоит знать, невозможно научить» [2]. Дети овладевают языком, подражая своим матерям, однако высказывания, ошибочные с точки зрения взрослых, имеют логическое объяснение. Ошибки, совершаемые детьми, являются доказательством универсальности грамматики. В основном эти ошибки можно объяснить стремлением следовать логике грамматики столь правильно, что удивительно, почему мы вообще считаем это ошибками. Самая распространенная детская ошибка — обобщение. Например, англоговорящий ребенок употребляет окончание правильных глаголов *-ed*, окончание *-s* для имен существительных множественного числа, игнорируя неправильные формы. Детям свойственно говорить *tooths, mouses, foots*. Приведем также примеры с глагольными формами:

*My teacher **holded** the baby rabbits and we **patted** them.*

*I **finded** the plane and it **flied** in the sky.*

Почему дети делают подобного рода ошибки? Объяснение очень просто. Формы неправильных глаголов необходимо заучивать, а память может подвести. Каждый раз, когда ребенок пытается употребить предложение с неправильным глаголом в прошедшем времени, но не может сделать это по памяти, то пустоту заполняет прошедшая форма правильного глагола. Чем меньше в речи родителей звучат те или иные неправильные глаголы, тем более склонны дети делать в них ошибки. И они практически не ошибаются в глаголах часто употребляемых. Приведем примеры еще нескольких забавных детских ошибок.

*Don't **giggle** me!*

Go me to the bathroom before you go to bed.

*The tiger will come and eat David and then he **will be died** and I won't have a little brother any more.*

Но если язык является инстинктом, то у него должно быть место в мозгу человека и, возможно, даже особый набор генов, которые помогают определить это место. Несколько лет назад в журнале «Science» была опубликована статья с эпиграфом Стивена Пинкера, одного из самых знаменитых генеративистов, автора книги «The Language Instinct» («Языковой инстинкт») [2]. Эту книгу в силу ее доступности и увлекательности знает каждая американская домохозяйка. С. Пинкер в ней сообщил, что ген языка наконец-то найден. Это ген FOXP-2 на седьмой хромосоме. Он во многом определяет нормальное функционирование языка. Генетикам действительно удалось выявить ген грамматики, который называется FOXP-2. Однако после первых радостей открытия начались разочарования. Потому что этот ген, к сожалению, нашли также у котят, цыплят, и, хуже того, у крокодила. А крокодил на эволюционной лестнице находится на бесконечно далеком от нас расстоянии. И гена грамматики у крокодила быть не может. Но его нашли! Генетики говорят: «Ну и что? Просто у крокодила он играет другую роль, не языковую». Однако недавно К.В. Анохин, замечательный московский генетик, показал другой ген — FOXB-1. Его поломка ведет к поражению оперативной памяти, что, естественно, будет влиять на язык. Формально можно сказать: вот сломан этот ген, вот проблемы с языком у человека, значит, FOXB-1 и есть граммати-

ческий ген. Вернее, уже два гена. Это очень сложное научное пространство, где нельзя проводить прямые параллели.

Мутация, затрагивающая этот ген, приводит к нарушениям как в области артикуляции, так и в области грамматики. Это показали исследования семей, страдающих специфическим нарушением речи. Это была страшная бомба! Ген найден, и это открытие сразу могло бы удостоиться Нобелевской премии. Это означало, что наконец-то найден ген, сделавший человека человеком. Ведь, кроме людей, никто больше не обладает речью. Коммуникация есть в любой живой системе, даже амебы «разговаривают» друг с другом на химическом уровне. Но у животных это закрытые списки сигналов, т.е. если есть двадцать «слов», то больше не будет никогда. **Язык с грамматикой** есть только у людей. Это другой тип организации, иерархический. Есть фонемы, морфемы, есть слова, фразы, дискурс. У человека список сигналов принципиально открытый. В нас вложен алгоритм, с помощью которого мы можем порождать бесконечное количество сигналов.

Когда возникают повреждения или травмы в нижних частях передней доли левого полушария мозга (скажем, от удара или от пулевого ранения), человек часто страдает от синдрома, который называется афазия Брока (Broca's aphasia). Человек в таких случаях пытается говорить, но не способен издать ни звука. При частичном восстановлении речи все трудности носят чисто грамматический характер — утрата окончаний -ed, -s, -ing, несмотря на высокую частотность их использования в английском языке.

Дефектологи, которые лечат нескольких членов одной семьи, очень давно доказали, что Specific Language Impairment (SLI) — умственные проблемы — такие, как отставание в развитии, нарушение слуха, аутизм, являются наследственными. Последние статистические исследования показывают, что это верно. Действительно, нашли поломку гена FOXP-2 у семей, где наблюдалось генетическое нарушение речевой деятельности. Это были английские семьи, в которых дедушка долго не мог заговорить, племянник заикался, у двоюродной тетушки была дислексия и дисграфия. В общем, речевые нарушения проходили через несколько поколений. И в то же время были найдены семьи с поломкой гена FOXB-1 и с подобными же проблемами. Ученые сошлись во мнении, что такое сложное умение, как язык, не может управляться одним или двумя генами. Поиски продолжаются.

Подводя итог, можно сказать, что ученые пришли к заключению, что поведение любого существа, его способности, лингвистические в том числе, зависят от нескольких факторов. От генетики, от того, в какую среду попал индивид, и от данной задачи, т.е. от необходимости. Существо с очень хорошей генетикой должно еще и попасть в такие условия, в которых придется проявлять свой потенциал либо ради сохранения собственной жизни, либо из тщеславия, либо же из интереса. Говорить об окончательном решении проблемы глоттогенеза, безусловно, рано, но тем не менее обсуждение этого вопроса уже перестало быть чисто спекулятивным и вышло на вполне научный уровень, что позволяет надеяться на приближение к разгадке этой многовековой тайны.

Библиографический список

Литература

1. Барулин А. Н. Основания семиотики: знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1: Базовые понятия. Эволюционная теория происхождения языка. Послесловие Ю.С. Степанова / А.Н. Барулин. – М.: Спорт и культура – 2000, 2002, – 464 с.
2. Пинкер С. Язык как инстинкт / С. Пинкер; пер. с англ. и общ. ред. В.Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
3. Deacon T. W. The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain / T.W. Deacon. – N.Y., London: W.W. Norton & Company, 1997. – 527 p.
4. Hauser M. D. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It and How Did It Evolve / M.D. Hauser, N. Chomsky, W.T. Fitch // Science. – 2002. – Vol. 298 (5598). – P. 1569–1579.

Справочные и информационные издания

5. Санкт-Петербургский университет: электронная версия журнала. – 2005. – № 3. URL: www.speumag.nw.ru/2005/03/14shml.

References

Literatura

1. Barulin A. N. Osnovaniya semiotiki: znaki, znakovy'e sistemy', kommunkaciya. Ch. 1. Bazovy'e ponyatiya. Evolyucionnaya teoriya proisxozhdeniya yazy'ka. Posleslovie Yu.S. Stepanova / A.N. Barulin. – M.: Sport i kultura, 2000, 2002. – 464 s.
2. Pinker S. Yazy'k kak instinkt / S. Pinker; per. s angl. i obshh. red. V.D. Mazo. – M.: Editorial URSS, 2004. – 456 s.
3. Deacon T. W. The Symbolic Species: the Co-evolution of Language and the Brain / T.W. Deacon. – N.Y.; London: W.W. Norton & Company, 1997. – 527 p.
4. Hauser M. D. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It and How Did It Evolve / M.D. Hauser, N. Chomsky, W.T. Fitch // Science. – 2002. – Vol. 298 (5598). – P. 1569–1579.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

5. Sankt-Peterburgskij universitet: e'lektronnaya versiya zhurnala. – 2005. – № 3. URL: www.speumag.nw.ru/2005/03/14shml.

Ю.Е. Ваулина,
О.В. Афанасьева

Магия повтора

Автор статьи рассматривает повтор и как стилистический приём, встречающийся на разных уровнях языка, и как возможный тип выдвигания, организующий текст в единое целое, обозначающий основную идею произведения, обуславливающий другие стилистические приёмы для раскрытия философского смысла художественного произведения. Повторы не только выделяют наиболее важное в тексте, но на основе обратной связи могут служить критерием определения стилистической значимости тех или иных элементов текста.

The author focuses on the repetition as a stylistic device on different levels of the language as well as a possible type of foregrounding that organizes the text into whole unity, points out the conceptual idea of the text, foregrounds other stylistic devices which help to perceive the philosophical sense of the piece of fiction. Repetitions emphasize important points in the text and serve the criterion of stylistic significance of a certain element of the text on the basis of reverse connection.

Ключевые слова: повтор; полифункциональный; стилистический прием; тип выдвигания.

Key words: repetition; polifunctional; stylistic device; type of foregrounding.

Последние десятилетия характеризуются стремительным развитием лингвистики текста. Одна из ее задач — рассмотрение текста с точки зрения его смыслового и идейно-художественного единства, определение принципов организации текста, а также изучение функционально-стилистического своеобразия языковых явлений в текстах различной коммуникативно-прагматической направленности. Важным при таком подходе становится исследование отдельных языковых стилистически маркированных явлений, которые способствуют организации, когезии и когерентности текста. К таким стилистически значимым явлениям можно отнести повтор.

Среди лингвистов, занимающихся проблемами стилистики, нет единого мнения о классификации стилистических средств. Некоторые ученые предпочитают выделять тропы и фигуры [1], под которыми понимаются лексические и синтаксические изобразительно-выразительные средства, выполняющие специальную стилистическую функцию. Профессор Ю.М. Скребнев [4] выделяет синтагматические и парадигматические стилистические средства, рассматриваемые как стилистика «единиц» и стилистика «рядов». И.Р. Гальперин [2] подчеркивает разницу между выразительными средствами языка, служащими для

эмоционального и логического усиления речи, зафиксированными в грамматиках и словарях, и стилистическими приемами, которые являются сознательной литературной обработкой языковых фактов. И.Р. Гальперин рассматривает стилистический прием как обобщение, типизацию объективно существующих в языке средств и их качественное при этом преобразование, «сознательное и намеренное усиление какой-либо типической структурной и/или семантической черты языковой единицы, достигшее обобщения и типизации и ставшее таким образом порождающей моделью» [2: с. 30]. Полемизируя с И.Р. Гальпериным по поводу данного определения, профессор И.В. Арнольд подчеркивает недоказуемость и несущественность основы данного определения — «намеренность и целенаправленность» употребления какого-либо элемента — для интерпретации текста [1: с. 90]. Следует, однако, отметить, что намерение автора использовать тот или иной стилистический прием (в трактовке И.Р. Гальперина) может осуществляться как сознательно, так и подсознательно: творческое воображение, уровень владения родным языком писателем или поэтом никоим образом не могут сравниться с уровнем владения языком среднестатистическим читателем. В то же время для интерпретации художественного текста, понимания заложенной автором эмоционально-эстетической, художественной информации искушенному читателю необходимо знать основные модели использования языковых единиц. Как отмечают все стилисты, глубокое прочтение текста во многом зависит от интеллекта и фоновых знаний читателя.

Каждый стилистический прием (метафора, метонимия, ирония, хиазм и т.д.) имеет определенные механизмы построения. Эти механизмы позволяют реализовать тот или иной прием на разных языковых уровнях, не разделяя их только на лексические и синтаксические стилистические средства.

Такое стилистическое явление, как повтор, подтверждает правильность термина «стилистический прием», т.к. его «осознанность и намеренность» ни у кого не вызывает сомнения. К тому же данный прием трудно отнести к одному языковому уровню: повтор встречается на фонетическом, лексическом, грамматическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

При всей кажущейся простоте повтор имеет огромный стилистический потенциал в силу своей полифункциональности. Одна из основных его функций, помимо экспрессивной и эмотивной, — ритмическая. Ритмическая функция повтора определяет построение классического стиха, благодаря чему можно рассматривать ритм и рифму скорее как языковые выразительные средства, чем стилистические приемы. Наряду с ритмом и рифмой стилистический прием аллитерации воспринимается как данность, неотъемлемая часть поэзии, создающая специфику стиха. В прозе ритмическая функция более заметна, стилистически более значима, она определяет экспрессивность и эмоциональную насыщенность данного приема. Например:

*Without that spinning mill, as everybody in **Braddle** knew, for it was there that everybody in **Braddle** worked — the heart of **Braddle** would cease to beat* [6: с. 189].

В рассказе Альфреда Коппарда «Дань» отмечено троекратное употребление названия городка *Braddle* в двух предложениях, и восемь раз в пределах

двух следующих друг за другом абзацев. В результате рассказ приобретает песенный, балладный характер, создается определенный ритм — ритм биения сердца: *the heart of Braddle would cease to beat*.

Многие поколения жителей городка Брэдл трудились на фабрике не покладая рук, потому что если бы фабрика прекратила работу, то и жизнь в городке остановилась бы. Фабрика была его «сердцем» во все времена, в меняющихся исторических условиях. Именно повтор превращает данный рассказ в балладу о трудовых буднях, о жертвах и потерях, понесенных несколькими поколениями простых тружеников, тем самым создавая фон для усиления сатирического характера произведения. Ритмическая функция повтора в данном рассказе связана с его организующей функцией. Повтор ключевого слова *Braddle* (восемнадцать раз на четырех страницах рассказа) способствует организации всех абзацев, как контактно, так и дистантно расположенных, в одно целое, усиливает смысловую и эмоциональную связь между предложениями, обеспечивает единство (интеграцию) текста, выделяет основную идею произведения — противоречие, внутренний конфликт между простыми тружениками — жителями Брэдла и представителями правящего класса.

Неоспоримым является тот факт, что повтор способствует наращиванию содержательного потенциала слова, меняя его значение, добавляя новые значения или компоненты значения. Благодаря повтору текст приобретает дополнительную экспрессию и модальность. Это хорошо видно из приведенного примера, в котором мы обнаруживаем смысловую и экспрессивную трансформацию названия. Имя собственное (*Braddle*) выполняет номинативную функцию, указывая на место действия рассказа, и лишено лексического значения. Оно не является ни в коей мере «говорящим» именем, т.к. не связано семантически ни с одним словом английского языка.

Однако постепенно происходит расширение его семантической структуры, приращивается компонент «одушевленный», затем — «работающий», компонент положительной оценки и т.д. Благодаря повтору данный топоним «обрастает» особыми качествами и свойствами содержательного характера, что облегчает процесс инференции. В рамках данного контекста указанный топоним начинает означать рабочий класс, большинство, эксплуатируемое кучкой богачей.

Особенность повтора как стилистического приема не столько в его способности реализовать большое количество функций в художественном тексте, сколько в их одновременной реализации. Наряду с экспрессивно-эмоциональной и модально-оценочной функциями, которые являются неотъемлемой составляющей данного стилистического приема, повтор выполняет фоновую и символическую функции. Повтор способствует реализации других стилистических приемов и активно участвует в создании определенного художественного образа.

Классическим примером может служить рассказ Э. Хемингуэя «Cat in the Rain» («Кошка под дождем») [8]. Любимый автором образ дождя — символ несчастья или неудовлетворенности, неустроенности — в полной мере раскрывается в данном рассказе. Ключевое слово *rain*, входящее в название рассказа,

служит доминантной единицей повтора, которую автор использует одиннадцать раз (*rain, raining*), создавая атмосферу уныния, внутреннего дискомфорта. Эта атмосфера усиливается контрастным повтором слов *bright, green*, т.к. речь идет об Италии, где дождь — редкое явление и почти всегда царит радостное оживление. Повтор слова *rain* подчеркивает, что именно такая погода доминирует в душе героини — нет дома, близких друзей, нет тепла и уюта. Именно повтор дает возможность читателю извлечь подтекстовую информацию, прочитать «между строк» о взаимоотношениях описываемой пары.

На первый взгляд, название рассказа соответствует его фабуле. Молодая женщина не может пойти на прогулку из-за дождя и наблюдает в окно, что происходит на улице. Девушка видит кошку, которая пытается укрыться под столом. Героиня хочет спасти ее, но из-за дождя не может сразу выйти из отеля, а когда выходит, то оказывается, что кошка убежала. Слово *cat* повторяется тринадцать раз, заставляя читателя мысленно возвращаться к названию рассказа. Постепенно читателю раскрывается смысл метафоры: героиня и есть та «кошка под дождем», мятущаяся тонкая натура, страдающая от непонимания и одиночества.

Постепенно словосочетание *cat in the rain* приобретает символическое значение одиночества. Именно повтор дает возможность читателю глубоко интерпретировать текст, позволяет за незамысловатой фабулой разглядеть драматизм ситуации, понять характеры персонажей, нарисованных несколькими штрихами. Повтор дает возможность автору добиться драматического эмоционального накала.

Большой интерес для лингвиста представляет проблема разграничения повтора как стилистического приёма, с одной стороны, и повтора как типа выдвигания, обеспечивающего структурную связанность и целостность текста и устанавливающего иерархию его элементов — с другой. И.В. Арнольд подчеркивает своеобразие повтора как фигуры речи и его потенциал стать типом выдвигания [1: с. 30]. Под выдвиганием понимаются способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определённых элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного, а чаще — разных уровней. Типы выдвигания формируют иерархию значений внутри текста, т.е. выдвигают на первый план особенно важные части сообщения, кроме того, устанавливают связи между целым текстом и его отдельными составляющими. Эти задачи реализуются, когда одни виды повторов выступают в соединении с другими видами повторов и переплетаются с другими стилистическими приёмами, выдвигая их на первый план.

Рассказ Э. Хемингуэя «*Cat in the Rain*» демонстрирует «сцепление» повторов на лексическом уровне (ключевые слова), грамматическом уровне (корневой повтор, повтор местоимений, параллельные конструкции), а также семантический повтор — семантически близкие слова, которые формируют одно семантическое поле, независимо от частеречного значения. Семантические повторы создают высокую смысловую усложнённость, особую концентрацию идеи. Смысловая концентрация как раз и способствует выделению главной темы. Образ дождя, определяющий жизнь главных героев, усиливается повтором глаголов *drip, glisten, wet*,

а также наложением корневого повтора. Повтору слова *cat* сопутствует повтор таких единиц, как *kitty, to purr*, благодаря чему «кошка / котенок» ассоциируется с теплом, уютom, домом, со всем тем, чего лишена героиня.

При использовании семантического повтора возникает избыточность информации, что в определённом смысле вызывает нарушение нормы и в то же время защищает сообщение от помех при интерпретации текста. Избыточность приводит к тому, что каждый последующий элемент текста может быть в известной степени предсказан на основе предшествующих благодаря взаимосвязи с ними и создаёт условия для «выдвижения» основной идеи и актуализации наиболее значимых стилистических приемов, способствующих выявлению этой идеи. В данном случае речь идет о метафоре. Дождь — тоска, героиня — кошка под дождем. Многократный повтор, как отмечалось выше, превращает данные метафоры в символ одиночества.

Повтор задерживает внимание читателя на определённых фрагментах текста и помогает оценить их относительную значимость, иерархию образов, идей, чувств и таким образом передаёт авторское отношение к предмету речи. Тем самым создаётся экспрессивность элементов и обеспечивается упорядоченность структуры текста. Упорядоченность текста, в свою очередь, облегчает преодоление помех при декодировании информации, позволяя читателю расшифровать ранее неизвестные ему элементы.

Рассматривая повтор как тип выдвижения, необходимо подчеркнуть его способность устанавливать семантически релевантные отношения между элементами разных уровней. Примером вышесказанного может служить стихотворение Emily Dickinson «A Day» [7]:

A Day

*I'll tell you how the sun rose, —
A ribbon at a time.
The steeples swam in amethyst,
The news like squirrels ran.*

*The hills untied their bonnets,
The bobolinks begun.
Then I said softly to myself,
«That must have been the sun!»*

*But how he set, I know not.
There seemed a purple stile,
Which little yellow boys and girls
Were climbing all the while.*

*Till when they reached the other side,
A dominie in gray
Put gently up the evening bars, —
And led the flock away.*

В анализируемом стихотворении повтор как тип выдвигания не только связывает текст в единое целое, но и расставляет акценты, формирует иерархию его элементов, создаёт определённый фон произведения, его образность, ритмичность, передает силу чувств и эмоций. Слово *sun*, неоднократно повторяясь, приобретает дополнительный смысл, а именно — «жизненная сила», «энергия». Следует отметить, что лексический повтор в стихотворной речи более заметен по сравнению с прозой, более эксплицирован, теснее связан с композицией и концептом произведения. Особенностью данного стихотворения являются как «прямые», так и «косвенные» повторы. Так, в строке *but how he set* нет слова *sun*, однако *he* (персонификация *sun*) может рассматриваться как косвенный повтор *sun*. Таким образом, упомянутый повтор затрагивает не только лексический, но и грамматический уровень. Данный повтор разделяет стихотворение на две части, усиливая контраст, образуя интересную цветовую антитезу: описание рассвета в первой части стихотворения (*amethyst*) сменяется закатом во второй (*purple*), но обе части связаны с жизненно важным явлением «солнце». В то же время трехкратный повтор слова *sun* объединяет весь текст в оду солнцу и связывает весь текст с названием «A Day».

Повтор на метафорическом уровне усиливает основную идею произведения: жизнь, подобно дню, прекрасна своим восходом и закатом, она зарождается в прекрасных лучах солнца и угасает с его заходом. Такие метафоры, как *a ribbon at a time, little yellow boys and girls, led the flock away*, связывают текст и создают образ лучей солнца. Развёрнутая метафора *little yellow boys and girls were climbing all the while till when they reached the other side* семантически связана со словом *sun* через цвет. Таким образом, три метафоры создают один образ.

На фонетическом уровне аллитерация, повторение согласного *b*, служит средством для дополнительного эмоционального воздействия, помогает создать атмосферу зарождения нового дня, появления новой жизни. С помощью повтора автор противопоставляет рассвет и закат, жизнь и смерть, юность и старость. Фраза *put gently up the evening bars* в четвертом четверостишии не просто описывает плывущие на горизонте вечерние облака, но подчеркивает вынужденные «вечерние» запреты, напоминающая читателю о неуместности поведения, типичного для молодых, в более зрелый период, как несопоставимы день, наполненный солнечным светом, и вечер.

Пример данного стихотворения подтверждает: повтор может рассматриваться не только как стилистический приём, но и как тип выдвигания, организовывающий текст в единое целое, обозначающий основную идею произведения, обуславливающий другие яркие стилистические приёмы для раскрытия философского смысла художественного произведения. Повторы интересны не только тем, что выделяют наиболее важное в тексте, но и тем, что на основе обратной связи могут служить критерием определения стилистической значимости тех или иных элементов текста.

Библиографический список*Литература*

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учеб. / И.В. Арнольд. – М.: Флинта, 2002. – 384 с.
2. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка: на англ. яз.: учеб. / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
3. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учеб. пособие / В.А. Кухаренко. – М.: Просвещение, 1988. – 188 с.
4. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка: учеб. / Ю.М. Скребнев. – М.: Астрель, 2003. – 224 с.
5. Текст и его компоненты как объект комплексного анализа в вузе: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. И.В. Арнольд. – Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1984. – 159 с.
6. Coppard A. E. Selected Stories: сб. рассказов / А.Е. Coppard. – London: Cape, 1972. – 275 с.
7. Dickinson E. Poems: сб. стихов / E. Dickinson. URL: <http://classiclit.about.com/library/bl-etexts/edickinson/bl-ed-3-22-aday.htm>.
8. Hemingway E. Cat in the Rain: рассказ / E. Hemingway. URL: http://www.qca.org.uk/14-19/6th-form-schools/downloads/cat_in_the_rain.pdf.

References*Literatura*

1. Arnol'd I. V. Stilistika. Sovremenny'j anglijskijazy'k: ucheb. / I.V. Arnol'd. – М.: Flinta, 2002. – 384 s.
2. Gal'perin I. R. Stilistika anglijskogoazy'ka: na angl. yaz.: ucheb. / I.R. Gal'perin. – М.: Vy'sshaya shkola, 1981. – 334 s.
3. Kuxarenko V. A. Interpretaciya teksta: ucheb. posobie / V.A. Kuxarenko. – М.: Prosveshhenie, 1988. – 188 s.
4. Skrebnev Yu. M. Osnovy' stilistiki anglijskogoazy'ka: ucheb. / Yu.M. Skrebnev. – М.: Astrel, 2003. – 224 s.
5. Tekst i ego komponenty' kak objekt kompleksnogo analiza v vuze: mezhvuz. sb. nach. tr. / Pod red. I.V. Arnold. – L.: LGPI im. A.I. Gercena, 1984. – 159 s.
6. Coppard A. E. Selected Stories: sb. rasskazov / A.E. Coppard. – London: Cape, 1972. – 275 s.
7. Dickinson E. Poems: sb. stixov. / E. Dickinson. URL: <http://classiclit.about.com/library/bl-etexts/edickinson/bl-ed-3-22-aday.htm>.
8. Hemingway E. Cat in the Rain: rasskaz / E. Hemingway. URL: http://www.qca.org.uk/14-19/6th-form-schools/downloads/cat_in_the_rain.pdf.

ЯЗЫКОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

В.Н. Базылев

Россия и Запад: диалог на фоне переводов

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с современными тенденциями культурной глобализации и культурной автономии. Противостояние данных тенденций характеризует современные литературные связи России и Запада, внутрироссийские традиции чтения и перевода. В статье представлена типология данных тенденций, их влияние на культуру русского языка.

The article discusses the problems of contemporary trends of globalization vs. autonomy in culture. The opposition of these trends is characteristic of modern literary links between Russia and the West, Russian internal tradition in reading and translation. The article gives the typology of these trends and their influence on Russian-speaking culture.

***Ключевые слова:** перевод; межкультурный перенос; трудности перевода; новая художественная парадигма.*

***Key words:** translation; cross-culture interference; losses in translation; new literary paradigm.*

Противостояние двух тенденций в начале XXI в.: культурной глобализации и культурной автономии — принимает достаточно агрессивный характер, что отражается на литературных связях России и Запада, а также на внутрироссийских тенденциях чтения и, соответственно, перевода. Сегодня особенно актуальны три проблемы, имеющие непосредственное отношение к феномену культурной глобализации.

Проблема первая: насколько в настоящее время в России патронаж Запада влияет на такой фрагмент межкультурной коммуникации, как перевод, т.е. сказывается на отборе и переводе произведений художественной литературы различных жанров, а также на создании произведений на русском языке. Вторая проблема связана с первой: поиск в западной и российской литературной действительности новой художественной парадигмы. Третья проблема — налаживание межкультурного диалога, необходимого для выработки такой новой художественной парадигмы или набора парадигм.

То, что мы читаем сегодня, не только и не столько оригинальное творчество, сколько именно перевод. Но перевод — это не только дело техники. Мы должны быть готовы к тому, что, читая текст, в основе которого лежит некий прототекст (инвариант), созданный на чужом языке, мы сталкиваемся с искажением смысла. Не столь очевидно то негативное влияние, которое оказывает на процессы перевода неверное толкование, зачастую преднамеренное, различных культур. Оно особенно сильно в современной России: в этом случае можно говорить об известном патронаже. Но и тогда связь между переводом и патронажем становится видна не сразу. Чтобы ее разглядеть, надо присмотреться к процессу отбора и редактирования книг или прототекстов, предложенных, выбранных для перевода.

Сущность проблемы вовсе не в передаче языковых тонкостей: книги, переведенные с современных европейских языков вполне качественно, тоже могут не найти отклика у современной отечественной аудитории. Главное в другом: в контроле над их содержанием. В чем он заключается? В том, что западные издатели распоряжаются фондами, грантами на перевод, наделяют стипендиями и решают, публиковать перевод той или иной книги или отложить его в долгий ящик. Высказанное в общем виде утверждение, будто кто-то пытается ограничить российскую переводческую свободу, наверняка вызовет резкие возражения у многих. И действительно, никто не собирается подвергать ограничению работу по переводу книг с западноевропейских языков сознательно. Однако когда дело доходит до конкретных текстов, когда надо решать, стоит ли профинансировать конкретный проект, факт патронажа сразу становится очевидным.

Дело в том, что традиции переводной литературы в нашей стране во многом восходят к традициям, сложившимся еще в петровскую эпоху [4: с. 74–94]. Главной задачей реформ Петра Великого было наведение «моста» между двумя мирами — между варварской, как он считал, Россией и цивилизованным Западом. Екатерина II продолжила дело Петра с теми же установками. Сейчас в характере рассуждений о переводной литературе, о принципах отбора книг для перевода по-прежнему обнаруживается, по мысли Ю.М. Лотмана, «дуальная модель» русской культуры — жесткое противопоставление белого и черного при отсутствии третьего, нейтрального элемента [5: с. 48]. Обусловленное этим дуализмом, различие между русской и европейской культурами играет принципиальную роль с точки зрения истории переводческого диалога между ними. Трудности понимания сразу бросаются в глаза, когда мы читаем современные переводные тексты.

Как производные от этих переводных текстов выступают «оригинальные» отечественные произведения художественной литературы различных жанров. Здесь, как и во многих других областях, Россия являет культуру одновременно и европейскую, и в корне от европейской отличающуюся. Обратимся к примерам.

Руслан Мельников. «Мертвый рай». Краткое содержание. В России поднимает голову сепаратизм. Федеральный центр теряет контроль над страной. В провинции гражданская война, хотя некая видимость нормальной жизни сохраняется: например, ходит бронированный общественный транспорт. Каждый провинциальный город — автономная мини-крепость. Москву пока

не трогают, поскольку ходят слухи, что столица бомбит неудобные регионы. За пределами городов пасутся дикие племена. В стране комендантский час с семи вечера до семи утра [2].

Дмитрий Глуховский. «Метро 2033». Краткое содержание. После ядерной катастрофы, случившейся в начале века, выжили только те, кто оказался в московском метро. За 30 лет каждая станция превратилась в отдельный хутор, выживающий за счет культивации подземных грибов, маленьких свиноферм и торговли с соседями. Существует Содружество станций Кольцевой линии, коммунистическая Сокольническая линия, «Пушкинская» с нацистами и т.д. На поверхность изредка выбираются stalkеры — их мало, и они ценятся на вес золота. На Кремль сбросили еще и биологическую бомбу, поэтому там, за стенами, и в особенности в кремлевских подвалах, живет что-то совсем уж невероятное. Спаситься от него можно только спев хором «Батяня-комбат» [1].

Вот так литература снова возвращается к обсуждению вопроса о политике «твердой руки»: политика твердой руки в галактическом самоопределении России.

Думается, приведенных примеров достаточно, чтобы осознать опасность того, что при таком использовании прототекста и создании нового текста возможности для межкультурного диалога сокращаются или вовсе утрачиваются. Пропасть взаимного непонимания двух частично совпадающих культур углубляется. Выход один — принимать оригинал таким, каков он есть, переводить его как можно более бережно, так, чтобы «слова говорили сами за себя». Это позволит аудитории, не знающей иностранного языка, услышать писателя иной страны, иной культуры, воспринять новые идеи в неискаженном виде.

Однако тут таятся опасности иного рода. Прежде всего велика вероятность, что не все художественные произведения найдут в России своего читателя. Еще важнее другое, и Россия неоднократно с этим сталкивалась: достаточно напомнить о последствиях знакомства российского массового читателя XIX в. с переводными произведениями раннего Маркса. Результат может оказаться не слишком приятным потому, что знакомство с «чужими» и необычными идеями способно подтолкнуть к критической переоценке идей «своих», устоявшихся. Может даже зародиться подозрение, что западный способ мышления гарантирует более адекватное постижение истины. Однако это не так. Прежде всего это не касается Америки. Сюжет «падения Америки» сегодня, пожалуй, самый востребованный. Соединенным Штатам так или иначе не жить — на этом сходятся поголовно все авторы. Даже в тех романах, где Америка железной рукой правит миром и оккупирует Россию, недвусмысленно дается понять: какая-то в державе Датской гниль, в скором времени сверхдержава исчезнет с лица Земли. Основные причины неминуемого американского апокалипсиса — расовые и религиозные противоречия, сепаратизм, энергетический кризис и недальновидная внешняя политика. Иными словами, на Америку в том или ином виде экстраполируются многие проблемы современной России.

Как бы ни были «неудобны» все эти мысли, обусловленные необходимым миметическим характером литературного произведения как нарратива, игно-

ривать их нельзя. Но возможно произвести переоценку того, к чему мы уже привыкли, — к переводной художественной литературе определенного жанрового диапазона. Ситуация осложняется тем, что в российском читающем сообществе в целом довольно основательно восприняли некоторые западные приемы нарративизации. Вряд ли могло быть по-другому. Крушение собственных литературных традиций (например, в детской литературе, в жанре научной фантастики, детективном жанре, социально-бытовом романе и пр.), было столь быстрым и полным, что заменить их в России оказалось нечем.

Исчезла система, и одновременно Россию охватила жажда «нового», экзотического, не-нашего. Профессиональные литераторы в России по сей день не нашли выхода из этого положения. Журналисты, кинорежиссеры, даже пишущие политики сумели откликнуться на эту потребность общества куда быстрее, чем писатели. Представители «старой гвардии» вообще перестали что-либо писать. Зачем? Другие, более молодые, постарались подстроить свою творческую работу под «чужие» проблемы, освоить не наш дискурс, принять не наши модели письма и тематические приоритеты. Следует заметить, что такой выбор не навязывался принудительно извне.

В это же время стало ясно, что молодые российские писатели нуждаются в лучшей подготовке, что им не хватает некоторых базовых навыков письма, чувства стиля родного языка. Этому есть своя причина — западный патронаж, т.е. устойчивая практика неэквивалентного интеллектуального обмена. Хотя литература — особый случай. В ней не может быть универсальных моделей: каждая культура и каждое поколение пишут ее заново. Но приоритетная задача при этом остается прежней: наша литература должна оставаться нашей как таковая, вне зависимости от качества западных литературных источников, образцов — переводов. И то, что окололитературный постмодернистский ажиотаж последних десяти лет мешал увидеть эту перспективу, еще не означает, что можно и дальше ее не замечать. Очевидно, мы должны целиком изменить само наше отношение к сегодняшней литературной продукции — переводной и оригинальной — с ее чрезмерной сосредоточенностью на проблемах типа проблемы стратегической безопасности, военных конфликтов или идеологических и религиозных различий.

Еще одно негативное последствие западного патронажа в переводной литературе, столь же серьезное, что и первое, — это отсутствие реальной возможности обогатить русский литературный язык. В современной переводной литературе используются термины и смыслы, весьма слабо отражающие потенциал русского языка. Авторы-переводчики часто не могут вырваться из плена стилистических конструкций, характерных для литературных жанров западноевропейской литературы, или же неумеренно пользуются «языком для посвященных», злоупотребляя, например, акронимами. В основном разрабатываются две темы — модернизация и технологические изменения современного общества и преобразования политических систем.

Можно, конечно, утешаться мыслью, что люди, занимающиеся литературным творчеством — переводным или оригинальным, имеют возможность учиться

ся на чужих ошибках. Но на деле вряд ли стоит радоваться своему литературному отставанию, ибо из-за него нашим литераторам грозит опасность снова и снова изобретать велосипед. Допустим, им удастся не сбиться окончательно на разговоры об особом пути России. Трудно будет полностью справиться с искушением двигаться ускоренным шагом по дороге, проторенной западноевропейскими коллегами по литературному творчеству. Относительная интеллектуальная бедность ведет переводчиков-литераторов к тому, что они не могут с толком распорядиться своей свободой творчества: файлы нынешних текстов склеены из кусочков, понадерганных отовсюду, — у постмодернистов и постструктуралистов, ницшеанцев и психоаналитиков. Если писатели России будут все время заимствовать чужие идеи, предмет их нарратива вечно будет пребывать в состоянии морального старения — совсем как экономика царской России.

Еще более серьезна другая опасность — что они вообще будут избегать трудных проблем, обусловленных спецификой их литературного творчества. Конечно, есть один хороший способ уйти от неудобных вопросов — «закопаться» в переводы. С моей точки зрения, и без того уже слишком много времени потрачено за последние двадцать лет на попытку опереться на иноязычные прототексты, чтобы, как на то указывал Н.Г. Чернышевский в 1857 г., использовать переводную литературу для развития народного самосознания, просвещения и эстетического вкуса [4: с. 7].

Принципиальное значение для литературной эволюции сегодня имеет не новая информация о западноевропейской литературе, не использование ее наработок и стереотипов, а способность ставить новые вопросы. И в чем роль нашей оригинальной литературы может оказаться действительно важной, так это в том, чтобы и задавались такие вопросы на русском языке, и ответы на них тоже произносились на русском.

Настало время сделать дополнительные разъяснения по поводу русского языка. Переводы 90-х гг. XX в., написанные по-русски, обеднили русский язык в языковом отношении. А ведь еще в XIX в. русская интеллигенция не просто владела языками двух культур — европейской и родной русской, но и добивалась их плодотворного, хотя и мучительного, соединения. Язык переводной литературы 90-х гг. XX в. оказался в целом бесплодным. Её слова и обороты оказались чужды русскому языку. Приходилось договариваться о том, как их понимать. Но в целом первая задача, стоящая перед современными писателями и переводчиками России, — возродить русский язык и затем корректно пользоваться им. Пока этого нет, вакуум заполняется переводными произведениями. Даже если они имеют вид авторских. За вопросом о выборе слов скрывается вопрос межкультурного диалога, а также этическая проблема возможности и целесообразности существования переводной литературы. Возможно, я преувеличиваю опасность. Маловероятно, что западноевропейская литература и дальше будет навязывать российским писателям и переводчикам круг приоритетных тем.

Куда больше тревожит другое — что так и не удастся достичь взаимопонимания между западными и российскими читателями. В этом случае в наилучшем положении в России окажутся изоляционисты, т.е. сторонники такой версии исто-

рии, которая опирается на представление об уникальности русской культуры, а не пытающиеся осмыслить, что же теперь представляет собой национальная идентичность России. А ведь все в мире держится на идее культурной преемственности. Главное — не стать жертвами псевдокультуры, в том числе переводной. И здесь снова в фокусе неизбежно оказывается вопрос о степени уникальности культурных, социальных и политических, литературных и переводческих традиций, о траектории их изменений, он же включает в себя и историю национальной идентичности. Как заметил М. Бахтин, «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур» [3: с. 145]. Стоит только постепенно свести на нет западноевропейское доминирование, обеспечиваемое положением патронов.

Но цена такого культурного диалога велика. Ибо если мы не будем настаивать на своем литературном превосходстве, нам придется навести порядок и в оценке нашей собственной работы. Тот же Бахтин писал: «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, какие она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [3: с. 153]. А в случае с Россией — по крайней мере, в том, что касается ее культурной конфронтации с Европой, — картина еще более сложная. Россия не была изолирована от влияния европейской культуры. России должно быть возвращено и литературное место в Европе — не только по политическим и стратегическим соображениям, но и потому, что в истории литературы России есть уроки, роднящие ее с опытом Европы. Выявлены они могут быть только через переводы-сравнения, в контексте литературно-переводческой дискуссии. Произведения, которые мы с вами сейчас читаем, не конец истории литературы в России. Это начало нового диалога, быть может, самого захватывающего и самого важного за последние сто лет. И столь волнующим его делает реальная возможность того, что он, наконец, не будет ни односторонним, ни предвзятым, ни стесненным какими бы то ни было комплексами и трудностями перевода. Новый диалог с европейской литературой, которым мы в том числе обязаны переводам, открывает многообещающую перспективу десятилетий интеллектуальных новаций.

Библиографический список

Источники

1. Глуховский Д. А. Метро 2033 / Д.А. Глуховский. – М.: ЭКСМО, 2005. – 360 с.
2. Мельников Р. В. Мертвый рай / Р.В. Мельников. – М.: АСТ, 2003. – 445 с.

Литература

3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 407 с.
4. История русской переводной художественной литературы / Отв. ред. Ю.Д. Левин. – СПб.: Дмитрий Булавин, 1995. – 316 с.

5. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 1994. – 399 с.

References

Istochniki

1. *Gluxovskij D. A.* Metro 2033 / D.A. Gluxovskij. – М.: Е'КСМО, 2005. – 360 с.
2. *Mel'nikov R. V.* Myortvy'j raj / R.V. Mel'nikov. – М.: AST, 2003. – 445 с.

Literatura

3. *Baxtin M. M.* Voprosy' literatury' i e'stetiki / M.M. Baxtin. – М.: Xudozhestvennaya literatura, 1975. – 407 с.
4. *Istoriya russkoj perevodnoj xudozhestvennoj literatury' / Otv. red. Yu.D. Levin.* – SPb.: Dmitrij Bulavin, 1995. – 316 с.
5. *Lotman Yu. M.* Besedy' o russkoj kulture / Yu.M. Lotman. – SPb.: Iskusstvo-SPb., 1994. – 399 с.

И.С. Кашенкова

Прагматические особенности политического дискурса в международной сфере: лингводидактический аспект

В статье обсуждается специфика профессионального общения в сфере международных отношений, анализируются структурные и прагматические особенности политического дискурса в международной сфере, подчеркивается важность учёта данных особенностей в рамках межкультурной парадигмы обучения иностранным языкам.

The article discusses pragmatic peculiarities of political discourse in international relations which should be taken into account in teaching languages to foreign affairs college students.

***Ключевые слова:** межкультурная компетенция; студент-международник; политический дискурс; язык политики; прагматические особенности.*

***Key words:** intercultural competence; political discourse; foreign affairs students; language of policy; pragmatic peculiarities.*

Современные условия развития международных отношений диктуют новые требования к качеству профессиональной подготовки специалистов, работающих в сфере международного сотрудничества. Важной частью образовательного процесса в данном случае является обучение студентов межкультурному общению в сфере международных отношений. Межкультурный подход при обучении иностранным языкам будущих международных предполагает не только приобретение ими необходимых знаний и формирование речевых умений, но и их эмоциональное и интеллектуальное саморазвитие, способность справляться с непредвиденными, культурно обусловленными ситуациями общения. В рамках межкультурной парадигмы это означает формирование языковой личности, познавшей посредством изучения языков как особенности разных культур, так и особенности их взаимодействия. Речь идет о формировании так называемого «медиатора культур» (термин Г.В. Елизаровой).

Качества медиатора культур позволят языковой личности выйти за пределы собственной культуры, не утрачивая собственной культурной идентичности, а также на основе сопоставительного анализа культур через механизм культурных универсалий лучше понять собственные культурные нормы. Следовательно, вузам, готовящим специалистов для сферы внешнеполитических связей, необходимо при обучении ИЯ заменить цель формирования и разви-

тия навыков и умений преимущественно для учебной коммуникации как процесса, — на цель, заключающуюся в подготовке выпускников к реальному общению с представителями других культур в бытовой и профессиональной сфере с ориентацией на результат такого общения.

В МГИМО был разработан новый государственный образовательный стандарт, в котором с учетом специфики подготовки специалистов для внешнеполитической деятельности на первый план выдвигается изучение международных отношений и политологии. Соизучение языка и культуры положено в основу многих учебных программ: у специалиста данного профиля в процессе его подготовки должны быть сформированы навыки и умения иноязычного профессионального общения, которые позволят ему успешно трудиться медиатором в политических конфликтах и использовать весь арсенал политического красноречия и коммуникативного воздействия. Согласно требованиям данного госстандарта, специалист-международник должен владеть языком изучаемого региона (страны), соответствующими умениями речевой деятельности в повседневно-обиходной, профессиональной и общественно-политической сферах. В его профессиональную компетенцию входят также социальный и политический маркетинг, пропаганда и журналистика, риторика, а также знание научного и культурного наследия региона, проблем культурной идентичности и взаимодействия национальных культур [1: с. 6]. Таким образом, специалист-международник, овладев межкультурной коммуникативной компетенцией, культурой мышления и публичного выступления, сможет быть полноправным участником межкультурного общения в профессиональной сфере (политический дискурс), где политическая коммуникация выступает как существенная часть межличностного речевого поведения.

Специфика профессионального общения в сфере международных отношений в значительной степени обусловлена целями, особенностями и технологией профессиональной внешнеполитической деятельности. Специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, состоит в её преимущественно дискурсивном характере: многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями. Существует мнение, что политическая деятельность вообще сводится к деятельности языковой [8: с. 23], а в современной политологии наблюдается тенденция рассматривать язык не столько как средство отражения политической реальности, сколько как компонент поля политики [9: с. 71]. Сопоставление языка и политики предопределено их генетической общностью: общественно-политическая деятельность проявляет себя в языке, одновременно будучи возможной лишь посредством языка, когда язык и общественно-политическая деятельность обоюдно обуславливают друг друга. В этом смысле политический дискурс как целостный образ выступает в виде определённого, т.е. построенного по определённому образцу (схеме, фрейму), комплексного речевого действия, характеризующегося специфическими признаками и особенностями.

Однако несмотря на повышенное внимание к политическому дискурсу (далее ПД), общепринятого языка политики на данный момент нет. В линг-

вистике наряду с термином Е.И. Шейгал и А.В. Баранова «политический дискурс» употребляются также такие обозначения, как «общественно-политическая речь» (термин Т.В. Юдиной), «агитационно-политическая речь» (термин А.П. Чудинова), «язык общественной мысли» (термин П.Н. Денисова), «политический язык» (термин О.И. Воробьёвой) и другие.

Отсутствует единство и в понимании данного явления, которое, с одной стороны, сужается до дискурса целедостижения, а с другой — расширяется за пределы дискурса речевой деятельности, включая действия иного рода (например, невербальные). В широком смысле под политическим дискурсом понимаются «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относятся к сфере политики» [6: с. 23]. А.В. Баранов определяет политический дискурс как «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых или формирующих конкретную тематику политической коммуникации» [2: с. 246]. При таком толковании политического дискурса предполагается его отождествление с языком публичной сферы, анализ всех семиотических систем искусства, а языковой материал составляет заявления политиков, политических обозревателей, публикации в СМИ, материалы специализирующихся на различных аспектах политики изданий.

Политический дискурс, в узком смысле, не выходит за пределы собственно сферы политики, это дискурс политиков. Его образуют правительственные обсуждения, парламентские дебаты, партийные программы и речи политиков. Согласно голландскому лингвисту Т. ван Дейку, дискурс является политическим, когда он сопровождает политический акт в соответствующей институциональной обстановке [3: с. 230]. Основы теории ПД были заложены представителями кембриджской и оксфордской философских школ и продолжали традиции «понимающей» философии М. Вебера. В исследованиях, проводимых до 90-х годов прошлого века, социологический подход к ПД преобладал над лингвистическим. В них обсуждались преимущественно понятия дискурса, предлагались разнообразные аспектные описания языка политики. Затем перед исследователями встала задача планомерного и комплексного собственно лингвистического описания ПД. Интересны работы В. Бергсдорфа (1987), проследившего взаимосвязь языка и политики, Р.М. Блакара (1987), А.П. Чудинова (2001) и М.В. Ильина (2004), исследовавших политические метафоры, Ю.А. Сорокина (1997), предложившего различные подходы к определению ПД, Е.И. Шейгал (2004), рассматривавшей ПД как объект лингвокультурологического изучения, А.В. Баранова (1987), предложившего взгляд на ПД как на вторичную языковую подсистему, В.Н. Базылева (1998), определившего ПД как видовую разновидность идеологии, В.З. Демьянкова (2002), давшего основные характеристики ПД, и многих других.

Применительно к политическому языку в научной литературе можно наблюдать несколько противоположных точек зрения. Е.И. Шейгал, например, считает, что в отличие от лексических такие грамматические тенденции, как устранение категории лица при помощи номинализованных конструкций-девербативов и безагентного пассива или инклюзивное использование личных местоимений «мы», «наш», не являются присущими исключительно ПД, т.к. используются и в дру-

гих (в частности спортивно-игровом) дискурсах [6: с. 71]. Швейцарский учёный П. Серио, рассматривая ПД как особую форму реализации языка, считает, что особое использование языка для выражения особой ментальности влечёт за собой особые грамматические и особые правила лексики. [5: с. 346]. По мнению немецкого лингвиста Б. Совинского, функциональный стиль публицистики, соответствующий политическому языку, — это совокупность принятых в определённом национальном коллективе композиционно-речевых форм, правил употребления лексических и грамматических средств в соответствии с поставленной коммуникативной целью — агитации и пропаганды [7: с. 123].

В своей работе мы придерживаемся последнего взгляда на язык политики, исходя из того, что к особенностям языка политики следует отнести его доступность для понимания практически всеми членами языкового сообщества как следствие деспециализации политических терминов. В результате язык политики оказывается лишённым свойства корпоративности, присущего любому языку. Наличие общих когнитивных схем деспециализации обуславливает его понимание всеми членами языкового сообщества [10: с. 211]. Принципиальное отличие политического языка от обыденного состоит не в применении каких-либо особых формальных средств, но в таком изменении соотношения между знаком (словом) и значением, при котором привычные единицы языка наделяются непривычной интерпретацией, а хорошо знакомые ситуации включаются в неожиданные смысловые контексты. Эта специфика, в свою очередь, обусловлена прагматической направленностью ПД, для которой основной является функция убеждения, управления общественным мнением. Поэтому виртуозное владение языком, способность превратить слово в оружие входят в набор необходимых качеств профессионала, что так важно для студента-международника.

Специфика общественно-политической речи как одной из важных форм современной коммуникации представлена целым рядом структурирующих признаков. Согласно исследованию американского исследователя Ч. Морриса, такими признаками являются публичность, группосоотнесённость, множественная адресация и ориентация на достижение консенсуса [4: с. 37–90].

Рассмотрим каждый их них.

Публичность. Является важнейшей особенностью ПД. Политическая публичность есть основополагающий принцип и предпосылка демократии, т.к. «вся политика — это... коммуникация, и только через коммуникацию она может вводить в заблуждение как других, так и себя» [7: с. 32].

Группосоотнесённость. В политическом дискурсе любой отдельный политик также является представителем определённой партии, с которой он разделяет одинаковые установочные и оценочные структуры. При этом, грубо говоря, выделяются позитивно оцениваемая собственная и негативно оцениваемая чужая группы. Члены одной группы обладают одинаковым образом интерпретации и толкования, ими используется похожий язык.

Множественная адресация. Политики в основном адресуют языковое действие многим адресатам, например, членам своей партии, представителям других партий, общественности. При этом результат данного речевого дей-

ствия в каждом случае может отличаться. Множественная адресация — следствие публичности политического дискурса и в соответствии с этим имеет различные режимы действия :

- уровень — прямая коммуникация (между партнёрами по политической коммуникации);
- уровень — непрямая коммуникация (между партнёрами по коммуникации и косвенно участвующей публикой, общественностью).

Ориентация на достижение консенсуса. Важной целью использования языка в политике является коммуникативное взаимопонимание, достижение консенсуса. Однако определённая цель не всегда достигается с помощью обоюдного согласия. Напротив, политические дискурсы очень часто приводят в действие, чтобы создать или сохранять в силе состояние расхождения сторон.

Особенности ПД отражают основную проблему политики — власть и определяются стремлением воздействовать на собеседника. ПД, как и любое общение, есть диалог, но в данном случае это диалог, в котором доминирует один из собеседников. Исходя из своеобразия ПД, описанного в лингвистических исследованиях, можно определить такие наиболее часто упоминаемые в литературе (например, у А.П. Чудинова или В. Совинского) особенности ПД, как:

- а) экспрессивность и образность (апелляция не к разуму, а к эмоциям);
- б) суггестивность и агональность (превалирование коннотативности над денотативностью и аксиологичностью);
- в) дистантность и «виртуальность» (собственно коммуникативный акт и сигнал о его успехе или неудаче могут быть достаточно удалены друг от друга во времени);
- г) ритуализованность и стандартизованность (стереотипизация содержания высказывания требует стандартизации формы).

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что для успешного формирования МКК выпускников вузов, готовящих кадры для сферы международных отношений, необходимо учитывать лингвокультурологические особенности функционирования языковых средств (грамматических, лексических, стилистических) в политическом дискурсе при разработке методической системы обучения в единстве целей, содержания, принципов, методов, средств и технологии обучения.

Библиографический список

Источники

1. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по специальности 350300 «Регионоведение». – Министерство образования РФ, МИД РФ. – М., 2000.

Литература

2. Баранов А. В. Политический дискурс: прощание с ритуалом / А.В. Баранов // Человек. – 1997. – № 6. – С. 108–118.

3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: сб. работ / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
4. Моррис Ч. У. Основы теории знаков. Семиотика / Ч.У. Моррис. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–90.
5. Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций / П. Серю // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 2002. – С. 337–383.
6. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.
7. Юдина Т. В. Теория общественно-политической речи / Т.В. Юдина. – М.: изд-во МГУ, 2001. – 159 с.
8. Dieckmann W. Politische Sprache. Politische Kommunikation / W. Dieckmann. – Heidelberg: Winter, 1981. – 280 s.
9. Ealy S. Communication, Speech and Politics / S.D. Ealy. – Washington: University Press of America, 1981. – 244 p.
10. Klaus G. Sprache der Politik / G. Klaus. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1971. – 294 s.
11. Sowinsky B. Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen / B. Sowinsky. – Weimar: Metzler Verlag, 1999. – 248 s.

References

Istochniki

1. Gosudarstvenny'j obrazovatelny'j standart vy'sshego professional'nogo obrazovaniya po specialnosti 350300 «Regionovedenie». – Ministerstvo obrazovaniya RF, MID RF. – М., 2000.

Literatura

2. Baranov A. V. Politicheskij diskurs: proshhanie s ritualom / A.V. Baranov // Chelovek. – 1997. – № 6. – С. 108–118.
3. Дейк Т. А. ван. Язы'к. Poznaniye. Kommunikaciya: sb. rabot / Т.А. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
4. Morris Ch. U. Osnovy' teorii znakov. Semiotika / Ch.U. Morris. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–90.
5. Serio P. Russkij yazy'k i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominacij / P. Serio // Kvadratura smy'sla: Francuzskaya shkola analiza diskursa. – М.: Прогресс, 1999. – С. 337–383.
6. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa / E.I. Shejgal. – М.: Gnozis, 2004. – 328 s.
7. Yudina T. V. Teoriya obshhestvenno-politicheskoy rechi / T.V. Yudina – М.: izd-vo MGU, 2001. – 159 s.
8. Dieckmann W. Politische Sprache. Politische Kommunikation / W. Dieckmann. – Heidelberg: Winter, 1981. – 280 s.
9. Ealy S. Communication, Speech and Politics / S.D. Ealy. – Washington: University Press of America, 1981. – 244 p.
10. Klaus G. Sprache der Politik / G. Klaus. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1971. – 294 s.
11. Sowinsky B. Stilistik. Stiltheorien und Stilanalysen / B. Sowinsky. – Weimar: Metzler Verlag, 1999. – 248 s.

Е.И. Черкашина

Преподаватель иностранного языка в неязыковом вузе: особенности профессионального становления

В статье рассматриваются проблемы подготовки преподавателя иностранного языка для неязыковых вузов, необходимость учета специфики профессионального профиля подготовки студентов. Личностно ориентированное обучение в этом ракурсе позволяет сбалансировать две дидактические стратегии: овладение компетенцией и развитие языковой способности.

The article points out the problems of a foreign language teaching training, a necessity to take into account the specificity of the students' professional profile training. The personality oriented teaching from this perspective allows balancing two didactic strategies: competence mastery and a language capability.

Ключевые слова: компетенция; языковая личность; языковая способность; языковая типология личности.

Key words: a competence; a language personality; a language capability; a personality linguistic typology.

На сегодняшний день проблема формирования профессионально значимых компетенций студентов неязыковых вузов широко представлена в научных исследованиях М.Г. Евдокимовой, В.Ф. Тенищевой, А.К. Крупченко. Однако вне сферы внимания оказывается преподаватель вуза нелингвистического профиля, который призван формировать эти компетенции. Обучение и подготовка преподавателей иностранного языка (ИЯ) неязыкового вуза не отличается, как правило, от подготовки специалистов языкового вуза. Такой обобщённый, «уравнительный» подход к лингводидактическому образованию приводит к тому, что преподаватель ИЯ оказывается бессилён перед многообразием трудностей, с которыми сопряжен процесс специализированной языковой подготовки.

На основную проблему — цель изучения ИЯ — указывала И.И. Халеева, отмечая «две принципиально различные стороны: обучение иностранному языку профессионалов-лингвистов (преподавателей, переводчиков и филологов) и преподавание иностранного языка широкому кругу нелингвистов, которые не ставят перед собой задачи овладеть иностранным языком профессионально, а нуждаются в нем для удовлетворения каких-либо частных потребностей» [5: с. 4]. Преподавание иностранного языка студентам неязыковых вузов

ставит много проблем перед преподавателями, осуществляющими подготовку специалистов самого широкого профиля. Мы согласны с мнением А.К. Крупченко в том, что преподаватель неязыкового вуза прежде всего должен:

- четко представлять потребности, характеризующие профессиональную сферу обучающихся;
- выявлять задачи, которые необходимо достичь по окончании курса;
- формулировать и формировать конечные навыки не только лингвистического, но и профессионального характера;
- разрабатывать средства контроля, которые могут отличаться от контроля общего ИЯ, проверяющего знания грамматики и лексики, благодаря тому, что включают проблемно-коммуникативные задания профессионального характера по тематике конкретной специальности [1: с. 238].

Соглашаясь со сказанным, нельзя не отметить, что даже этот объёмный и комплексный круг обязанностей преподавателя неязыкового вуза не способен отразить всего многообразия проблем, с которыми он непременно сталкивается в ходе своей профессиональной деятельности. Одна из наиболее важных из них — необходимость учета специфики профессионального профиля подготовки студентов.

Эта проблема наводит на мысль об объективных (и физиологически, психологически аргументированных) различиях, существующих между разными типами студентов-нефилологов, и, как следствие, о языковых и коммуникативных способностях каждого из этих типов. Именно эти способности, как мы предполагаем, могут определить лингводидактические и методические приоритеты в ходе разработки и внедрения процесса обучения иностранным языкам в неязыковом вузе.

Еще И.П. Павлов высказал идею о «художественном» и «мыслительном» типах людей. По его мнению, «одни — художники во всех их проявлениях — захватывают действительность целиком, сплошь, сполна, живую действительность, без всякого дробления, разъединения. Другие — мыслители — именно дробят ее и тем как бы умерщвляют ее, делая из нее какой-то временный скелет, и затем только постепенно как бы снова собирают ее части и стараются их таким образом оживить, что вполне им все-таки не удается» [3: с. 213]. Он считает, что основанием для этого выступают следующие физиологические различия. У представителей художественного типа деятельность больших полушарий, протекая во всей их массе, затрагивает меньше всего лобные их доли и сосредотачивается главным образом в остальных отделах. У представителей мыслительного типа, наоборот, деятельность протекает преимущественно в лобных долях. В случае художественного типа «мозг, большие полушария, принимают зрительные раздражения совершенно так же, как принимает колебания интенсивности света фотографическая пластинка, как это делает фонографическая пластинка со звуками. Это и есть существеннейшая характеристика художества всякого рода. Такое цельное воспроизведение действительности вообще мыслителю совершенно недоступно» [3: с. 213].

В дальнейшем значение такого рода различий между людьми получило подтверждение и объяснение в новых научных данных о различии функций левого и правого полушарий головного мозга, о возможном доминировании одного из полушарий в трудах Н.С. Лейтеса.

С асимметричным устройством и функционированием коры головного мозга — его левого и правого полушарий — напрямую связан один из важнейших параметров типологии языковой способности и языковых личностей, фиксирующий разную степень активности левого и правого полушарий. Доказано, что память, от которой зависит употребление готовых единиц, связана с функциями правого полушария, тогда как левое полушарие «отвечает» за анализ и синтез, за конструирование языковых единиц. Правое хранит единицы, левое — правила, правое — механизмы актуализации, левое — деривации. Правое — в большей мере детерминирует номинативную деятельность, левое — синтагматическую. По Л.В. Сахарному, левое — жесткая грамматика, связанная с алгоритмическими требованиями к текстопорождению и текстопониманию, правая — мягкая, связанная с вариативностью формы выражения и семантизации, левое — логика и понятия, правое — ассоциативное мышление и образы [4].

Противопоставление левополушарной и правополушарной грамматик, осуществленное Л.В. Сахарным, предполагает два типа грамматики: «тонкую» (центробежную) и «грубую» (центростремительную). В сущности, речь идет о двух «участках» грамматической системы, управляющих разными уровнями и планами организации текста. Эти участки локализованы в двух полушариях головного мозга: левом и правом — и могут предполагать разную активность и разное качество их использования различными психоязыковыми типами носителей языка и соответственно изыскивать проявления этих различий в текстах, порождаемых ими.

Нет необходимости противопоставлять «полушария» в аксиологическом плане. Они разные по качеству и «нуждаются» друг в друге. Скажем, интуиция или эвристика существуют как в логическом, так и в образно-ассоциативном вариантах, у каждого свои преимущества и ограничения. Будучи разными, лево- и правополушарные качества языковой способности, равно как и носители с разной степенью активности «левого» и «правого» ее компонентов, предполагают разные варианты методики развивающего воздействия на них [2: с. 18].

Из сказанного следует очевидный вывод — нельзя не учитывать эту физиологическую особенность, обучая будущих физиков, математиков, которые являются яркими представителями мыслительного типа. Приведем некоторые типичные ошибки преподавателя в данном случае. Например, при работе над грамматическим материалом на первом этапе введение материала проводится в лекционной форме. Преподаватель излагает материал так, как учили его в свое время, забывая о том, что у него, студента-педагога, была другая цель — научиться приводить развернутые, теоретически обоснованные пояснения, сходства и различия в употреблении структур в одном из изучаемых языков и т.д.

Цель студента-нефилолога — выработать умение употреблять данные грамматические явления в ситуациях реального общения. Здесь предпочти-

тельной вводить материал в виде таблиц, схем, где грамматическое явление представлено в виде элементов, что соответствует их типу мышления и способности разлагать весь окружающий мир на элементы.

Также вряд ли целесообразно идти от частного к целому, представляя то или иное грамматическое явление. На наш взгляд, было бы разумнее идти от целого к частному: например, дать всю систему видовременных форм или хотя бы форм настоящего времени и, сравнивая их, отрабатывать проблемные структуры. Обучение иностранным языкам студентов неязыкового вуза всегда отличалось определенной методической спецификой, связанной, с одной стороны, со сложностью задач, стоящих перед студентами, — усвоить нормы функционирования ИЯ и различных видов иноязычной речевой деятельности, а с другой — научиться ими пользоваться в ситуациях профессионального общения.

Очевидно, что лингводидактика должна учитывать особенности языковой личности, а скорее всего включить лингвоперсонологию как направление личностно ориентированного обучения. Одна из важных проблем, связанных с осуществлением личностно ориентированного языкового обучения в школе и вузе, — типология языковых личностей как носителей языковой способности.

Типология личности традиционно объект рассмотрения психологии. Типология языковой личности — актуальное направление современной антропологической лингвистики. Психологические типологии базируются на анализе врожденных и приобретенных характеристик, проявляющихся в способах социальной актуализации личности. Языковые типологии акцентируют внимание на способах взаимодействия личности с языковыми ресурсами.

В основе языковой типологии личности обычно лежат следующие разноразмерные критерии:

- количественный и качественный характер используемых языковых средств;
- умение воспроизводить, обрабатывать, моделировать языковые продукты;
- коммуникативная гибкость (скорость «переключения» с одного коммуникативного объекта на другой);
- приоритетный способ вербализации информации (либо устный, либо письменный).

В сфере образования индивидуальные особенности личности, типологическая принадлежность обучающегося субъекта значительно влияет на способ и качество, а также на результат самого процесса обучения. Выделяют четыре основных типа индивидуального стиля обучения: 1) функциональный, 2) личностный, 3) авторитарный, 4) проектный [2: с. 121].

Функциональный стиль обучения предполагает получение знаний через овладение определенными алгоритмами профессиональной деятельности. Такого типа обучение типично для технических вузов, университетов, дающих человеку строгое представление о правилах, способах, инструментах и этических принципах, реализуемых в данной сфере профессиональной деятельности.

Индивид, предпочитающий личностный стиль обучения, овладевает знаниями и умениями через уподобление личности значимого профессионала, через копирование способов работы учителя. Такой способ обучения часто культивируется в творческих профессиях, в которых важно передать не столько алгоритм работы, сколько определенное мировоззрение, совокупность существенных оснований, детерминирующих эффективную профессиональную деятельность.

При авторитарном стиле обучения получение знаний осуществляется за счет идентификации обучающегося с той ролью, которую ему необходимо выполнять. Обучающийся в этом случае озабочен не столько тем, что ему необходимо знать и уметь, сколько тем, каким стать, что в себе изменить, чтобы быть успешным на своем рабочем месте. Процесс обучения осуществляется через строгое определение своей профессиональной позиции в терминах своего места в иерархической структуре, полномочий и ответственности, типов взаимосвязи, форм отчетности. Такой стиль обучения может быть весьма успешным при обучении тем профессиям, которые требуют от исполнителя полного подчинения распоряжениям, четкого выполнения предписаний вплоть до отказа от индивидуальных интересов.

Слушатели, предпочитающие проектный стиль обучения, отличаются инициативностью по отношению к учебной ситуации в целом. Это относится и к содержанию учебного материала, и к процессу обучения. Для этой категории слушателей обучение — это процесс, который никогда не прекращается и лучше всего реализуется в реальной деятельности. Они готовы включаться в различные проекты, участвовать в деятельности при самых разных позициях. Лекционное занятие они склонны превратить в дискуссию, а деловую игру — насытить множеством существенных нюансов. Им необходимо максимально широко и глубоко познать сложную и многообразную деятельность, к которой они себя готовят и которая, по их мнению, не может быть однозначно определена в виде инструкций. Кроме того, для слушателей с проектным стилем обучения характерна потребность в личностном выборе профессиональных позиций и ролей, а также направлений, которые они считают приоритетными и важными с точки зрения собственного развития. Ориентация на проектный стиль обучения может быть особенно эффективной при подготовке менеджеров высшего звена управления, консультантов и, конечно, преподавателей.

Для более точного учета специфики аудитории преподаватель должен уметь работать в нескольких ролях, исполняя различные функции, и учитывать особенности взрослой аудитории, прошлый опыт слушателей, жизненный и профессиональный, их мотивацию и индивидуально-психологические особенности. Студентам технических специальностей присущ функциональный стиль обучения, а также в случае высокой мотивации и выраженной креативности — проектный стиль обучения.

Студенты технического вуза — преимущественно представители инженерных специальностей. В круг их компетенции входят точные науки, требующие аналитических способностей и навыков, и необходимые навыки виде-

ния практического потенциала объекта (как физического, так и виртуального). Таким образом, у студентов технических специальностей вуза преобладают аналитические и практические способности. Творческие и координационные способности профессионально ориентированы и лежат вне сферы филологии. Коммуникативные способности преимущественно рассматриваются как вторичные, не заслуживающие внимания.

Языковыми ресурсами (в сфере профессиональной реализации) студент технического вуза пользуется для осуществления следующей профессиональной миссии: проанализировать объекты окружающего мира по ряду выработанных параметров, установить взаимосвязи и взаимозависимости между ними, оценить их практическую значимость для человеческого сообщества в настоящем или будущем и указать на возможные пути совершенствования этих объектов (в отличие, например, от артистов, профессиональная миссия которых включает в себя накопление, обработку и передачу человеческих эмоций, состояний и т.п.). Портрет языковой личности, таким образом, включает в себя следующие характеристики:

- краткость в изложении проблемы, описании объекта (объясняется практической нецелесообразностью использования большого объема ресурсов при возможности передать идею более экономными средствами);
- установка на передачу «идеи», основного смысла, а не деталей, впечатлений, эмоций, возникших ассоциаций и т.п.;
- последовательность изложения, при этом важна не столько внешняя речевая последовательность (порядок слов, композиция), сколько последовательность, касающаяся значимости передаваемой информации;
- в современных условиях предпочитают работать с информацией на электронных носителях, а не в рукописных вариантах.

Такая типология позволит разработать вариант методики, ориентированный на развитие качественной стороны языковой способности этой личности, которая проявляется далее на всем продолжении ее развития. Постановка задачи языкового обучения как диалектического сочетания развития внутренней (природной) языковой способности и внешних целей языкового образования возникла давно, но впервые достаточно определенно сформулирована она была В. фон Гумбольдтом. Язык необходимо ставит отдельную личность перед выбором из бесконечного разнообразия предлагаемых им средств и способов для выражения весьма разнообразных коммуникативных намерений. Каждая личность, так или иначе, этот выбор осуществляет, и в первую очередь делает это в соответствии со своими внутренними личностными потребностями и способностями.

Языковые средства, позволяющие каждому человеку, изучающему язык, сформировать определенные стратегии овладения и пользования языком, являются той лингвистической базой, на которую опирается лингводидактика.

В лингводидактическом плане очерченная проблематика входит в тему, обозначенную термином «лично ориентированное обучение» (ЛОО).

Мы полагаем возможным стремление сбалансировать две дидактические стратегии: овладение компетенцией и развитие языковой способности. Оче-

видно, что с пониманием ЛОО как принципа языкового обучения и как развития языковой способности (и языковой личности как ее носителя) некоторым образом меняются сами представления о цели языковой подготовки.

Библиографический список

Литература

1. *Крупченко А. К.* Введение в профессиональную лингводидактику / А.К. Крупченко. – М.: МФТИ, 2005. – 311 с.
2. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно ориентированное обучение: монография / Под ред. Н.Д. Голева, Н.В. Сайковой, Э.П. Хомич. – Барнаул; Кемерово: БГПУ, 2006. – 435 с.
3. *Павлов И. П.* ПСС: в 6-ти тт. / И.П. Павлов. – Т. 3, кн. 2. – М.; Л.: изд-во АН СССР, 1951. – 438 с.
4. *Сахарный Л. В.* Человек и текст: две грамматики / Л.В. Сахарный // Человек – Текст – Культура / Под ред. Н.А. Купиной, Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: изд-во УРГУ, 1994. – С.7 – 59.
5. *Халеева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчиков): монография / И.И. Халеева. – М.: Высшая школа, 1989. – 238 с.

References

Literatura

1. *Krupchenko A. K.* Vvedenie v professionalnuyu lingvodidaktiku / A.K. Krupchenko. – M.: MFTI, 2005. – 311 s.
2. Lingvopersonalogiya: tipy' yazy'kovy'x lichnostej i lichnostno orientirovanное obuchenie: monografiya / Pod. red. N.D. Goleva, N.V. Saikovoj, E.P. Xomich. – Barnaul; Kemerovo: BGPU, 2006. – 435 s.
3. *Pavlov I. P.* PSS: v 6-ti tt. / I.P. Pavlov. – T. 3, kn. 2. – M.; L.; izd-vo AN SSSR, 1951. – 438 s.
4. *Sacharny'j L. V.* Chelovek i tekst: dve grammatiki // Chelovek – Tekst – Kultura / Pod red. N.A. Kupinoj, T.V. Matveevoj / L.V. Sacharny'j. – Ekaterinburg, 1994. – S. 7–59.
5. *Xaleeva I. I.* Osnovy' teorii obucheniya ponimaniyu inoyazy'chnoj rechi (podgotovka perevodchikov): monografiya / I.I. Xaleeva. – M.: Vy'sshaya shkola, 1989. – 238 s.

А.А. Фетисова

Использование синквейна при работе над лексическим аспектом языка

В статье раскрывается возможность использования приема составления синквейнов для формирования иноязычных лексических навыков и развития творческого потенциала студентов.

The article deals with the possibilities of implementing cinquains as a way to reinforce vocabulary and develop student creativity.

Ключевые слова: лексические навыки; творческий потенциал; синквейн; библиотерапия.

Key words: vocabulary skills; creativity; cinquains; bibliotherapy.

В настоящее время умение эффективно работать с информационными потоками и управлять ими становится более востребованным, чем традиционно считавшиеся ключевыми способности хранения и воспроизведения информации. Стремление обеспечить комфортное пребывание в быстроменяющемся информационном пространстве заставляет педагогов достигать высокого уровня развития умственных способностей студентов, часто нивелируя значимость формирования других наклонностей и задатков.

При современном уровне научно-технического прогресса с задачей сбора, анализа и синтеза всевозможных показателей и данных вполне может справиться специальный робот-аппарат. Как отмечал американский психолог А. Маслоу, образование не может быть не чем иным, как помощью каждому полностью раскрыть в себе человеческие качества. Действительно, найти нестандартное решение проблемы, неординарный подход, позволяющий по-новому взглянуть на имеющиеся факты, под силу лишь личности, обладающей творческим потенциалом. Таким образом, задачей преподавателя, на наш взгляд, должно стать создание условий для максимальной самореализации студентов, развития не только их интеллектуальных, но и творческих способностей. Однако с сожалением приходится констатировать, что традиционно используемый арсенал методических приемов в новых условиях оказывается нерезультативным. Одним из возможных путей решения означенной проблемы может стать «заимствование» эффективных приемов работы с материалом из других областей знания и их адаптация с учетом специфики методики преподавания иностранных языков.

В данной статье мы хотели бы рассмотреть такой прием технологии развития критического мышления, как составление синквейнов применительно к работе

над лексической стороной изучаемого языка. Нам представляется, что применение данного приема при традиционной модели обучения позволит, с одной стороны, сохранить содержательный и практический характер занятий, а с другой, — сделать их более увлекательными и эмоционально насыщенными, что, несомненно, будет способствовать раскрытию творческого потенциала студентов.

Название приема происходит от французского слова «cinq», которое обозначает «пять». Синквейн представляет собой краткое пятистрочное стихотворение, которое пишется по определенным правилам. В первой строке располагается тема стихотворения, выраженная одним словом, обычно именем существительным. Во второй — описание темы в двух словах, как правило, именами прилагательными. В третьей строке содержится описание действия в рамках этой темы тремя словами, глаголами. В четвертой располагается фраза из четырех слов, выражающая отношение автора к данной теме. В пятой строке — одно слово, синоним к слову в первой строке, повторяющее суть темы на эмоционально-образном или философско-обобщенном уровне [1: с. 105].

Family

Friendly and big

Love, help and work together

There's no place like home

Home

Vacation

Wonderful and unforgettable

Travel, explore and marvel

We look forward to it

Rest

Вполне очевидно, что данную стихотворную форму отличают достаточно строгие правила составления, поскольку синквейн закрепляет за каждой строкой не только количество слов, но и части речи, которыми может воспользоваться автор. Однако это не означает, что данный прием можно использовать только с обучающимися, у которых есть ярко выраженные способности к стихосложению. Практика преподавания доказывает, что овладеть технологией составления синквейнов достаточно просто, поэтому этот прием работы с материалом можно применять уже на начальных этапах обучения.

В ходе работы по развитию критического мышления прием составления синквейнов традиционно применяют на заключительном этапе работы с материалом (на стадии рефлексии), где он используется как мощный инструмент для резюмирования информации, ее анализа и синтеза и для оценки понятийного «багажа» знаний студентов [2; 3]. В методике преподавания иностранного языка мы считаем возможным рассматривать синквейн в качестве самостоятельного продукта, что позволяет преподавателю самому определять этап урока, на котором наиболее целесообразно его задействовать.

Очень часто освоение новой лексики ассоциируется с весьма продолжительным и утомительным процессом заучивания, а иногда и вовсе бездумного зазубривания бесконечных списков слов. Безусловно, в подобных случаях вести речь о раскрытии творческого потенциала обучающихся не приходится. Использование синквейнов для работы с обязательным для усвоения лексическим материалом позволяет придать работе большую эмоциональность и образность, обеспечить его произвольное запоминание, активизировать познавательные процессы обучающихся, стимулировать развитие их творческого потенциала и, наконец,

превратить «безликие» лексические и речевые единицы в личностно значимые. Как отмечает Г.А. Китайгородская, «наиболее благоприятные условия для достижения не только позитивных воспитательных, но и познавательных результатов открываются тогда, когда требования учебной задачи представляются обучаемому привлекательными, интересными, удовлетворяющими его определенную потребность. Именно в этом случае происходит преобразование значения (в данном случае — иноязычного) в личностный смысл и формирование на этой основе новых оценок, установок и новой мотивации» [4: с. 39]. Мы предлагаем разделить работу над иноязычным лексическим материалом с использованием приема составления синквейнов на несколько этапов.

На первом этапе преподаватель демонстрирует несколько готовых вариантов синквейнов, отражающих проблему или тему занятия. (В целях соблюдения принципа коммуникативности рекомендуется, чтобы заявленная для обсуждения на занятии тема была еще и проблемной.) В организованных малых группах в процессе исследовательской деятельности обучающиеся обсуждают высказанные автором идеи, причины возникновения подобных ассоциаций, обосновывают авторский выбор языковых средств для передачи его отношения к проблеме, анализируют их стилистический потенциал и целесообразность использования.

Возможен также вариант предоставления обучающимся неполного синквейна без указания первой строки с целью определения названия темы данного поэтического произведения и урока в целом. Поскольку в синквейне важна не только внутренняя содержательная ценность, но и внешняя структура, на данном этапе работу необходимо проводить на основе зрительного восприятия. После того как обучающиеся высказали свои предположения, преподаватель обращает внимание студентов на особенности структуры и строгие правила составления данной формы стихотворных произведений.

На втором этапе обучающимся предлагается самим поразмышлять над предложенной проблемой в форме стихосложения. Под руководством преподавателя составляются синквейны. Рекомендуется предоставить студентам построчные напоминания-правила составления. На данном этапе синквейн, используемый для фиксации эмоциональных оценок, описания текущих впечатлений и ассоциаций к рассматриваемому вопросу, оказывается средством творческого самовыражения. Выразить чувства и мысли в письменной форме гораздо сложнее, поскольку письменная речь лишена той характерной для устного слова выразительности и не может сопровождаться такими невербальными средствами, как жесты, мимика и др., помогающими лучше раскрыть смысл высказывания.

В процессе передачи индивидуально-личностного отношения к проблеме обучающиеся анализируют и четко формулируют свои мысли, производят поиск и отбор эмоционально-образных средств, обобщают и выделяют главные понятия. По сути, синквейн выступает упражнением, которое, с одной стороны, является формой свободного творчества, а с другой — активизирует лексический запас обучающихся. Полученные синквейны — прекрасный материал для анализа богатства (или бедности) индивидуального словарного объема студен-

тов. Они позволяют скорректировать дальнейшую работу по его обогащению. Можно предложить задание, в котором требуется составить синквейн, используя конкретные лексические единицы. При создании поэтических произведений студентами запоминание лексических единиц происходит непроизвольно. Как только индивидуальные синквейны будут готовы, можно переходить к следующему этапу работы.

На третьем этапе обучающимся предлагается парная работа по созданию единого синквейна из имеющихся индивидуальных. Такое задание позволяет студентам взглянуть на обсуждаемую проблему под другим углом, соблюдая установку преподавателя на проявление толерантного отношения к мнению партнера, и в процессе дискуссии прийти к варианту, наиболее полно отражающему взгляды составителей. Студентам, успешно освоившим принципы построения синквейна, можно предложить составление *диаманта* (двойного синквейна — стихотворения, состоящего из семи строк, в каждой из которых заранее определены количество слов и возможные части речи) или в построении синквейна «снизу вверх», способствующего выходу за рамки репродукции. Желающие могут представить свои произведения для всеобщего группового обсуждения, после чего преподаватель переходит к работе с обязательным для усвоения лексическим материалом, используя тщательно продуманные способы и приемы для тренировки в его применении.

Затем преподаватель может провести своеобразный диагностический тест с целью проверки степени усвоения нового материала и глубины суждений обучающихся по рассматриваемой проблеме. Весьма интересным представляется сопоставление синквейнов, выполненных на первом занятии в рамках учебной темы, и последним. На этом же этапе синквейн может выступить как прием для формирования умений монологической речи, если предложить студентам задание составить краткий рассказ по готовому синквейну, используя речевые и лексические единицы, входящие в его состав.

Однако следует помнить, что синквейн — это не способ проверки знаний студента, его задача более универсальна. Прежде всего он способен актуализировать имеющиеся знания (в нашем случае лексические и речевые единицы) по изучаемой теме, обеспечить их непроизвольное запоминание, скорректировать представления обучающихся о рассматриваемых понятиях, стимулировать потребность расширения имеющегося словарного запаса. В ходе изучения темы синквейн может выполнять роль быстрого способа смены вида деятельности, не выходя за рамки изучения темы, а на завершающем этапе урока по тематическому блоку синквейн выступает наглядным показателем того, насколько учителю удалось достичь прогнозируемого результата.

Можно утверждать, что составление синквейнов представляет опыт практической реализации личностно-деятельностного подхода в обучении. Обучающийся сам конструирует деятельность, исходя из конкретных учебных целей, сам отслеживает направление ее развития, определяет конечный результат. Работа с синквейнами заставляет по-новому взглянуть на роль и значимость слова в речи, на его огромные возможности для раскрытия мыслей,

идей и эмоций, демонстрации собственного отношения к событиям и явлениям. Особую актуальность данное обстоятельство приобретает на начальном этапе обучения, когда студенты вынуждены удовлетворять потребности общения посредством весьма ограниченного набора лексических и речевых единиц. Творческая деятельность при создании собственного стихотворного произведения позволяет каждому студенту независимо от способностей и уровня подготовки оказаться в ситуации успеха. Кроме того, составление синквейнов способствует улучшению эмоционального состояния обучающихся, повышению мотивации и созданию творческой атмосферы на занятиях.

Мы считаем синквейны прекрасным средством воспитания языкового чутья, любви и интереса к языку, подготовки обучающихся к последующему восприятию сложных поэтических форм и средств художественной выразительности.

Библиографический список

Литература

1. Баннов А. М. Учимся думать вместе. Материалы для тренинга учителей / А.М. Баннов. – М.: ИНТУИТ.РУ, 2007. – 136 с.
2. Загашев И. О. Учим детей мыслить критически / И.О. Загашев, С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская. – СПб.: Альянс-Дельта, 2003. – 192 с.
3. Заир-Бек С. И. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителя / С.И. Заир-Бек, И.В. Муштавинская – М.: Просвещение, 2004. – 173 с.
4. Китайгородская Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика / Г.А. Китайгородская. – М.: Высшая школа, 2009. – 277 с.: ил.

References

Literatura

1. Bannov A. M. Uchimsya dumat' vmeste. Materialy' dlya treninga uchitelej / A.M. Bannov – M.: INTUIT.RU, 2007. – 136 s.: il.
2. Zagashev I. O. Uchim detej my'slit' kriticheski / I.O. Zagashev, S.I. Zair-Bek, I.V. Mushtavinskaya. – SPb.: Al'yans-Delta, 2003. – 192 s.
3. Zair-Bek S. I. Razvitie kriticheskogo my'shleniya na uroke: posobie dlya uchitelya / S.I. Zair-Bek, I.V. Mushtavinskaya. – M.: Prosveshhenie, 2004. – 173 s.
4. Kitajgorodskaya G. A. Intensivnoe obuchenie inostranny'm yazy'kam. Teoriya i praktika / G.A. Kitajgorodskaya. – M.: Vy'sshaya shkola, 2009. – 277 s.: il.

А.М. Ионова

Особенности обучения дискуссионному общению студентов-международников

Дискуссионное общение характеризуется взаимозависимостью коммуникативного поведения говорящего и слушающего. В статье рассматриваются особенности речевого поведения участников дискуссии, подчеркивается необходимость учета данных особенностей при обучении дискуссионному общению студентов-международников.

This article is devoted to features. Discussive communication is notable for interaction of a listener's and a speaker's communicative behaviour. The article focuses on features of communicative behaviour of discussion participants, as well as highlights the necessity to consider the given Features while teaching discussive communication to international affairs students.

Ключевые слова: обучение; дискуссионное общение; студенты-международники.

Key words: teaching; discussive communication; international affairs students.

В процессе социализации человек приобретает *языковую, коммуникативную и прагматическую компетенции*: «увеличивает свой словарь, упорядочивает нормы словоупотребления и грамматики, овладевает культурой речи и правилами стилистического выбора для построения высказывания и текста» [8: с. 153]. Специалисты утверждают: способным к общению человек считается тогда, когда его умения аудирования, говорения, чтения и письма доведены до автоматизма и его внимание полностью сконцентрировано на том, *что и как* он хочет сказать или написать, *о чем* идет речь в тексте, который он слышит или читает.

Таким образом, к умениям и навыкам, характеризующим развитую языковую личность, относятся не только владение системой языка, его грамматическими и лексическими нормами, владение системой речи на текстовом и стилистическом уровне, владение социальными нормами употребления речевых произведений на уровне сферы общения, темы, стиля, жанра, речевого акта, но и владение социальными и психологическими ролями партнерства в общении [8: с. 153].

Цель обучения иностранным языкам — создание вторичной языковой личности как медиатора культур (по Г.В. Елизаровой), т.е. личности, способной к иноязычному общению на межкультурном уровне в различных коммуникативных ситуациях официального и неофициального общения. Если говорить о подготовке специалистов в области международных отношений, то очевидно, что умение общаться в различных ситуациях становится для них ключевым. Это находит свое отражение в квалификационных характеристиках выпускника по спе-

циальности «Международные отношения», где среди прочих умений отмечается владение культурой публичного выступления, способность правильно и логично оформить свои мысли в устной и письменной форме, а также участие в дискуссиях по профессиональным проблемам. Последнее предполагает, что квалифицированный специалист умеет не только формулировать проблему, комментировать ее, аргументировать свои высказывания, обобщать и делать выводы, но и слушать и слышать собеседника [2: с. 98].

«Умение слушать — одно из основных умений в речевой коммуникации; оно является одним из критериев коммуникабельности человека» [4: с. 95. — *Курсив автора*]. Именно умение слушать и слышать является, на наш взгляд, одним из важнейших, необходимых для успешного осуществления дискуссионного общения. Не слыша доводов собеседника, нельзя адекватно отреагировать на них и, следовательно, подобрать собственные аргументы, которые могли бы помочь достичь цели общения. Настоящая коммуникация возможна лишь тогда, когда сообщение, отправляемое говорящим, интерпретируется слушающим именно в том смысле, какой заложил в него говорящий, и на последнего, в свою очередь, направлена соответствующая реакция слушающего. «Под эффективной коммуникацией понимается достижение адекватного смыслового восприятия и адекватной интерпретации передаваемого сообщения. Правильная интерпретация считается состоявшейся, если адресат понимает основную идею текста в соответствии с замыслом адресанта» [4: с. 73].

В межличностном общении эффективность коммуникации зависит от того, насколько хорошо собеседники поняли друг друга, как каждый отреагировал на слова и поведение оппонента, какими действиями подтвердил адекватность восприятия информации в обратной связи.

В последнее время, однако, представители МИДа и посольств России за рубежом (в частности Германии) высказывают претензии в адрес выпускников-международников. Работодатели обращают внимание на то, что молодые специалисты часто испытывают трудности в восприятии иностранной речи на слух, не могут четко и грамотно передать содержание услышанного даже на родном языке, не могут аргументированно ответить на вопрос собеседника. Это свидетельствует о недостаточной подготовке студентов-международников к реальному деловому общению, в том числе и в рамках профессиональной дискуссии.

Известно, что даже при общении на родном языке адресат воспринимает немногим больше половины той информации, которую отправляет ему адресант. Это связано «с общим умением говорящего перекодировать свои мысли в слова и предложения, с его словарным запасом, с умением слушающего слушать, слышать и концентрироваться на этом процессе, его умением перевести совокупность слов-символов, передаваемых адресантом, в мысли» [6: с. 74–75]. Особые трудности, влекущие за собой потерю части информации, возникают в связи с неполным совпадением совокупностей слов-символов, которыми владеют говорящий и слушающий, даже если они представители одной культуры. Очевидно, что если они оба оказываются носителями различных языков, а значит и культур, то количество информационных потерь возрастает. Соответственно, одна из за-

дач обучения успешному дискуссионному общению на иностранном языке — снижение количества потерь при передаче информации.

Это достижимо, если включать в обучение работу над всеми компонентами диалогического общения: аудированием (восприятием речи, пониманием услышанного), подготовкой высказывания (выбором адекватных лексических и грамматических средств), реализацией высказывания (звуковым оформлением высказывания), реализацией обратной связи. При этом необходимо помнить, что дискуссионное общение как разновидность полилогического общения представляет собой «процесс взаимного общения, когда смена реплик отражает постоянную смену инициативы, ролей: говорящий становится слушающим, а слушающий — говорящим» [4: с. 73]. И.В. Попова в своем исследовании отмечает: «В ходе ведения диалога партнеры сталкиваются одновременно со специфической особенностью как говорения, так и понимания со слуха, т.е. в процессе общения участник должен постоянно переключаться с одного вида речевой деятельности на другой. Следовательно, каждый из партнёров должен в одинаковой мере владеть умениями понимать речь со слуха и говорить» [3: с. 19].

Речевое поведение вообще, и общение в рамках политической дискуссии в частности, основано на феномене сотрудничества людей, вступающих в речевое общение с целью достичь взаимопонимания. Соответственно, можно говорить о таком коммуникативно-стилистическом варианте речевого поведения, как «поиск общего языка». «Найти общий язык — значит преуспеть в совершении такого языкового отбора для высказывания, который свидетельствует о способности говорящего актуализировать навыки, равные (или сходные) с навыками слушающего, в соответствии с ожиданием последнего» [5: с. 60–61].

В процессе обучения дискуссионному общению необходимо знакомить студентов с особенностями речевого поведения носителей языка в рамках дискуссий. Это можно сделать просматривая и анализируя видеозаписи различных дискуссий, знакомя обучающихся как с текстами самих дискуссий, так и с правилами ведения дискуссий, сформулированными носителями языка, и сопоставляя их с теми, которые приняты в дискуссиях на родном языке.

Известно, что речевое поведение людей определяют социально-психологические показатели: «так как язык есть культурно-историческое явление и его назначение состоит в том, чтобы служить целям социальной коммуникации, а используют его по назначению люди, то процесс использования языка в целях общения есть процесс психологически детерминированный» [5: с. 6]. Следовательно, как говорящему, так и слушающему помимо чисто лингвистических навыков необходимы знания смежных дисциплин: психологии, лингвокультурологии. Это поможет понять, *зачем, почему, когда и как именно* употреблено то или иное слово или понятие тем или иным говорящим. Ведь успешности общения в условиях, когда его участники — представители различных культур, способствует знание ими не только языка собеседников, но и их культурных особенностей, традиций и обычаев. Следовательно, необходимо, на наш взгляд, познакомить будущих международных партнеров с существующими правилами, типичными для общения внутри определенного этноса.

Свободное владение речью, в том числе и на иностранном языке, умение грамотно переключаться по стилям и жанрам входит в профессиональную компетенцию международного специалиста. Требования к профессиональной речи не всегда, к сожалению, выполняются на практике. Однако в наших силах помочь обучающимся не только овладеть лексическими и грамматическими структурами изучаемого иностранного языка, но и включить в свой арсенал умения *слышать* собеседника, *понимать* его.

Из вышесказанного очевидно: при обучении дискуссионному общению необходимо не только сочетать обучение говорению и аудированию, но и воспринимать эти умения как комплексные, а также учить будущих специалистов-международников учитывать при этом психологические и культурологические особенности собеседников и строить свое речевое поведение в соответствии с ними.

Библиографический список

Источники

1. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (утв. Минобрнауки РФ 30.06.2003 г.). URL: <http://inpravo.ru/data/base563/text563v514i721.htm>.
2. Милорадов С. А. Обучение дискуссионному общению на иностранном языке: дис. ... канд. пед. наук / С.А. Милорадов. – М., 1999. – 144 с.
3. Попова И. В. Технология обучения диалогу-обсуждению в неязыковом вузе (на мат-ле англ. яз.): дис. ... канд. пед. наук / И.В. Попова. – СПб., 2001. – 195 с.

Литература

4. Викулова Л. Г. Основы теории коммуникации: Практикум: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 316 с.
5. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения / Т.Г. Винокур; вступ. ст. Л.П. Крыгина. – 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2007. – 176 с.
6. Мицич П. П. Как проводить деловые беседы / П.П. Мицич. – М.: Экономика, 1987. – 207 с.
7. Румянцева И. М. Психология речи и лингвопедагогическая психология / И.М. Румянцева. – М.: ПЕР СЭ; Логос, 2004. – 320 с.
8. Формановская Н. Н. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н.Н. Формановская. – М.: ИКАР, 2007. – 480 с.

References

Istochniki

1. Gosudarstvenny'e obrasovatelny'e standarty' vy'sshego professional'nogo obrazovaniya (utv. Minobrasovaniya RF 30.06.2003 g.). URL: <http://inpravo.ru/data/base563/text563v514i721.htm>.

2. *Miloradov S. A.* Obuchenie diskussionnomu obshheniyu na inostrannom yazy'ke: dis. ... kand. ped. nauk / S.A. Miloradov. – M., 1999. – 144 s.
3. *Popova I. V.* Tekhnologiya obucheniya dialogu-obsuzhdeniyu v neyazy'kovom vuze (na mat-le angl. yaz.): dis. ... kand. ped. nauk / I.V. Popova. – SPb., 2001. – 195 s.

Literatura

4. *Vikulova L. G.* Osnovy' teorii kommunikacii: Praktikum: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po specialnosti «Svyazi s obshhestvennost'yu» / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – M.: AST: AST MOSKVA: Vostok – Zapad, 2008. – 316 s.
5. *Vinokur T. G.* Govoryashhij i slushayushhij: Varianty' rechevogo povedeniya / T.G. Vinokur; vstup. st. L.P. Kry'sina. – 3-e izd. – M.: LKI, 2007. – 176 s.
6. *Micich P. P.* Kak provodit' delovy'e besedy' / P.P. Micich. – M.: Ekonomika, 1987. – 207 s.
7. *Rumyanceva I. M.* Psixologiya rechi i lingvopedagogicheskaya psixologiya / I.M. Rumyanceva. – M.: PER SE; Logos, 2004. – 320 s.
8. *Formanovskaya N. N.* Rechevoje vzaimodejstvie: kommunikaciya i pragmatika / N.N. Formanovskaya. – M.: IKAR, 2007. – 480 s.

Ч. Абдуллаев

К вопросу об историко-культурных взаимосвязях Азербайджана и Германии

В статье предпринимается попытка осветить некоторые эпизоды истории немецко-азербайджанских связей на фоне переселенческой политики Российской империи в Закавказье.

The article highlights some historical bonds related to German living in Azerbaijan, and emigrant policy of the Russian Empire in Transcaucasia.

Ключевые слова: Азербайджан; Германия; история; переселенческая политика.

Key words: Azerbaijan; Germany; history; emigrant policy.

Не имея общих границ, Германия и Азербайджан, вместе с тем, на протяжении двух столетий находятся в зоне обоюдного притяжения. А судьбы их народов под воздействием различных исторических обстоятельств сплелись настолько тесно, что затронули образ жизни, сферу труда и взаимоотношения людей, относящихся с точки зрения менталитета, этноса, языка и религии к противоположным полюсам, символически определяемым как «Запад – Восток».

Процессы историко-культурных взаимосвязей наших народов, обусловлены, с одной стороны, появлением немцев в Азербайджане и обретением ими здесь «второй родины», а с другой — судьбами азербайджанцев, оказавшихся либо в Германии, либо в зоне проживания и трудовой деятельности «азербайджанских немцев». Интересны формы и пути взаимодействия между немецким и азербайджанским народами [5: с. 5].

Появление немцев в Азербайджане, их массовая эмиграция на азербайджанские земли и расселение на них имели свои исторические предпосылки: а) социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Германии в конце XVIII – начале XIX вв.; б) политика царского самодержавия, проводимая на окраинных территориях Российской империи.

Рассматривая предпосылки, определившие начало немецкой эмиграции, следует иметь в виду особенности той эпохи, а именно: кризис феодальных отношений в Германии. Уступая в своем развитии Англии и Франции, она оставалась преимущественно аграрной страной, раздробленной на мелкие самостоятельные владения-княжества, большей частью изолированные друг от друга, с феодальным укладом жизни. При наличии 30 миллионов жителей (из почти 300 мелких княжеств), Германия оказалась в неблагоприятных условиях по сравнению с Англией и Францией, где буржуазия уверенно завоевала позиции как в государстве, так и в экономике. Великая Французская буржуазная революция 1789 г., со временем приведшая к власти Наполеона Бонапарта, ознаменовала собой начало целой серии войн во имя перекраивания карты Европы [1: с. 213].

Ведя эти войны под флагом революционного переустройства Европы, против пережитков феодализма, Наполеон стремился сократить количество немецких княжеств до тридцати, осуществил ряд реформ в пользу слабой в политическом и экономическом отношении немецкой буржуазии.

В 80–90-е гг. XVIII в. в Германии участились выступления крестьян, а взятие Бастилии и другие события начального этапа революции во Франции, отказ дворянства от феодальных привилегий были встречены с восторгом в передовых кругах немецкого общества.

В ряде земель на западе Германии, ставших театром военных действий, феодальный режим рухнул. Князья и епископы со свитой и приспешниками бежали, крестьяне приступили к разделу земель. В городах устанавливалось самоуправление республиканского характера при поддержке и защите французских военных властей. В Майнце, самом крупном из городов, занятых французами, организовали первое в Германии правительственное учреждение — Конвент, представлявший прежде всего третье сословие. Он вступил в тесную связь с французским Конвентом. Однако ни эти реформы, ни содействие неокрепшей немецкой буржуазии, ни ликвидация отдельных актов, направленных на ограничение самоуправления феодалов и правителей, не изменили коренным образом положение дел в Германии в начале XIX в. Страна оказалась втянутой в войну, военные действия повлекли за собой разорение крестьянства, обнищание городского люда, кризис экономики и торговли.

На примере лишь одного Вюртембергского герцогства (с 1805 г. — королевства), расположенного на юге Германии, где выращивался виноград, можно увидеть, как шло к упадку типичное для этой страны феодальное хозяйство. Будучи типичным «карликовым государством», оно отличалось роскошью придворной жизни, благодаря чему старалось возвыситься до уровня передовых государств Европы. Амбиции его правителей, в особенности герцога Кала Евгения Вюртембергского, привели к резкому обнищанию крестьянства, а в городах — к тяжелому положению бюргеров и ремесленников.

Испытывая финансовые затруднения, правители поощряли торговлю рекрутами, вызывавшую недовольство населения.

Непосильные поборы, феодальный произвол, бесправие крестьян и ремесленников, бесконечные войны и пополнение армий иностранных монархов за счет немецких воинов-рекрутов, неурожай и голод в первые десятилетия XIX в., особенно в 1816 г., заставили население искать выход из сложившейся ситуации.

В этих тяжелейших условиях выбор пал на эмиграцию. В XVIII в. феодальный гнет и произвол в Германии уже приводили к эмиграции значительное число ее подданных.

Следует отметить, что русские цари в определенные периоды поддерживали переселение немцев в Россию. Так, Екатерина II (1762–1796) издала специальный Манифест (22 июля 1763 г.), по которому иностранцы приглашались на переселение в Россию. Александр I (1801–1824) своим Манифестом от 20 февраля 1804 г. приглашал немцев на поселение в Причерноморье. После того как в 1804–1824 гг. были основаны многочисленные колонии в Причерноморье переселенцами с юга Германии, из Данцига и Западной Пруссии, Николай I (1825–1855) подтвердил своим Указом привилегии колонистов (9 ноября 1839 г.) [8: с. 193].

Необходимо также подчеркнуть, что переселение немцев на Кавказ, ставший ареной военных действий, в результате чего кавказские народы постепенно оказывались в российском подданстве, составляло неотъемлемую часть плана самодержавия по управлению и переустройству этого региона.

Окончательное покорение Кавказа было поручено генералу А.П. Ермолову, назначенному Александром I главнокомандующим на Кавказе (6 апреля 1816 г.). С этого времени политика на Кавказе приняла новое направление: «Началось бурное строительство, повсюду развивались торговля, ремесла, фактории. Для примера хозяйствования на Кавказе были поселены колонисты из Вюртембергского королевства — родины матери императора Марии Федоровны», — пишет исследователь истории Кавказа и движения юридов Шапи Казиев, отмечая при этом «жестокие методы колониальной политики на Кавказе, осуществляемые Российской империей руками генерала А.П. Ермолова» [7: с. 59].

По данным исторических источников, только в 1756–1766 гг. из Германии в Америку и Россию переселилось свыше 200 тысяч немецких крестьян. А уже в 1846–1847 гг. еще 100 тысяч немцев покинули свою родину.

Александр I, сын Вюртембергской принцессы Софии-Доротеи, по настоянию которого Венский конгресс сохранил ранее дарованную конституцию герцогству Баденскому и королевству Вюртембергскому, по существу, поощрял немцев-швабов к эмиграции, обещая обустроить их, обеспечить землей, освободить от повинности, государственных налогов, гарантировал им полную веротерпимость. Так, десять семей немцев-швабов из протестантской общины в 1816 г. собрались в Ульме, а затем двинулись на восток, в Россию, чтобы обосноваться в Грузии, на земле, куда, согласно библейским преданиям, возвратилось человечество.

Руководимые Готлибом Лефлером и Адамом Шюллером, 1 400 семейств обездоленных подданных Вюртембергского короля, который без сожалений расстался с ними из-за их непокорности и сепаратистских настроений, перешли на кочевой

образ жизни. Их переселение растянулось на годы (1816–1818), сопровождалось потерями (около 1 200 человеческих жизней). Некоторые из них расселились в Одессе, Таврии, Херсоне и Бессарабии. Остальные, пройдя по маршруту Херсон – Таганрог – Ростов – Ставрополь, прибыли в Грузию, в Тифлис, вблизи которого и обосновалась часть переселенцев [3: с. 55].

Власти предписали остальным переселенцам добираться до Азербайджана. Ведомые Готлибом Кохом, Якобом Краусом и Иоганнесом Вухерером немцы добрались до города Гянджи Елизаветпольской губернии, где им были отведены земли для поселения.

Политика завоевания новых территорий, проводимая в Закавказье русским самодержавием в XVIII–XIX вв., сопровождалась изменениями этнического состава его подданных, переселением и обустройством различных народов и народностей. С целью обустройства переселенцев и использования природных богатств Закавказья, присоединенного к России, составляется «Проект учреждения Российской-Закавказской Компании». Авторы проекта П.Д. Завелейский и А.С. Грибоедов «в 3-й статье проекта в позволении водить на своих землях всякого рода переселенцев на особых условиях» предлагают при создании будущей «Российской-Закавказской Компании» по обустройству переселенцев выделить правительственные кредиты.

Этот проект, при всём его коммерческом характере, свидетельствовал о масштабах переселенческой политики царского правительства в Закавказье, о внимании к этим процессам со стороны чиновников, государственных деятелей и дипломатов. И хоть, как пишет советский историк С.В. Шостакович, проект этот отражает и симпатии их авторов «к народам Закавказья, соединившимся с Россией», следует согласиться и с мнением Г. Гулиева, отметившего, что «в основе проекта предполагаемой компании лежали главным образом экономические интересы, а «гуманитарные вопросы» связывали с ними для обоснования важности данного мероприятия». Точно так же экономические интересы выходят на первый план при оказании «гуманитарной помощи» немецким переселенцам в Азербайджане. Говоря о переселенческой политике самодержавия в Закавказье, следует принимать во внимание также и политические цели [2: с. 53].

Намеченный и утвержденный Николаем I в 1833 г. план официальной политики Российского государства в Закавказье сводился к тому, чтобы «сделать край сей полезным для России», связав его гражданскими и политическими узами в единое целое.

Колонизация края сопровождалась созданием укреплений и военных поселений, в которые направлялась на постоянное местожительство часть русского населения. Такие поселения, по замыслу генерала А.П. Ермолова, были созданы в Азербайджане — Карабахе, около Дербента и вблизи г. Кубы. В результате в многонациональном составе населения Кавказа русское население стало играть заметную роль.

Колониальная политика царизма в Закавказье, в том числе и в Азербайджане, осуществлялась разными методами, не всегда учитывала национальный,

религиозный уклад и другие специфические особенности жизни населения, опиралась большей частью на методы принуждения, репрессий и жестокости, игнорировала национальное достоинство народа, нередко вызывая его сопротивление и бунты, которые имели место, в частности, в Елизаветпольском округе, в Шамшадиле и Казахе [6: с. 23].

Таким образом, переселенческая политика самодержавия основывалась на стремлении к обустройству на Кавказе нового, этнически разнородного населения, в котором доминирующая роль отводилась русским жителям. Смешение национальных, этнических, религиозных укладов позволяло унифицировать административно-управленческое присутствие России в Закавказье, осуществить и укрепить его централизацию и подчинение правительству Российской империи.

Именно такая «многонациональная ситуация» возникла в Азербайджане начиная с XIX в.

Библиографический список

Литература

1. Всемирная история. Энциклопедия: в 10-ти тт. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958.
2. *Гулиев Г. М.* Смерть дипломата, или К истокам конфликта в Карабахе / Г.М. Гулиев. – Баку: Эргюн, 1995. – 135 с.
3. *Ибрагимбейли Х. М.* Россия и Азербайджан в первой трети XIX века (из военно-политической истории) / Х.М. Ибрагимбейли. – М.: Наука, 1969. – 287 с.
4. *Исмаилзаде Д. М.* Русское крестьянство в Закавказье: 30-е годы XIX – начало XX вв. / Д.И. Исмаилзаде. – М.: Наука, 1982. – 382 с.
5. История немецкой литературы: в 5-ти тт. / Под ред. А.В. Карельского. – Т. 3. – М.: Наука, 1966. – 586 с.
6. *Казиев Ш.* Имам Шамиль / Ш. Казиев. – М.: Молодая гвардия, 2001. – 382 с.
7. Немцы в России и СНГ. 1763–1997: сб. ст. / Под ред. Г.Н. Винса. – Вып. 6. – М.; Штутгарт, 1998. – 63 с.
8. *Шостакович С. В.* Дипломатическая деятельность А.С. Грибоедова / С.В. Шостакович. – М.: Соцэкгиз, 1960. – 193 с.

References

Literatura

1. Vsemirnaya istoriya. E'nciklopediya: v 10-ti tt. – M.: Izd-vo social'no-e'konomicheskoy literatury', 1958.
2. *Guliev G. M.* Smert' diplomata, ili K istokam konflikta v Karabaxe / G.M. Guliev. – Baku: E'rgyun, 1995. – 135 s.
3. *Ibragimbejli X. M.* Rossija i Azerbajdzhan v pervoj tretj XIX veka (iz voenno-politicheskoy istorii) / X.M. Ibragimbejli. – M.: Nauka, 1969. – 287 s.

4. *Ismailzade D. M.* Russkoe krest'yanstvo v Zakavkaz'e: 30-e gody' XIX – nachalo XX vv. / D.I. Ismailzade. – M.: Nauka, 1982. – 382 s.
5. Istorija nemeckoj literatury': v 5-ti tt. / Pod red. A.V. Karel'skogo. – T. 3. – M.: Nauka, 1966. – 586 s.
6. *Kaziev Sh.* Imam Shamil / Sh. Kaziev. – M.: Molodaya gvardiya, 2001. – 382 s.
7. Nemcy' v Rossii i SNG. 1763–1997: sb. st. / Pod red. G.N. Vinsa. – Vy'p. 6. – M.; Shtutgart, 1998. – 63 s.
8. *Shostakovitch S. V.* Diplomaticheskaya deyatel'nost' A.S. Griboedova / S.V. Shostakovich. – M.: Socze'kgiz, 1960. – 193 s.

А.М. Македонцева

К вопросу о роли эксплицитной и имплицитной информации в креолизованных рекламных текстах

В статье рассматриваются наиболее распространенные способы передачи имплицитной и эксплицитной информации в креолизованных рекламных текстах, а также взаимосвязь данных типов информации и особенности их воздействия на реципиента. Особое внимание уделяется рассмотрению роли имплицитной и эксплицитной информации в реализации основных функций креолизованных рекламных текстов.

The author of the article deals with the most widely accepted ways of imparting implicit and explicit information in creolised advertising texts as well as the interrelation of these types of information and the peculiarities of the ways they influence the recipient. Special emphasis is placed on the main functions of a creolised advertising text and the ways implicit and explicit types of information participate in their performance.

***Ключевые слова:** имплицитная и эксплицитная информация; креолизованный рекламный текст; вербальный; функция.*

***Key words:** implicit and explicit information; creolised advertising text; verbal; function.*

Реклама в современном мире несет на себе гораздо более значительную функциональную нагрузку, нежели простое информирование потенциального потребителя о свойствах продвигаемого на рынке товара или услуги. «Она (реклама) настойчиво навязывает аудитории свои ценности, формируя новые потребности или вызывая к старым интересам. <...> Она активно формирует массовое сознание, тиражирует нравственный кодекс и жизненные ориентации своих заказчиков» [4: с. 40].

Согласно предложенной американским специалистом Э. Левисом в 1896 г. и общепринятой в наше время схеме AIDA, качественное рекламное объявление должно выполнять следующие функции: привлекать внимание (attention) реципиента, выделившись среди прочих, вызывать интерес (interest) и желание (desire), внушать доверие (confidence) и побуждать к действию (action), т.е. со-

вершению покупки. Одним из основных способов реализации данных функций, в особенности трех первых, служат такие составляющие рекламного объявления, как заголовок и изображение (фотография, иллюстрация, коллаж и пр.). Поэтому закономерно повсеместное использование в качестве рекламных объявлений креолизованных текстов, «...фактура которых состоит из двух негетерогенных частей (вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [5: с. 180–181].

Для стимуляции необходимого адресанту психического механизма, приводящего получателя содержащейся в рекламном объявлении информации к совершению требуемого действия (совершения покупки рекламируемого продукта), широко практикуется применение как эксплицитной, так и имплицитной информации. Последняя зачастую обладает более сильной степенью воздействия, поскольку влияет на сознание получателя информации латерально, минуя ряд перцептуальных барьеров, неизбежно ослабляющих воздействие эксплицитной информации. Прямой призыв сделать что-либо (воспользоваться услугой, приобрести товар) зачастую вызывает внутреннее сопротивление и отрицание. В то время как воздействие косвенное не только не приводит к возникновению многих перцептуальных барьеров, но, напротив, обладает мощным эффектом воздействия в силу восприятия поданной таким образом информации не как чужеродной, привнесенной со стороны, но как возникшей у самого реципиента, т.е. его собственной, личной точки зрения, собственного отношения, желания, самостоятельно принятого решения. Изображение — одно из фундаментальных средств косвенного воздействия, чем также объясняется высокая частотность его применения в рекламных объявлениях.

К широкому использованию имплицитной информации в рекламных объявлениях рекламодателя вынуждает и ряд экстралингвистических факторов. Необходимость конкуренции с огромным числом других рекламных объявлений, на каждом шагу встречающих потенциального потребителя, стоимость рекламного пространства, ускоренный темп жизни современного человека приводят к необходимости высокой семантической насыщенности рекламных текстов, которая достигается использованием «высокочастотных» знаков как вербального, так и иконического характера.

Значимая роль имплицитной информации в рекламных объявлениях в большой степени обусловлена также тем фактом, что при выведении на рынок любого товара обязательным условием является его правильное позиционирование, т.е. корректное определение целевой потребительской аудитории и место, которое будет занимать рекламируемый товар в ее сознании [6: с. 91]. Последнее предполагает идентификацию комплекса определенных потребностей, ценностей и установок, которые будет обслуживать продвигаемый продукт.

В современном мире товар уже давно перестал позиционироваться и продаваться только в его материальном, номинальном значении. Суть рекламной стратегии — формирование в сознании потребителя образа товара как носителя целого набора материальных и нематериальных ценностей, при этом последние более важны для потребителя, чем материальные. Задача любого

качественного рекламного объявления — информирование потенциального потребителя о том, какие именно выгоды, в первую очередь нематериальные, он получит от приобретения рекламируемого товара. В этом задействованы как вербальная, так и иконическая часть креолизованных рекламных текстов. Большинство их имеют сложную структуру, рассчитанную на нелинейное прочтение, где основная информация является имплицитой.

В основе комплекса ценностей товара находятся духовные и культурные потребности, которые призван удовлетворить рекламируемый продукт. Нематериальная ценность гораздо важнее для потребителя, чем приобретаемые им вместе с товаром материальные выгоды. Как правило, это единственная потребность и на нее ориентировано основное послание, которое несет в себе рекламное объявление. К разряду духовных и культурных потребностей, наиболее часто эксплуатируемых для продвижения товаров и услуг, можно отнести такие базовые понятия, как любовь, уважение, самореализация, здоровье и др.

К разряду нематериальных также относятся функциональные и эмоциональные выгоды, которые, как предполагается, приобретаются вместе с товаром: комфорт, безопасность, уверенность, положительные впечатления и пр. Лишь на третьем месте в ряду ценностных характеристик находятся технические параметры: упаковка, состав, вкус, дизайн [6: с. 91].

Информирование о вышеперечисленных нематериальных ценностях товара происходит преимущественно имплицитно.

К вербальным средствам передачи имплицитой информации представляется возможным отнести такие языковые средства, как ассоциативная семантика слов и конструкций, метафора, аналогия, элидированные сравнения, конструкции с отрицанием, иерархия выделенных тем текста, жанровые особенности текста, семантические пресуппозиции и др. [7: с. 214]. В качестве невербальных инструментов передачи имплицитной информации в рекламе, на наш взгляд, возможно рассматривать символику (например, логотипы, гербы, флаги, знаки Зодиака и др.), изображения людей, атрибутов (профессиональных, социальных, национальных), видов природы и др. Цвет и стиль изображения также являются носителями определенной имплицитной информации.

Рассмотрим механизмы передачи имплицитной информации на примере креолизованного рекламного объявления о кетчупе «Heinz», созданного агентством «McCann Erickson». Его основную часть занимает изображение повернутой дном к зрителю бутылки кетчупа, на которой расположены плодоножка и листья томата, так что изображение идентично изображению натурального томата. Под изображением надпись: «*No one grows ketchup like Heinz*». Рекламное объявление выполнено в ярких, насыщенных темно-красных тонах.

Основная нематериальная ценность продукта, указанная в данном объявлении, — его стопроцентная натуральность и, как следствие, экологическая чистота и польза для здоровья. Вторичные нематериальные ценности (удовольствие и другие положительные эмоции) отражены в незначительной мере, однако их наличие логически вытекает из присутствия основных материальных ценностей, что делает обоснованным отсутствие их особого отражения

в тексте. Отличительной чертой данного рекламного объявления является то, что материальная ценность (натуральность продукта) предельно тесно увязана в нем с нематериальной — здоровьем потребителя.

Рассмотрим, каким образом происходит передача имплицитной и эксплицитной информации о данных ценностях продукта с помощью иконической и вербальной частей рекламного объявления.

Роль невербальной части заключается в наглядной демонстрации натуральности продукта путем формирования у реципиента ощущения полной идентичности продукта как такового и томатов. Эта задача реализуется путем создания соответствующего изображения и использования цветовой палитры, состоящей из оттенков красного, максимально приближенных к цвету натуральных томатов.

Для обозначения основных ценностей продукта вербальными средствами используется:

- перенесение позитивных ощущений и озвучивание основной нематериальной ценности рекламируемого товара (полная натуральность продукта) из подсознательно-эмоциональной сферы в сферу сознательно-ментальную путем облечения ее в словесную форму («No one grows ketchup like Heinz»);
- усиление и расширение передаваемой в иконической части идеи с помощью метафоры *grows ketchup*, подчеркивающей натуральность продукта;
- применение эмфатической конструкции предложения, усиленной эмфатической лексемой *no one*, что придает сообщению особую эмоциональную выразительность.

Таким образом, можно заключить, что эксплицитная и имплицитная форма подачи информации играют существенную роль при реализации основных функций рекламного объявления. При этом обе формы подачи информации могут содержаться как в вербальной, так и в иконической частях последнего.

Библиографический список

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: учеб. пособие / Е.Е. Анисимова. – М.: Академия, 2003. – 128 с.
2. Викулова Л. Г. Основы теории коммуникации: Практикум: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. – 316 с.
3. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М.: Смарт Бук, 2008. – 651 с.
4. Волкова В. В. Дизайн рекламы: учеб. пособие / В.В. Волкова. – М.: Университет, 1999. – 144 с.
5. Сорокин Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Оптимизация речевого воздействия / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1990. – С. 180–186.
6. Иванов А. В. Настольная книга маркетолога / А.В. Иванов. – СПб.: Питер, 2004. – 256 с.

7. Пирогова Ю. К. ИмPLICITная информация как средство коммуникативного воздействия и манипулирования (на материале рекламных и PR-сообщений) / Ю.К. Пирогова // Scripta Linguisticae Applicatae. Проблемы прикладной лингвистики, 2001. – М.: ИЯ РАН, 2002. – С. 209–227.

References

Literatura

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezkul'turnaya kommunikacia: ucheb. posobie / E.E. Anisimova. – М.: Akademiya, 2003. – 128 s.
2. Vikulova L. G. Osnovy' teorii kommunikacii: Praktikum: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po special'nosti «Svyazi s obshhestvennost'yu» / L.G. Vikulova, A.I. Sharunov. – М.: AST: Vostok – Zapad, 2008. – 316 s.
3. Pochecov G. G. Teoriya kommunikacii / G.G. Pochecov. – М.: Smart Book, 2008. – 651 s.
4. Volkova V. V. Dizain reklamy': ucheb. posobie / V.V. Volkova. – М.: Universitet, 1999. – 144 s.
5. Sorokin Yu. A. Kreolizovanny'e teksty' i ix kommunikativnaya funkcia. Optimizaciya rechevogo vozdeistviya / Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov. – М.: Nauka, 1990. – S. 180–186.
6. Ivanov A. V. Nastol'naya kniga marketologa / A.V. Ivanov. – SPb.: Piter, 2004. – 256 s.
7. Pirogova Yu. K. Implicitnaya informaciya kak sredstvo kommunikativnogo vozdeistviya i manipulirovaniya (na materiale reklamny'x i PR-soobshhenij) / Yu.K. Pirogova // Scripta Linguisticae Applicatae. Problemy' prikladnoj lingvistiki, 2001. – М.: IYA RAN, 2002. – S. 209–227.

О.А. Титова

О понятии «оценка» и ее семантической интерпретации

Статья посвящена феномену «оценки». Предпринимается попытка проанализировать когнитивные и языковые механизмы формирования оценочных смыслов в английском языке.

The article deals with the term «evaluation». We attempt to analyse the cognitive and linguistic mechanisms of evaluating meanings in English.

Ключевые слова: рациональная / эмоциональная оценка; норма; оценочная ситуация; субъект оценки; объект оценки.

Key words: rational / emotive evaluation; norm; evaluating situation; subject of evaluation; object of evaluation.

Исследование и описание языковой картины мира — одно из актуальных направлений современной лингвистической науки. К числу важнейших характеристик языковой картины мира относят присущий ей, по мысли В.А. Масловой, «субъективизм» в отображении внеязыковой действительности.

Многообразие подходов к лингвистической интерпретации категории оценки, а следовательно и понятию оценочности (свойству языковой / речевой единицы, связанному с установлением ценностного отношения (оценки) субъекта речи к объекту в широком смысле (явлению материального или духовного порядка), демонстрирует сложность рассматриваемого феномена.

Оценка, по-видимому, является наиболее антропоцентричной категорией ввиду её способности быть выраженной только человеком. Поэтому изучение оценки тесно связано с имманентным свойством человека осуществлять рациональную (интеллектуальную) и эмоциональную деятельность.

Возникновение двух направлений изучения оценки, а именно: эмотивизма («интегрирует все психологические состояния субъекта, возможные при их выражении в высказывании / тексте, и постулирует... что эмоциональная сторона в речи первична, а рациональная — вторична...» [3: с. 32]) и натурализма, — отражает эти две человеческие стороны отношения к действительности. В эмоциональной оценке содержится доля интеллектуальной, так же как в интеллектуальной есть доля эмоциональной, поскольку «в языке нет двух строго отграниченных друг от друга систем: системы логических и системы аффектных значений. Их разделение — это всего лишь необходимая

абстракция... Она не более искусственна, чем различие между рассудочными и эмоциональными актами мысли, которые в действительности отдельно не существуют» [2: с. 23].

И рациональная, и эмоциональная оценка может быть по содержанию как положительной (мелиоративной), так и отрицательной (пейоративной). Причём на характер эмоциональной оценки значительное влияние оказывает контекст, вследствие чего одно и то же слово может приобретать разное оценочное значение (вплоть до противоположного).

Коммуникативная ситуация — это совокупность условий и обстоятельств, в которых функционирует высказывание. В случае стандартной ситуации в лексеме сохраняется прототипический оценочный знак. Стандартная ситуация соответствует знаниям и представлениям о данном слове, закреплённым в языковой картине мира:

From 1984 until the present he was a professor in the department of journalism at New York University [7].

В предложенном примере нейтральная прототипическая семантика лексемы «professor» (a teacher at a university or college [6]) подтверждается контекстом.

В случае нестандартной ситуации имеет место нарушение взаимодействия оценок «+» и «-» в структуре текста. Оценочный знак лексемы, введённой в текст, вступает в парадоксальные отношения с оценочными presuppositions контекста. В результате оценочный знак лексемы меняется на противоположный.

«I see the Professor's been thinking again», said Mr MacComber, nudging Mr. Jenkins with an elbow. «I know what you're gonna do, Professor. You're gonna part the waters and drive a truck right out to that cave and haul that bomb in, aren't you? Are you sure this would work, Henry—er—Professor?»

You could see Henry starting to burn red behind the ears. Henry doesn't take kidding too well, but he managed a little laugh...» [5: с. 133].

В данном примере лексема «professor» вступает в оценочные противоречия с вербальным и невербальным контекстом (*said Mr. MacComber, nudging Mr. Jenkins with an elbow; You could see Henry starting to burn red behind the ears*), что и создаёт условие реализации отрицательного оценочного модуля в данной лексеме, который подтверждается последующим комментарием рассказчика (*Henry doesn't take kidding too well*) и реакцией второго коммуниканта (*but he managed a little laugh*). Если учесть, что Генри (*Henry*) — это двенадцатилетний вундеркинд, предлагающий полицейским Макомберу и Дженкинсу из маленького американского городка свой план обезвреживания нераззорвавшейся бомбы, то ирония здесь воспринимается читателем как акт снисходительного пренебрежения.

Оценка предполагает существование эталона, в сопоставлении с которым оценивается то или иное явление. «Эталон», или «точка отсчёта», — это представление, с которым соотносится реальный, воспринимаемый органами чувств, признак реального предмета» [4: с. 18]. Коннотативный образ, выступая как эталон по отношению к степени нормативного проявления закреплённого за ним признака, указывает на отклонение от нормы при метафорическом сопоставле-

нии с другими объектами. Человеческому сознанию свойственно квалифицировать нейтральные или положительные явления в качестве обычных, нормативных и, следовательно, оставлять их без внимания. Большинство метафорических переносов направлены на то, чтобы зафиксировать у объектов негативные проявления признаков значений. Интенсивность проявления признакового значения включает в себя несколько стадий, отражающихся на уровне функционирования языковых единиц с помощью наречий степени и метафорических переносов: *a bit greedy – greedy – very greedy – clutchfist, love-penny*, что соответственно означает: «немного жадный» – «жадный» – «очень жадный» – «зимой снега не выпрошишь», «за копейку удавится».

В отношениях противоположных бинарных признаков (*bad – good*) в системе семантических значений всегда присутствует третий компонент, представляющий собой абсолютный ноль, точку, в которой антонимичные значения, накладываясь друг на друга, нейтрализуются.

Опуская промежуточные варианты презентации интенсивности признака, соотношение между антонимичными признаками можно выразить следующим образом:

Scattergood – generous – [0] – greedy – clutchfist – love-penny

В приведённой выше схеме в качестве центрального выступает нейтрализованное значение, среднестатистические эквиваленты признаков «generous» и «greedy» актуализируются с помощью соответствующих лексем, расположенных справа и слева от абсолютного нуля. В соответствии с этой схемой метафорическая конструкция никогда не выступает в системе семантических значений как полный синоним соответствующей ей нейтральной языковой единицы. Метафорические сочетания, как мы видим, представляют собой максимально удалённые от центра структуры.

Итак, оценочные признаки квалификационной шкалы разделены зоной нормы. В положительной части шкалы констатируется присутствие некоторого признака по отношению к норме, который рассматривается как хороший, а в отрицательной части шкалы признак констатируется как плохой (рис. 1):

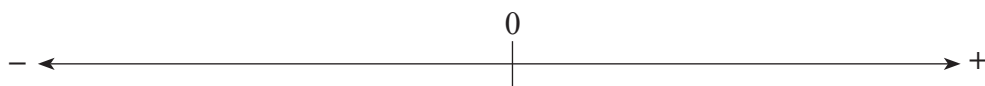

Рис. 1. Оценочные признаки квалификационной шкалы.

Норма предполагает равновесие признаков, находящихся на шкале, и соотносится со стереотипными представлениями о среднем количестве признака, которым должен обладать данный объект [1: с. 3–11]. Норма представляет собой в каждом конкретном акте оценки отражение сложного взаимодействия общечеловеческой системы ценностей, ценностной системы самого автора оценки и ценностных систем тех социальных групп (региональных, возрастных, профессиональных, религиозных и прочих), с которыми автор оценки

связан. Отклонения от нормы имплицитно указывают на положительные или отрицательные признаки оценки.

Оценивание — одна из важнейших составляющих когнитивной деятельности человека. Знания постоянно обновляются и модифицируются, обеспечивая когнитивную обработку стандартных ситуаций. Оценка — явление более сложное, чем отражение, поскольку имеет свое основание не в предмете оценки, а за его пределами — в потребностях и установках субъекта оценки.

Библиографический список

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») / Н.Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. – 1987. – № 3. – С. 3–11.
2. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
4. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка) / А.Н. Шрамм. – Л.: ЛГУ, 1979. – 134 с.
5. Brinely B. R. An Adventure of the Mad Scientists' Club / B.R. Brinely. – Philadelphia: Macrae Smith Company, 1974. – 200 с.

Справочные и информационные издания

6. Longman Dictionary of Contemporary English: 3-rd Edition with New Words Supplement. – Harlow and London, 2001.
7. The British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

References

Literatura

1. Arutyunova N.D. Anomalii i yazy'k (k probleme yazy'kovoj «kartiny' mira») / N.D. Arutyunova // Voprosy' yazy'koznaniya. – 1987. – № 3. – S. 3–11.
2. Balli Sh. Francuzskaya stilistika / Sh. Balli. – M.: Izd-vo inostranno'j literatury', 1961. – 394 s.
3. Teliya V. N. Konnotativny'j aspekt nominativny'x edinic / V.N. Teliya. – M.: Nauka, 1986. – 143 s.
4. Shramm A. N. Ocherki po semantike kachestvenny'x prilagatelny'x (na materiale sovremennogo russkogo yazy'ka) / A.N. Shramm. – L.: LGU, 1979. – 134 s.
5. Brinely B.R. An Adventure of the Mad Scientists' Club / B.R. Brinely. – Philadelphia: Macrae Smith Company, 1974. – 200 s.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

6. Longman Dictionary of Contemporary English: 3-rd Edition with New Words Supplement. – Harlow and London, 2001.
7. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.

Н.А. Чикало

Историческое развитие и современные возможности английской синтаксической конструкции с элементом *way*

В статье проводится краткий анализ развития английской синтаксической конструкции с элементом *way*, на примере которой наглядно иллюстрируются динамические свойства языка, в частности способность английского языка продуктивно использовать закреплённые в нём структуры для формирования новых значений.

The article gives a brief analysis of the English syntactic *way*-construction; its historical development may serve as an illustration of language dynamism, in particular the ability of the English language to productively reuse its entrenched structures for the formation of new senses.

Ключевые слова: «конструкция пути»; когнитивная грамматика; прототипическое значение; расширение прототипа.

Key words: *way*-construction; cognitive grammar; prototype; prototype extensions.

Современные лингвистические исследования все чаще указывают на творческую, процессуальную сторону языковой деятельности человека, именуя ее лингвокреативностью и постулируя динамизм в качестве центрального свойства языка. При этом «динамизм языка понимается не только как выбор языковых средств из имеющегося арсенала и их комбинаторика, но и как возможность использования существующих языковых ресурсов для передачи новых значений и образования новых языковых единиц» [2: с. 14].

Очевидным подтверждением такого рода динамических свойств языка выступает явление полисемии языковых единиц. Примером полисемичной синтаксической конструкции в современном английском языке может служить конструкция с неизменяемым элементом *way* (далее **конструкция пути**), примерами реализации которой служат следующие предложения:

- *Getting up unsteadily, Tommy made his way to the door.*
- *At the time of my visit, the Italians were working their way through their forty-eighth government in forty-five years* [8: с. 173].
- *You don't so much walk around Florence as pick your way among the obstacles* [8: с. 207].

Можно, несомненно, возразить, предположив, что речь идет об отдельных устойчивых выражениях с глаголами *make*, *work*, *pick*, *force* соответственно.

Действительно, выражения *make one's way*, *work one's way* и многие другие, построенные по той же модели, являются привычными, закрепленными в языке сочетаниями (*entrenched phrases*). Их «официальный» статус подтверждается словарями современного английского языка. Так, «Collins Cobuild English Dictionary» дает следующие дефиниции: *If you pick your way somewhere, you walk very carefully trying to avoid obstacles or dangerous things* [10: с. 1240]; *If you work your way somewhere, you move there slowly and with a lot of effort* [10: с. 1932]. Однако словарная фиксация подобных выражений есть результат регулярного и исторически длительного использования названных глаголов в составе определенной абстрагированной от конкретных речевых проявлений конструкции – ментальной схемы, структурно-содержательного шаблона, общего для всех речевых реализаций. Несмотря на разные логические смыслы, все приводимые примеры можно подвести под один структурно-семантический знаменатель: выделить общее структурное представление и значение (рис. 1).

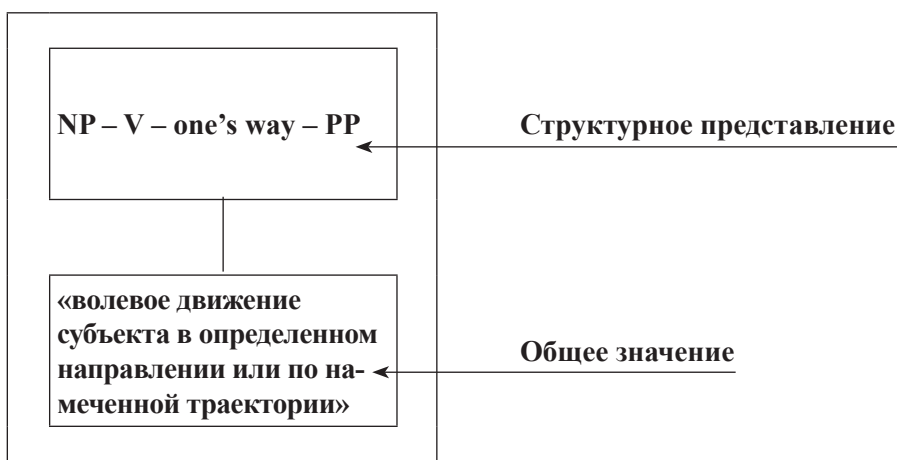

Рис. 1. Схема «Конструкция пути (way-construction) в современном английском языке».

Примечательно, что ни один из представленных выше глаголов не имеет сам по себе значения «движения», но приобретает таковое только в составе конструкции. Семантический сдвиг подобного рода исследуется, в частности, в теории функциональной категоризации Н.Н. Болдырева [1] и носит название «поликатегоризации глагольного значения», вызванного использованием глагола в нетипичной для его падежной рамки конструкции.

На современном этапе развития в английском языке конструкция пути представляет собой полисемичную структуру: ее дискретные значения можно охарактеризовать в терминах когнитивной грамматики Р. Лэнекера [3] и представить в виде сети взаимосвязанных значений, где центральному, основному значению конструкции, наиболее закрепленному в конкретных языковых реализациях, придается статус прототипа (*prototype*). Модификации прототи-

пического значения, семантические варианты конструкции в таком ключе рассматриваются в качестве его расширений (*extensions*). Разъясняя суть своей «сетевой модели» языковой категоризации, Р. Лэнекер отмечает, что разные значения обозначаются одной формой не случайно, а благодаря интуитивно-очевидным семантическим отношениям [3: с. 170]. Более того, применительно к конструкции пути взаимосвязь существующих значений можно проследить на разных исторических этапах становления конструкции в английском языке.

Историческим родоначальником, «первопроходцем» рассматриваемой конструкции, по мнению исследователей А. Голдберг [4], М. Израиля [5] и других, стал глагол *make*. Первая словарно зафиксированная комбинация *make one's way* восходит к началу XV в., когда она означала буквально «создавать себе путь», т.е. «освободить себе дорогу, идти, преодолевая, устраняя препятствия, возникающие на пути». Именно это исторически первое значение рассматриваемой конструкции является его прототипическим значением, а глагол *make* наиболее часто задействуется в составе конструкции в современном английском языке. Например:

(1) *Two minutes into the movie, a woman laden with shopping made her way with difficulty down my row* [8: с. 41].

На протяжении двух последующих столетий после первого зафиксированного случая употребления глагол *make* был единственно возможным в данной комбинации. Для подобного рода глаголов М. Томазелло [7] предлагает специальный термин — *light verb*, буквально «легкий глагол»: первый глагол как в диахроническом аспекте развития конструкции, на начальном этапе ее исторического становления, так и в синхроническом. Глагол *make* первым усваивается в составе данной конструкции англоговорящим ребенком и обладает наивысшей частотой употребления в речи взрослого англоговорящего человека. По мере развития конструкции «легкий глагол» уступает место в составе конструкции глаголам других семантических классов.

Таким образом, начиная с конца XVII в. наряду с глаголом *make* в состав конструкции все чаще встраиваются другие глаголы-предикаты, собственная семантика которых конкретизирует значение глагола *make*, указывая на **способ преодоления препятствий на пути**. К середине XIX в. вокруг данного значения образуется большая кластерная категория глаголов с общим значением применения усилия или же грубой физической силы: *force, push, fight, battle, cut, hew, dig, plough, pave, smooth, elbow, struggle, shoulder, knee, beat, kick, shoot* и многие другие.

Приведем примеры:

(2) *My labrador dog dug his way to my neighbor's backyard?* [16].

(3) *...the young hatch chipping their way out of their shells* [6: с. 207].

(4) *...in a futile attempt to claw his way to the surface* [6: с. 207].

С конца XVII в. и по сей день список глаголов разных семантических классов, способных выступать предикатом конструкции пути, стремительно пополняется за счет того, что в языке уже функционирует готовая схе-

ма, конструкция, которая, как об этом процессе говорит Р. Лэнекер, служит образцом для «сборки» новых конкретных языковых выражений [3: с. 105].

В течение XIX в. прототипическое значение конструкции пути дает целый ряд расширений. В середине XIX в. образуется новый кластер глаголов (*feel, pick, creep, plod, thread, weave, corkscrew, grope, worm, serpentine* и другие), которые, встраиваясь в состав конструкции, указывают не столько на способ преодоления препятствий на пути, сколько на **характер самого движения в силу возникающих на пути препятствий.**

Примеры:

(5) *He staggers and bumps his way to the toilet for a cold wash* [9].

(6) *In the afternoons he would occasionally zig-zag his way across the studio towards a student's donkey in a near speechless state* [9].

К концу XIX в. прототипическое значение конструкции подвергается новому расширению за счет глаголов, характеризующих **звук, сопровождающий движение**: *ring, crunch, pipe, squelch* и некоторых других.

Примеры:

(7) *Once again he threw the cumbersome fish over his shoulder and began squelching his way across the boggy field* [9].

(8) *Then he watched as it (the whiskey) gurgled its way into a whiskey tumbler* [5: с. 206].

Конструкция пути все глубже закрепляется в языке за счет того, что носитель английского языка не боится экспериментировать с абстрактной ментальной схемой, за которой уже прочно закреплен определенный стереотип представления ситуации. «Новаторское» обращение с конструкцией пути позволяет англоговорящим носителям приумножить ее функциональный потенциал: к арсеналу уже существующих расширений прототипического значения также в XIX в. подключается значение **процесса, сопровождающего движение или любой другой основной процесс.**

Примеры:

(9) *Mrs. Thatcher handbagged her way through Europe* [6: с. 208].

(10) *...cooking and eating my way through this book* [6: с. 208].

Кульминационным в развитии конструкции пути можно считать этап, когда ее прототипическое значение **волевого движения через преодоление препятствий** получает метафорическое переосмысление: конструкция начинает активно использоваться в контекстах, описывающих **движение к намеченной цели — успеху, славе, здоровью.** Глаголы этой кластерной категории часто указывают на нечестный, противозаконный способ достижения успеха, особенно в карьерном росте, бизнесе, учебе (*bribe, bluff, cheat, wheedle, talk, trick, con, nose, sneak, pay, cajole*), а также на различные способы оздоровления организма (*run, walk, swim, acupuncture, dance, exercise, laugh* и другие).

Примеры:

(11) *High-Tech Plagiarism: Cutting and Pasting Your Way to an "A"* [13].

(12) *Finally we have a man that has the intelligence, courage and stamina to fight for all Americans, not just the ones who **can purchase their way** through this life* [14].

(13) *Acupuncture your way to health!* [12].

(14) *Garden your way to health and fitness* [11].

(15) *Salsa your way to happiness!!!* [15].

Конструкция пути XXI в. ушла далеко на периферию от своего прототипического значения и в современном английском языке часто выступает в качестве своеобразного синтаксического бленда, способного в сжатой форме — в пределах структурно простого предложения — обозначать причинно-следственную связь между разными онтологическими ситуациями. Интерпретация конструкции пути в таком расширении не обходится без конкретизации контекста и общего когнитивного механизма инференции значения.

В заключение следует признать, что конструкция пути является высокопродуктивной синтаксической моделью современного английского языка, которая предоставляет говорящим возможность использовать весь спектр существующих значений и одновременно формировать новые смыслы.

Библиографический список

Литература

1. Болдырев Н. Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н.Н. Болдырев. – М.: URSS, 2009. –136 с.
2. Моделирование процессов функциональной категоризации глаголов: сб. ст. / Под общ. ред. Н.Н. Болдырева. – Тамбов: ТГУ, 2000. – 172 с.
3. Лэнекер Р. В. Модель, основанная на языковом употреблении / Р.В. Лэнекер // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1997. – № 4. – С. 160–174.
4. Bryson B. Neither Here nor There / B. Bryson. – London: Black Swan, 1998. – 352 p.
5. Goldberg A. Constructions at Work: the Nature of Generalization in Language / A. Goldberg. – Oxford; Toronto: Oxford University Press, 2006. – 243 p.
6. Israel M. The Way Constructions Grow / M. Israel // Conceptual Structure, Discourse and Language / Ed. by A. Goldberg. – Stanford: CSLI Publications, 1996. – P. 217–231.
7. Stubbs M. Words and Phrases: Corpus Studies on Lexical Semantics / M. Stubbs. – Oxford: Malden MA; Blackwell Publishing, 2002. – 228 p.
8. Tomasello M. The Cultural Origins of Human Cognition / M. Tomasello. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2003. – 256 p.

Справочные и информационные издания

9. The British National Corpus (BNC). URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
10. Collins Cobuild English Dictionary. – London: HarperCollins Publishers, 1997.
11. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
12. URL: www.naturalnews.com.
13. URL: www.tech.yahoo.com.
14. URL: www.timesonline.co.uk.

15. URL: www.tradevibes.com.

16. URL: www.yahoo.com.

References

Literatura

1. *Boldy'ev N. N.* Funkcional'naya kategorizatsiya anglijskogo glagola / N.N. Boldy'ev. – M.: URSS, 2009. – 136 s.
2. Modelirovanie processov funkcionalnoj kategorizatsii glagolov: sb. st. / Pod obch. red N.N. Boldy'eva. – Tambov: TGU, 2000. – 172 s.
3. *Langaker R. V.* Model', osnovannaya na yazy'kovom upotreblenii / R.V. Langaker // Vestnik Mosc. un-ta. Ser. 9. Filologiya. – 1997. – № 4. – S. 160–174.
4. *Bryson B.* Neither Here nor There / B. Bryson. – London: Black Swan, 1998. – 352 p.
5. *Goldberg A.* Constructions at Work: the Nature of Generalization in Language / A. Goldberg. – Oxford; Toronto: Oxford University Press, 2006. – 243 p.
6. *Israel M.* The Way Constructions Grow / M. Israel // Conceptual Structure, Discourse and Language / Ed. by A. Goldberg. – Stanford: CSLI Publications, 1996. – P. 217–231.
7. *Stubbs M.* Words and Phrases: Corpus Studies on Lexical Semantics / M. Stubbs. – Oxford: Malden MA; Blackwell Publishing, 2002. – 228 p.
8. *Tomasello M.* The Cultural Origins of Human Cognition / M. Tomasello. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 2003. – 256 p.

Spravochny'e i informacionny'e izdaniya

9. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
10. Collins Cobuild English Dictionary. – London: HarperCollins Publishers, 1997.
11. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
12. URL: www.naturalnews.com.
13. URL: www.tech.yahoo.com.
14. URL: www.timesonline.co.uk.
15. URL: www.tradevibes.com.
16. URL: www.yahoo.com.

А.С. Махов

Роль гиперссылок в структуре интернет-гипертекстов

Среди структурных элементов гипертекста в качестве основополагающего выделяется гиперссылка. Она является одним из решающих смыслообразующих механизмов в среде Интернет. Понятие гиперссылки становится существенным для понимания связности и цельности гипертекста. В статье описываются особенности, принципы действия, способы реализации гиперссылок.

The article deals with structural elements of the hypertext. As a basic structural element of the hypertext the hyperlink is distinguished. It is one of solving senseforming mechanisms in the Internet environment. The concept of a hyperlink becomes essential for understanding of connectivity and integrity of the hypertext. The article describes features, principles of action and ways of realization of the hyperlinks.

Ключевые слова: гиперссылка; гипертекст; текстон; Интернет; когерентность.

Key words: hyperlink; hypertext; texton; Internet; coherence.

В современном обществе гипертекст стал одним из видов информации, новой формой и стадией письменной коммуникации. Гипертекстовые системы оказали всестороннее влияние на современную культуру и различные ее сферы. Изучением гипертекста занимались такие известные лингвисты, как Н.С. Ларионова, О.В. Дедова, Е.В. Казначеева, А.В. Лория, Л.В. Дементьева, Р.К. Потапова, Ю. Кристева, Д. Конклин, Г.П. Ландау, Ж. Деррида, Д.Д. Болтер, М. Джойс, Р. Богранд, Ф. Блок, Ф. Крамер, Р. Дель, Д. Шредер и др.

Существует большое количество определений гипертекста. Все они рассматривают гипертекст как текст с нелинейной структурой. Лучшее и наиболее точное определение, на наш взгляд, дано М.М. Субботиным, российским ученым-лингвистом, пионером в области развития гипертекстовых систем. Ученый подчеркивает, что гипертекст — это «такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними. Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты» [7: с. 36–45].

В качестве основополагающих структурных элементов гипертекста, вслед за О.В. Дедовой, мы выделяем информационную единицу и средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой [2: с. 283]. От-

дельная информационная единица, представленная в виде файла (гнезда, модуля, узла), — основа структуры гипертекста. Вся информация структурируется в виде определенного числа сравнительно небольших по объему линейно организованных блоков текста. В дальнейшем для обозначения данных отдельных блоков текста (информационной единицы [2: с. 283]); «кусков» или «ломтей» текста (a series of text chunks), в определении Т. Нельсона [11: с. 439–454]; лексий (lexia), по Р. Барту [1: с. 30–47]), будет использован наиболее подходящий, на наш взгляд, термин «текстон» (texton). Он был предложен Э. Аарсетом [8: с. 14–25] и в последнее время все более широко используется как зарубежными, так и отечественными исследователями.

Текстоны гипертекста содержат текстовые фрагменты ограниченного объема вследствие того, что гипертекст рассчитан на восприятие, в первую очередь, с экрана компьютера, а «листание» объемных электронных текстов при помощи курсора утомительно. В электронном гипертексте основанием членимости текста является необходимость сделать текст «удобочитаемым» при восприятии с компьютерного монитора, и уже первые опыты по перенесению письменного текста на экран продемонстрировали, насколько некомфортно восприятие больших текстовых фрагментов. Текстоны могут быть семиотически осложнены графиками, рисунками, схемами. Структурно гипертекст может быть представлен в виде сети, в которой помимо текста находятся также картинки, изображения, звуки, связанные разнообразными отношениями, заданными автором гипертекста, и воссоздаваемые и интерпретируемые читателем. Являясь структурным элементом гипертекста, текстон, в свою очередь, имеет свою структуру — у него есть название, краткое или развернутое содержание, которое может разворачиваться в соответствии с общим сюжетом всего гипертекста или быть совсем не связанным с ним.

В каждом текстоне содержатся связи-ссылки на другие текстоны, из них смысл текста развивается дальше. Переход от одного текстона к другому и соединение текстонов становится возможным благодаря ссылке, или точнее гиперссылке (в разных источниках обозначается как: ключевое слово, линк, якорь, дуга). Таким образом, гиперссылка — структурный элемент гипертекста, средство связи между его фрагментами. Вслед за О.В. Дедовой, мы используем термин *гипертекстовая ссылка*, ввиду его большей традиционности и связи с лингвистикой [2: с. 280–300]. По мнению С. Корнева, «гипертекстовая ссылка — это «прыжок» из одного блока текста в другой, который, таким образом, связывает их. Связи образуют гипертекстуальную сетку, и их активизация способна влиять на ее организацию» [6: с. 29].

Разработка термина «гипертекст» актуализировала понятие когерентности в современной литературе: «Hypertext is networked text» [4: с. 23–67; 9: с. 201–232]. Исследователи склоняются к тому, что в новых условиях подачи информации не существует больше строгой иерархической модели текста. Адресат сам волен устанавливать связи частей гипертекста порой на основании лишь смутных и не вполне осознанных ассоциаций.

Таким образом, механизм когерентности (в среде Интернет это гиперссылка) становится одним из решающих смыслообразующих механизмов. Сам автор может лишь догадываться, какой путь прочтения его произведения изберет читатель, в какой последовательности оно будет выводиться на экран монитора, в какой контекст попадут как отдельные информационные единицы гипертекста, так и весь гипертекст. При помощи гиперссылки читатель сам создает свой гипертекст, складывает его, как мозаику.

В итоге понятие гиперссылки становится существенным для понимания связности и цельности гипертекста в среде Интернет. Необходимо рассмотреть ее особенности, принципы действия.

Гипертекст в среде Интернет представляет собой «единство двух сторон — смысловой и технологической» [5: с. 30–45].

Гиперссылка, несмотря на связывание информационных единиц гипертекста, часто остается относительно самостоятельной смысловой единицей. Она либо вынесена за пределы основного сообщения страницы в Интернете, либо является его составной частью, т.е. участвует в формировании смысла всего текста данной информационной единицы. В любом случае гиперссылка наделяется двумя измерениями:

- передает смысл, заложенный непосредственно в семантике слов, ее составляющих;
- осуществляет связь с другой информационной единицей гипертекста.

В данной функции она служит своеобразным подзаголовком и определенным образом настраивает, подготавливает восприятие читателя, позволяет рецептору предвосхитить содержание следующей информационной единицы.

Гипертекстовая ссылка — это «важнейший элемент структуры гипертекста, по сути дела, является материализовавшейся коннотацией, призванной эксплицировать имплицитно выраженные в тексте семантические и ассоциативные связи» [2: с. 27]. Основная характеристика гипертекстовой ссылки — двунаправленность, т.е. функциональная связь двух текстовых или графических изображений на экране компьютера.

В пределах гипертекстовой ссылки различают: источник ссылки — часть текста, текстовое или графическое изображение на экране, через активизацию которых вызывается новый текст или изображение на экран; и объект ссылки — новый текст или изображение, появляющиеся в результате активизации ссылки.

Способы реализации гипертекстовых ссылок не ограничены. Гиперссылкой может стать любой элемент текста, включая изображение. Но, как правило, в качестве связки двух информационных единиц между собой выступают ключевые номинативные слова (существительные, глаголы), словосочетания, предложения и т.д. Как правило, содержание гиперссылки подготавливает читателя к восприятию следующей информационной единицы гипертекста. В текстах гиперссылка реализуется с помощью:

1) выделенности (как правило, подчеркиванием и/или цветом) слова или словосочетания в тексте. Подразумевается, что источник ссылки должен быть легко опознаваем даже без осмысления контекста, в пределах которого он рас-

положен. Такой вид гипертекстовой ссылки может быть сравним с использованием курсива и аналогичными способами выделения, употребляемых в традиционных печатных изданиях (например, энциклопедиях) и также реализующих возможность доступа к определенной информации. В данном случае источник ссылки — часть связанного текста, а выделенность не нарушает его контекстных связей.

2) перечней и списка, функция которых сравнима с книжным оглавлением, т.к. они являются самостоятельными объектами, внешними по отношению к основному тексту.

Способ перехода от источника ссылки к ее объекту называется «скачком» и осуществляется в компьютерных гипертекстах моментально. Перемещение в информационном пространстве гипертекста путем обращения к гиперссылке получило название «навигация». Данное понятие основано на свободе выбора последовательности информационных единиц, простоте и естественности переходов. Процесс ознакомления с гипертекстом на экране компьютера называется «броузинг» (*browsing* в переводе с английского означает беглое чтение, чтение с целью дальнейшего поиска какой-либо информации). В процессе навигации успешность интерпретации гипертекста во многом зависит не от авторского замысла, а от выбранной читателем стратегии прочтения.

Библиографический список

Источники

1. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Прогресс, 1994. – С. 67–81.
2. *Дедова О. В.* Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета) / О.В. Дедова: дис. ... д-ра филол. наук / О.В. Дедова. – М., 2006. – 253 с.
3. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева; сост., отв. ред. Г.К. Косиков; пер. с фр. Г.К. Косикова и Б.П. Нарумова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 656 с.
4. *Landow G. P.* Hypertext 2.0 The Convergence of Contemporary Critical theory and Technology / G.P. Landow. – Baltimore – London: The John Hopkins University Press, 1997. – С. 23–67.

Литература

5. *Клементьева Е. Е.* Гипертекстовые технологии в образовании / Е.Е. Клементьева // Информационные технологии в образовании. – М.: ИНИОН РАН, 1996. – № 1. – С. 30–45.
6. *Корнев С.* «Сетевая литература» и завершение постмодерна / С. Корнев // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 10–40.
7. *Субботин М. М.* Теория и практика нелинейного письма / М.М. Субботин // Вопросы философии. – 1993. – № 3. – С. 36–45.
8. *Aarseth E. J.* Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature / E.J. Aarseth. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – № 1. – P. 14–25.

9. *Bolter J. D.* The Computer, Hypertext and Classical Studies / J. D. Bolter // Amer. journal of philology. – 1991. – № 4. – P. 201–232.
10. *Conklin J.* Hypertext: an Introduction and Survey / J. Conklin // Computer. – 1987. – № 9. – P. 17–41.
11. *Nelson T. N.* As We Will Think in Online 72 / T.N. Nelson // Proceedings of the International Conference on Online Interactive Computing. – Oxbridge, UK: Online Computer Systems Ltd., 1983. – P. 439–454.

References

Istochniki

1. *Bart R.* Izbranny'e raboty': Semiotika. Poe'tika: Per. s fr. / R. Bart; sost., obshh. red. i vstup. st. G.K. Kosikova. – M.: Progress, 1994. – S. 67–81.
2. *Dedova O. V.* Lingvosemioticheskij analiz e'lektronnoho giperteksta (na materiale russkoyazy'chnogo Interneta) / O.V. Dedova: dis. ... d-ra filol. nauk / O.V. Dedova. – M., 2006. – 253 s.
3. *Kristeva Yu.* Izbranny'e trudy': Razrushenie poe'tiki / Yu. Kristeva; sost., otv. red. G.K. Kosikov; per. s fr. G.K. Kosikova i B.P. Narumova. – M.: ROSSPEN, 2004. – 656 s.
4. *Landow G. P.* Hypertext 2.0 The Convergence of Contemporary Critical theory and Technology / G.P. Landow. – Baltimore – London: The John Hopkins University Press, 1997. – C. 23–67.

Literatura

5. *Klement'eva E. E.* Gipertekstovy'e texnologii v obrazovanii / E.E. Klement'eva // Informacionny'e texnologii v obrazovanii. – 1996. – № 1. – S. 30–45.
6. *Kornev S.* Setevaya literatura i zavershenie postmoderna / S. Kornev // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1998. – № 32. – S. 10–40.
7. *Subbotin M.M.* Teoriya i praktika nelineinogo pis'ma / M.M. Subbotin // Voprosy' filosofii. – 1993. – № 3. – S. 36–45.
8. *Aarseth E. J.* Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature / E.J. Aarseth. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1997. – № 1. – P. 14–25.
9. *Bolter J.D.* The Computer, Hypertext and Classical Studies / J.D. Bolter // Amer. journal of philology. – 1991. – № 4. – P. 201–232.
10. *Conklin J.* Hypertext: an Introduction and Survey / J. Conklin // Computer. – 1987. – № 9. – P. 17–41.
11. *Nelson T. N.* As We Will Think in Online 72 / T.N. Nelson // Proceedings of the International Conference on Online Interactive Computing. – Oxbridge, UK: Online Computer Systems Ltd., 1983. – P. 439–454.

С.С. Савинич

Проблемы романтической символики в новеллистике Эдгара Аллана По

Значение образа Дома как символа в новеллах Эдгара А. По автор статьи исследует на примере произведения «Падение дома Ашеро́в». Рассматривается символическая связь между образами Дома, Дворца и внутренним содержанием образов главных героев – Родерика и Маделины Ашеро́в.

On the basis of the short tale “*The Fall of the House of Usher*” the article deals with image of the House as a symbol in the short tales of Edgar A. Poe. The author of the article researches the symbolical interconnection between the images of the House, the Palace and the inner self of the major characters — Roderick and Madeline Usher.

Ключевые слова: символ; Дом.

Keywords: symbol; House.

Творчество Эдгара Аллана По достаточно обширно и разнообразно. В основном это новеллы, повести, критические статьи и стихотворные произведения. Но именно в новеллах Эдгара По получает наибольшую реализацию его дар сочинителя и мыслителя.

Из всех новелл Э. По одной из наиболее широко известных и совершенных по форме является «Падение дома Ашеро́в», создававшаяся в период, когда в западном искусстве и философии господствовало мировоззрение романтизма. Герой романтического произведения — это бунтарь, который ставит самореализацию и самовыражение превыше интересов общества. Об этом очень убедительно говорит Бертран Рассел: «Бунт индивидуалистических инстинктов против социальных уз является ключом к пониманию философии, политики и чувств — не только того, что обычно называется движением романтизма, но и его последователей вплоть до наших дней» [4: с. 797]. Вместо того чтобы принять ценности общества, такой герой пытается навязать ему собственные ценности.

Герой новеллы Родерик Ашер не в полной мере соответствует стереотипу романтического героя. Он в большей степени склонен к отторжению действительности, чем к ее активному преобразованию. Он не бунтарь, как не бунтарь и сам Э. По. И по мере развития сюжета новеллы становится все более очевидным сходство между образом Родерика Ашера и чертами самого писателя.

В американской критике существует мнение, что, создавая образы Маделины и Родерика Ашеро́в, По обращался к извечному философскому вопросу об отношениях тела и разума. Рассмотрим образ Родерика Ашера. Герой, не-

сомненно, интеллектуально развит и весьма начитан. Вся его деятельность, описанная в новелле, сводится к интеллектуальным играм и занятию искусствами. Образ Родерика Ашера может быть символически соотнесен с разумом или интеллектуальной сущностью человека.

Образ Маделины Ашер очень расплывчат и нечеток. По сути, мы знаем о ней очень мало: лишь то, что она страдает от смертельного недуга, измождена и физически слаба. Но финальная сцена, когда леди Маделина встает из гроба, позволяет предположить, что она обретает необыкновенную физическую силу. Образ леди Маделины также может быть символически сопряжен с телесной, или физической, сущностью.

Дополнительным подтверждением тому, что образы Маделины и Родерика символически соотносятся с физической и интеллектуальной сущностью человека, служит наблюдение повествователя, сделанное им при погребении Маделины. Он с удивлением обнаруживает, что Родерик и Маделина близнецы. Это косвенно указывает на неразделимость тела и разума, плоти и интеллекта. Следовательно, если одно пытается взять верх над другим, то страдают оба. Так и в «Падении дома Ашеров» По пытается представить, что будет, если связь между разумом и телом нарушится и они станут существовать по отдельности, в качестве двух разных людей. По мере развития сюжета новеллы мы видим, как интеллектуальное развитие Родерика перерастает в пресыщенность, а леди Маделина стремительно угасает. И хотя разум и тело разделены, они продолжают зависеть друг от друга, а крушение одного неминуемо влечет за собой крушение другого. Неслучайно физическая смерть Маделины совпадает с крушением разума Родерика и крушением дома Ашеров.

В этой же новелле Э. По поднимает еще один вопрос, ключевой для литературы эпохи романтизма, — о соотношении фантазии и действительности. В своем творчестве романтики нередко пренебрегали действительностью, частично или полностью отрываясь от нее. Об этом интересно пишет уже упоминавшийся нами Б. Рассел: «Филдинг и Смоллетт писали об обыкновенных людях в обстоятельствах, которые вполне могли иметь место. Так поступали реалисты, которые выступали против романтизма. Но для романтиков такие темы были слишком прозаичны; они вдохновлялись только тем, что было великим, маловероятным и ужасным» [4: с. 794]. По создает свою новеллу, неукоснительно следуя методу романтического повествования. Пейзаж, окружающий дом, сам дом, его внутреннее убранство и герой повествования Родерик Ашер преувеличенно таинственны и загадочны. На определенном этапе это начинает выглядеть как ирония автора. Однако мастерство По заключается в том, что незаметно для читателя ирония сменяется подлинным ужасом. Фантазии приобретают все большую власть над сознанием героя, начинают вытеснять действительность, и в итоге он перестает отделять одно от другого. Многие действия Родерика направлены на уход от действительности. Именно с этой точки зрения можно рассматривать его страстное увлечение музыкой, живописью, литературой.

Еще один важный мотив, используемый По в этой новелле, — мотив нарушения границ. В произведениях, созданных Родериком, мы находим немало случаев подобного нарушения границ, когда герой создает рисунки, не обладающие сюжетом, но изображающие мысль: «Если когда-либо смертный способен был живописать идею, этот смертный был Родерик Ашер» [3: с. 191]. Таким образом, посредством его творчества идеальное нарушает границы материального. В стихотворении Родерика «Заколдованный замок» силы тьмы нарушают границы света: «Но в черных ризах злые духи напали на чертог царя...» [3: с. 193]. В произведении «Безрассудное свидание», чтением которого повествователь пытается развлечь Родерика в его последний час, рыцарь Этельред нарушает границы жилища пустынника. Это происходит одновременно с восстанием Маделины из гроба. И даже шум, который производит Этельред, вламываясь в жилище пустынника, композиционно совпадает с шумом, который производит Маделина, выбираясь из склепа. Вернувшись из царства мертвых, Маделина также нарушает границы царства живых. И, наконец, сам повествователь, приехавший по приглашению Родерика, тем не менее нарушает границы владений и дома Ашеров, где в течение нескольких веков жили только сами Ашеры. Возможно, именно это вторжение служит посылкой к дальнейшему развитию событий, которое заканчивается падением дома Ашеров.

Одним из наиболее важных и символически нагруженных образов в новелле является образ дома Ашеров. Повествователь иногда называет этот дом родовым замком, а в конце повествования мы обнаруживаем, что фамильный склеп дома Ашеров расположен под донжоном, т.е. сторожевой башней. Допустим, что такие понятия, как *дом – замок – чертог* (применительно к поместью Ашеров) обладают одинаковым символическим наполнением. Кроме того, дом Ашеров — это еще и семейство Ашеров, древний род, который насчитывает несколько столетий. Повествователь также замечает, что род Ашеров и их имя неразрывно связаны между собой: «...отсутствие боковых ветвей рода и неизменный переход владений и имени по прямой линии от отца к сыну в конце концов так объединили первое со вторым (облик поместья с характером владельцев. — С.С.), что название поместья превратилось в чудное и двузначное наименование «Дом Ашеров» — наименование, которое объединяло в умах окрестных поселян и род, и родовой замок» [3: с. 187].

Последние представители этого рода — Родерик и Маделина. Как уже сказано, образ Родерика символически соотнесен с разумом, а образ Маделины — с телом. Следовательно, образ дома, соединяющий в себе образы Родерика и Маделины, должен быть символически соотнесен с некоей категорией, объединяющей тело и разум. Здесь может быть уместным вспомнить идею известного французского литературоведа и философа Гастона Башляра: «...дом — одна из самых мощных сил, интегрирующих человеческие мысли, воспоминания и грезы» [2: с. 28]. Дом является некоей силой, связывающей воедино прошлое, настоящее и будущее. Но для представителей рода Ашеров дом стал настоящей тюрьмой, в которой обречен томиться их дух. Родерик

сам признается в том, что непрестанно испытывает влияние дома: «...какое известные особенности зодчества и материала его фамильного замка ввиду многолетней привычки обрели над его душою...» [3: с. 190]. Влияние фамильного замка делает Родерика инфантильным, оторванным от реальности и ставит на грань сумасшествия. Можно утверждать, что в новелле «Падение дома Ашеро́в» дом символизирует темницу, в которой томится человеческий дух.

В новелле присутствует еще один немаловажный символ. Это замок из стихотворения Родерика Ашера. Здесь *заколдованный замок* символически изображает человеческий разум, который оказывается во власти безумия. Повествователь говорит, что, услышав эту рапсодию, он *«впервые усмотрел в ней полное сознание Ашером того, что престол его высокого разума пошатнулся»* [3: с. 192]. Есть еще одно подтверждение тому, что в этой рапсодии *заколдованный замок* символизирует именно разум, одержимый безумием. В своем письме к Руфусу Вильмоту Гризвольду от 29 мая 1841 г. Эдгар По пишет: «...под Заколдованным Замок я подразумеваю разум, одержимый призраками, — помутившийся рассудок...» [1: v. 1, p. 161] (перевод автора. — С.С.).

Еще один замок, образ которого употребляется в новелле символически, — золотой чертог в пещере пустытника из рассказа «Безрассудное свидание». Этот рассказ Э. По приписывает Ланселоту Кеннингу. Однако исследователи творчества По более чем за сто лет не смогли найти ни одного упоминания об этом писателе, кроме упоминания в рассказе «Падение дома Ашеро́в». Поэтому принято считать, что этот рассказ, а вернее отрывки из этого рассказа, сочинил сам Э. По.

Развитие действия этого рассказа совпадает с восстанием из гроба Маделины. Для чего автор возвращает ее к жизни? Зачем она стремится из склепа в покои смертельно напуганного брата и, падая ему на грудь, фактически убивает его? Мы сможем ответить на эти вопросы, вспомнив сюжет рассказа «Безрассудное свидание», которым повествователь пытался развлечь Родерика Ашера в ту ночь.

Славный рыцарь Этельред проникает в пещеру пустытника, где видит ужасного дракона, стерегущего золотой чертог, вымощенный серебром. На стене пещеры висит медный щит. Рыцарь убивает дракона и направляется по серебряному полу к щиту. Щит падает со стены.

Падение щита в конце рассказа, подобно падению «опиумного покрывала» в начале, символически обозначает возврат к действительности. Маделина возвращает Родерика к действительности из царства его мучительных фантазий. Освобождение золотого чертога символизирует освобождение души Родерика от власти разума, одержимого безумием. Освобождение же души Родерика происходит через физическую смерть. Одновременно с этим рушатся стены темницы, пленявшей дух Родерика, — стены дома Ашеро́в.

Мы можем заметить, что в целом новелла «Падение дома Ашеро́в» написана в канонической романтической традиции. Главные герои, пейзаж, развитие сюжета вполне отвечают требованиям литературной традиции эпохи романтизма. Для Э. По в высокой степени характерна романтическая ирония,

хотя иногда автор позволяет себе относиться иронически и к самому романтизму. Тем не менее, По использует множество мотивов и символов для размышления над сложными философскими проблемами, не прибегая к сложным интеллектуальным построениям. Этому как нельзя лучше соответствует притчевая форма новеллы — одной из наиболее совершенных в творчестве писателя.

Библиографический список

Источники

1. The Letters of Edgar Allan Poe: in 2 volumes. – Cambridge: Harvard University Press, 1948. – 664 p.

Литература

2. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Г. Башляр; пер. с фр. Н.В. Кисловой и др.; науч. ред. Л.Б. Комиссарова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 373 с.

3. По Э.А. Полн. собр. рассказов / Э.А. По; пер. с англ. яз. В.В. Рогова и др.; под ред. А.А. Елистратовой, А.Н. Николукина. – М.: Наука, 1970. – 793 с.

4. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней / Б. Рассел // History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day: Пер. с англ. яз. – Кн. 1–3. – СПб.: Азбука, 2001. – 956 с.

References

Istochniki

1. The Letters of Edgar Allan Poe: in 2 volumes. – Cambridge: Harvard University Press, 1948. – 664 p.

Literatura

2. Bashlyar G. Izbrannoe: Poetika prostranstva / G. Bashlyar; per. s fr. N.V. Kislovoj i dr.; nauch. red. L.B. Komissarova. – M.: ROSSPE'N, 2004. – 373 s.

3. Po E. A. Poln. sobr. rasskazov / E.A. Po; per. s angl. V.V. Rogova i dr.; pod red. A.A. Elistratovoj, A.N. Nikoljukina. – M.: Nauka, 1970. – 793 s.

4. Russell B. Istoriya zapadnoj filosofii i eyo svyazi s politicheskimi i social'ny'mi usloviyami ot Antichnosti do nashix dnejj / B. Russell // History of Western Philosophy and Its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day: Per. s angl. – Kn. 1–3. – SPb.: Azbuka, 2001. – 956 s.

**КРИТИКА. РЕЦЕНЗИИ.
БИБЛИОГРАФИЯ**

**Викулова Л. Г., Шарунов А. И.
Основы теории коммуникации:
Практикум: учеб. пособие для студентов
вузов, обучающихся по специальности
«Связи с общественностью». – М.: АСТ:
Восток – Запад, 2008. – 316 с.**

Сегодня все более значимой становится главная тенденция современной образовательной политики — реализация непрерывного обучения, непрерывного саморазвития и самосовершенствования личности, способной и готовой участвовать в инновационном развитии общества. Основным назначением высшей школы становится ориентация процесса обучения не на приобретение готовых знаний, алгоритмов действий, шаблонов поведения, а на развитие самостоятельности и ответственности будущих профессионалов, подготовку их к активной позиции, к решению сложных, нестандартных вопросов и проблем. В связи с этим особую значимость приобретает в настоящий момент та учебная продукция, которая посвящена подготовке студентов к рациональной самостоятельной учебно-познавательной деятельности. Именно эта деятельность является залогом успешности и прогрессирования личности во всех сферах ее жизнедеятельности.

К сожалению, удач в области создания подобных учебных пособий не так уж много. Авторы зачастую ограничиваются традиционным представлением серии заданий / задач / вопросов для самостоятельного разрешения. Сегодня требуется иная концепция, ориентированная на развитие автономности личности, ее ответственности за результаты своего труда. Такая концепция сформирована и реализована в учебном пособии «Основы теории коммуникации: Практикум» (авторы Л.Г. Викулова, А.И. Шарунов).

Круг адресатов этого пособия чрезвычайно широк. В нем могут быть заинтересованы не только будущие профессионалы в области лингвистики и межкультурной коммуникации, рекламы, связей с общественностью. Как видится, пособие пригодится тем, кто хотел бы совершенствовать свою коммуникативную компетентность, понимая сущностные особенности коммуникации как научного феномена, а также внутренние глубинные процессы ее реализации. Это пособие для тех, кто стремится повысить культуру общения,

расширить диапазон форм и методов продуктивного взаимодействия (в том числе профессионального и межкультурного).

Пособие практически воплощает авторскую концепцию развития творческой учебно-познавательной самостоятельности обучающихся при подготовке к практическим занятиям по курсу «Основы теории коммуникации». Она представляет особую программу самостоятельных действий студентов, довольно жестко управляемую и в то же время дающую возможность для реализации творческих начал студентов, их индивидуальности. Эта программа характеризуется однородностью и системностью предъявления материала, построения каждого из ее модулей.

Матричная структура такого модуля логически оправдана: от теории вопроса (разделы «Проблематика», «Основные положения», «Теоретические вопросы», «Ключевые термины») к практическим решениям (раздел «Выявляем коммуникативную компетентность»). При выполнении проблемных заданий и самостоятельных действий студент оказывается перед необходимостью постоянно контролировать ход изменений своей коммуникативной компетентности, следить за степенью ее развития и совершенствования.

По сути, учебное пособие нацелено на становление у студентов рационального стиля учебной деятельности через последовательную организацию их самостоятельного учения. По своей структуре и содержанию оно предполагает организацию учебного труда студентов и управление им в целях рационализации.

Значимым является представление информации, регламентирующей деятельность студентов и преподавателей при работе с пособием. Эта вводная учебно-методическая часть позволяет понять замысел авторов, облегчить работу с пособием.

Важно, что в ходе работы с пособием студенты оказываются погружены в мир современных теорий и концепций в области теории коммуникации. Ссылки на источники информации в абсолютном большинстве относятся к сегодняшнему дню и отражают актуальное состояние дел в данной научной сфере. Раздел «Персоналии» позволяет расширить кругозор обучающихся, познакомить их с ведущими учеными, детально исследующими процесс коммуникации. Сводный глоссарий терминов существенно облегчает и систематизирует работу студентов.

В целом пособие характеризуется системностью и последовательностью предъявления дидактического материала. Оно способствует повышению эффективности самообразовательной деятельности студентов, формированию и укреплению их учебной компетенции.

Внедрение пособия в педагогический процесс в университете и использование в качестве одного из средств обучения будет способствовать большей результативности учебного труда студентов, становлению специалистов, готовых и способных к рационализации своей профессиональной деятельности, к реализации своей позиции, к решению сложных задач.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Новые диссертации преподавателей Института иностранных языков МГПУ (2008–2009 гг.)

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Огуречникова Наталия Львовна. *«Системный статус, значение и функции артиклей в английском языке»*, специальность 10.02.04 — германские языки.

Защита состоялась 26 декабря 2008 г. в Диссертационном совете Д 002.055.01 при Институте лингвистических исследований РАН.

В диссертации изучены логико-понятийные, прагматические и языковые аспекты английских высказываний с артиклями, выделены основные типы употребления артиклей, описаны их содержание и функции в высказывании; выявлена зависимость синтаксической и смысловой структуры английского высказывания от употребления артиклей; уточнена роль артиклей в формировании семантической структуры высказывания и влияние последней на семантику артиклей. В содержании артиклей выявлена количественная информация, существенная для семантической структуры речевых единиц; доказана необязательность употребления артиклей при существительных, что свидетельствует об отсутствии грамматической категории определенности – неопределенности в системе английского имени существительного; предложена трактовка артиклей как лексико-грамматических единиц. Тем самым уточнено место артиклей в системе английского языка. Диссертационное исследование вносит вклад в разработку общей теории речевой деятельности, вопросов системной организации и типологии (в частности, типологии лексических значений) артиклевых языков.

КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Блуверг Симон Викторович. *«Современный протестантский дискурс: на материале немецкой публицистики»*, специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Олег Анатольевич Радченко. Защита состоялась 30 апреля 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Исследование посвящено разработке проблемы дискурсивного анализа современной германской протестантской прессы. Актуальность работы обусловлена неопределенностью конститутивных признаков данного дискурса, а также тем, что изучение текстологических особенностей современной протестантской прессы находится в сфере ряда наук (прагмалингвистика, социалингвистика, лингвистика текста и др.). В диссертации разработана комплексная модель дискурсивного анализа религиозных текстов, опубликованных в протестантской прессе Германии начала XXI в. Доказано, что наиболее репрезентативным типом текста, характерным для протестантского дискурса, является «передовая статья», а персуазивность представляет собой наиболее существенную категорию для данного типа текста.

Галлерт Дарья Николаевна. *«Способы выражения категории «запах» в современном английском языке»*, специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Ольга Васильевна Афанасьева. Защита состоялась 30 апреля 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Исследование посвящено рассмотрению ядра категории «запах» — *smell, scent, aroma, fragrance, perfume, odour, stench, stink, reek* — и его места в современной английской концептосфере. Исследованы когнитивные признаки концепта «запах», область номинации, характерная для каждого изучаемого субстантива, а также функционирование единиц, номинирующих запах, в дискурсе. Актуальность работы определяется важностью системно-структурного описания конкретного участка лексической системы английского языка. Новизна диссертации обусловлена отсутствием детального описания когнитивных параметров указанных имён существительных, а также разрабатываемой в ней методикой когнитивного и дискурсивного анализов, применённых к конкретным единицам, развитием теории номинации, а также установлением статуса каждого члена ряда.

Данилов Андрей Сергеевич. *«Синкретизм цветовых и мифопоэтических признаков в семантике цветообозначений эддической поэзии»*, специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Наталия Львовна Огуречникова. Защита состоялась 4 марта 2009 г. в диссертационном совете Д 212.261.04 при Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

В диссертации выявлена семантическая специфика цветообозначений в языке «Старшей Эдды», определено место цветового и мифопоэтического признаков в структуре значения эддических лексем цвета; изучены закономерности развития системы цветообозначений «Эдды» и предпосылки возникновения мифопоэтического компонента в их семантической структуре. Исследованы принципы семантической дифференциации сильных и слабых прилагательных в лексико-семантических группах цветообозначений и цветообозначений «Эдды». Полу-

ченые в ходе исследования научные данные использованы для интерпретации ряда контекстов эддических песней, трудно поддающихся истолкованию. Теоретические положения и практические выводы диссертации вносят вклад в развитие исторической семасиологии и исторической поэтики.

Ефименко Татьяна Николаевна. *«Роль иноязычной лексики в объективации взаимодействия картин мира»*, специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Юлия Вячеславовна Артемьева. Защита состоялась 4 июня 2009 г. в диссертационном совете Д 002.006.03 при Институте языкознания РАН.

Данная работа посвящена изучению иноязычной лексики английского языка в лингвокультурологическом и лингвокогнитивном аспектах. Описывается взаимодействие бизнес-сегментов концептуальной и языковой картин мира представителей различных лингвокультурологических сообществ. Проводится анализ иноязычной лексики по этимологическому и тематическому критериям. Научная новизна исследования состоит в уточнении понимания терминологической и нетерминологической лексики делового дискурса английского языка. Интересен и период заимствования иноязычной лексики — период всеобщей интеграции и глобализации, т.е. современный этап развития общества и языка.

Жилинская Людмила Александровна. *«Национально-культурные и языковые особенности арабизмов в современном немецком языке»*, специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Валентина Александровна Собянина. Защита состоялась 10 сентября 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Диссертационное исследование посвящено изучению лексики арабского происхождения в современном немецком языке, описанию ее национально-культурных и языковых особенностей. Особое внимание уделяется анализу ассимиляционных изменений выявленных экзотизмов, тематической многоплановости исследуемых единиц, причинам и путям их проникновения в язык-реципиент. Интерес представляет пласт современной лексики арабского происхождения в немецком языке, который не зафиксирован в лексикографических источниках на данный момент и может быть выявлен лишь на основе анализа интернет-ресурсов. В парадигме современной отечественной лингвистики подобное исследование на базе немецкого языка проводится впервые.

Колесникова Екатерина Алексеевна. *«Обучение аудированию с письменной фиксацией существенной информации студентов первого курса языкового педагогического вуза (английский язык)»*, специальность 13.00.02. — теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). Научный руководитель — доктор пед. наук, проф. Инесса Львовна Бим. Защита состоялась 19 февраля 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 01.008.008 при Институте содержания и методов обучения РАО.

В диссертационной работе описаны условия обучения аудированию на первом курсе языкового педагогического вуза, выявлены факторы повышения эффективности обучения аудированию и разработана научно обоснованная технология обучения аудированию с письменной фиксацией существенной информации. Данная диссертационная работа представляет собой комплексное исследование, в котором уточнены компоненты системы обучения аудированию на первом курсе языкового педагогического вуза, исходя из современных методических концепций обучения иностранным языкам. Существенным научным результатом является теоретическое и экспериментальное обоснование технологии поэтапного развития навыков и умений аудирования с опорой на письмо, приучающей первокурсников анализировать информацию с использованием приемов критического мышления и графически отображать в сжатой форме значимые смыслы.

Корзун Оксана Олеговна. *«Методика совершенствования темпа речи будущих переводчиков (английский язык)»*, специальность 13.00.02 — теория и методика обучения и воспитания (иностранные языки). Научный руководитель — доктор пед. наук, профессор Елена Генриховна Тарева. Защита состоялась 23 декабря 2008 г. в диссертационном совете Д 212.135.03 при Московском государственном лингвистическом университете.

В диссертации уточнена сущность понятия «иноязычная произносительная культура» (ИЯПК) как составляющая культуры речи устного переводчика. Конкретизирована значимость темпа речи в реализации переводческой деятельности (устный последовательный перевод с русского языка на английский). Раскрыты темпоральные особенности деятельности устного переводчика в условиях коммуникативных переводческих ситуаций — «переговоры» и «экскурсия». Создана и апробирована оригинальная методика организации самостоятельной работы студентов, нацеленная на достижение ими показателей индивидуального темпа речи на языке перевода (английском), что способствует развитию теоретических и методологических основ лингводидактики, переводоведения, теории и методики обучения иностранным языкам.

Кулешова Анна Васильевна. *«Лингвопрагматическая категория дистанцирования (на материале французской прессы)»*, специальность 10.02.05 — романские языки. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Анна Николаевна Тарасова. Защита состоялась 10 ноября 2008 г. в Диссертационном совете Д 212.135.01 при Московском государственном лингвистическом университете.

В диссертации впервые обоснован категориальный статус дистанцирования; определена лингвопрагматическая природа категории дистанцирования; установлен план ее содержания (оппозиция признание / непризнание журналистом позиции цитируемого им лица) и план выражения (все виды цитирования: прямая, косвенная и несобственно-прямая речь; языковые показатели наличия или отсутствия дистанции; комплекс факторов, определяющих степень дистанцирования

журналиста от позиции цитируемого им лица). Определен градуальный характер категории дистанцирования; на материале трех жанров французского газетного дискурса — информационного, информационно-аналитического и аналитического — выявлено, что дистанцирование наиболее отчетливо проявляется в двух из них: аналитическом и информационно-аналитическом жанрах.

Лось Александра Львовна. *«Концептуализация «светлого» в языковой картине мира»*, специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Ольга Аркадьевна Сулейманова. Защита состоялась 4 июня 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

В работе выявлены принципы, лежащие в основе концептуализации исследуемого фрагмента внеязыковой действительности средствами естественного языка. Получила дальнейшее развитие методологическая база когнитивной лингвистики: уточнены метапонятия *наблюдатель*, *эмпатия*, *среда*; выявлены базовые понятия, связанные с характером концептуализации зрительных впечатлений в естественном языке. Новизна исследования состоит в том, что выявлены культурно значимые компоненты, которые описывают фрагменты языковой картины мира, связанные с представлениями человека о светлом. Предложена модель концептуализации зрительных впечатлений о визуально воспринимаемых характеристиках объекта.

Нерсесова Элина Витальевна. *«Категория «национального самосознания» как художественная доминанта романов Генри Джеймса»*, специальность 10.01.03 — литература народов стран зарубежья (литература народов Европы и Америки). Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Вера Ивановна Солодовник. Защита состоялась 15 января 2009 г. в диссертационном совете Д 212.155.01 при Московском государственном областном университете.

В работе исследовано творчество одного из наиболее значительных американских писателей рубежа XIX–XX вв. — Генри Джеймса. Историко-литературный и стилистический анализ романов этого писателя позволил уточнить основные особенности художественного метода Г. Джеймса, раскрыть идейно-эстетический потенциал его творчества. На основании широкого системного анализа специфики художественного метода Г. Джеймса, структурных, стилистических и содержательных особенностей его произведений удалось выявить четкую эволюцию категории «национальное самосознание» через трансформацию мировоззренческих убеждений героев. Новизна диссертации состоит в оригинальном подходе к изучению творчества Г. Джеймса, когда художественная доминанта писателя становится определяющим началом для исследуемой категории. Исследование значительно расширило возможности интерпретации произведений этого писателя за счет многоаспектности анализа каждого из заявленных романов.

Парфёнова Галина Александровна. *«Семантические представления, релевантные для описания концепта «начинать / начинаться»*, специаль-

ность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Ольга Аркадьевна Сулейманова. Защита состоялась 26 марта 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Актуальность темы диссертации определяется устойчивым интересом к характеру концептуализации мира в языке и анализу ее когнитивных оснований, а также необходимостью поиска путей семантического анализа, для которого характерна известная неразработанность определяющих метапонятий для описания лексики, что приводит к сходному определению синонимов в словарях. В диссертации дан сопоставительный анализ ключевых терминов — *понятие, концепт, значение*, предложена и обоснована схема их взаимного соотношения. Предложены новые интерпретации таких метапонятий, как *пространство* и *функциональное пространство*, уточнены ряд существующих представлений, а также выявлены новые представления, релевантные для концептуализации *начинания* в естественном языке. Особое внимание уделено способам выражения концепта средствами разных языковых уровней (лексического, синтаксического и лексико-синтаксического). Предложена модель структуры концепта *начинания*.

Пушнина Ирина Владимировна. *«Расщепленные предложения как средство выдвижения в англоязычном дискурсе»*, специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — канд. филол. наук, доц. Аида Суреновна Саакян. Защита состоялась 10 сентября 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

В диссертации описываются расщепленные предложения, представленные в англоязычном дискурсе. Новым является комплексный, многофункциональный подход, позволяющий дать объекту исследования максимально полное и всестороннее описание, в котором учитываются как его когнитивные, так и коммуникативные особенности, выявляется их прагматический потенциал. В работе представлена типология восьми типов расщепленных предложений, выявлены сходства и различия в их использовании в текстах различных стилей, с учетом сопоставления частотности их употребления. Определено, что расщепленные предложения выступают как особый тип образований — псевдо-сложные предложения, которые представляют собой результат процесса выдвижения, проявляющегося в нарушении традиционного порядка слов в предложении, что в когнитивном плане обусловлено ментальной особенностью человеческого восприятия действительности.

Фомина Марина Аркадьевна. *«Концептуализация «пустого» в языковой картине мира»*, специальность 10.02.19 — теория языка. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Ольга Аркадьевна Сулейманова. Защита состоялась 26 марта 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Наиболее существенные научные результаты исследования заключаются в том, что в нём разработан метаязык для описания структуры концепта «пустой»; описаны когнитивные структуры прилагательных, репрезентирующих концепт «пустой»; построена когнитивная модель концепта «пустой». Впервые по данной тематике обоснована необходимость введения в область лингвистических исследований метода экспертных оценок, алгоритма определения компетентности информантов и меры согласованности мнений информантов, а также математико-статистических методов обработки данных семантического эксперимента.

Целыхова Елизавета Константиновна. *«Отражение языковой картины мира в охотничьей лексике современного немецкого языка»*, специальность 10.02.04 — германские языки. Научный руководитель — доктор филол. наук, проф. Валентина Александровна Собянина. Защита состоялась 10 сентября 2009 г. в Диссертационном совете ДМ 850.007.08 при Институте иностранных языков Московского городского педагогического университета.

В диссертации впервые рассматривается вопрос отражения специальной языковой картины мира в одном отдельно взятом (немецком охотничьем) подъязыке посредством анализа его лексической составляющей. При этом определяется место охотничьего подъязыка в системе специальных подъязыков и описывается структура его лексико-семантической системы. Также проводится обзор парадигматических отношений в рамках системы немецкой специальной охотничьей лексики, выявляются ее национально-специфичные элементы и факты взаимовлияния охотничьей и общезыковой лексики. В результате проведенного исследования рассматриваемая специальная картина мира представляется как частный сегмент общенациональной картины мира, имеющий узкоспециальную направленность, а рассматриваемый подъязык — как своего рода микромодель общенационального языка.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
2009, № 2 (4)**

Абдуллаев Чингиз — руководитель немецкого учебного и культурного центра Бакинского славянского университета, кандидат технических наук.

E-mail: dag@online.az

Афанасьева Ольга Васильевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии, декан факультета английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Базылев Владимир Николаевич — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, профессор кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: vladimir@4unet.ru

Баранова Ксения Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: Ksenia_Bar@tochka.ru

Беляева Мария Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: beljaeva-mv@mail.ru

Ваулина Юлия Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: vaulina_j@mail.ru

Ионова Анна Михайловна — старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО, соискатель кафедры романской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: anna.ionova@bk.ru

Кашенкова Ирина Соломоновна — старший преподаватель кафедры немецкого языка МГИМО, соискатель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: kashenkova@yandex.ru

Македонцева Анита Мартиновна — директор департамента стратегических коммуникаций МОО «Ассоциация Менеджеров», соискатель кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: toledo07@amr.ru

Махов Алексей Сергеевич — аспирант и ассистент кафедры немецкого языка и современных технологий обучения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: makhov1984@mail.ru

Морженкова Наталия Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com

Никуличев Михаил Юрьевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры западноевропейских языков и переводоведения ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: michael_n@mail.ru

Петрова Наталья Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: natalia-yu-petrova@yandex.ru

Петрова Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: svet61@mail.ru

Саакян Аида Суреновна — кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: ionins.va@megalan.ru

Савинич Сергей Сергеевич — аспирант и ассистент кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: s-serg@bk.ru

Тарева Елена Генриховна — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры лингводидактики ГОУ ВПО МГЛУ.

E-mail: inyaz@hse.ru

Титова Ольга Анатольевна — старший преподаватель кафедры теории и методики обучения иностранным языкам ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ, соискатель кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: titov-pv@yandex.ru

Фетисова Анастасия Александровна — аспирант и старший преподаватель кафедры английской филологии ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: anastasia_fe@yahoo.com

Хованова Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики английского языка ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: svet-lana23@mail.ru

Черкашина Елена Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры лингводидактики ГОУ ВПО МГЛУ.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Чикало Наталья Александровна — старший преподаватель кафедры грамматики и истории английского языка ИИЯ ГОУ ВПО МГПУ.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

«MCPU Vestnik» Authors, 2009 № 2(4)
Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education

Abdullayev Chingiz — PhD, head of German teaching and cultural centre of Baku Slavic University.

E-mail: dag@online.az

Afanasieva Olga Vasilievna — PhD, full professor, head of department of English Philology IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU, dean of faculty English Philology IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: AfanasievaOV@m-kaz.mgpu.ru

Bazylev Vladimir Nikolayevich — PhD, full professor, docent, professor of department of Russian Philology and Cross-cultural Communication of Pushkin State Russian Language Institute, professor of department of West European Languages and Translation Theory of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: vladimir@4unet.ru

Baranova Ksenia Mikhailovna — PhD, docent, professor of department of English Philology IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: Ksenia_Bar@tochka.u

Belyayeva Maria Vyacheslavovna — PhD, docent, associate professor of department of the German Language and Modern Teaching Techniques of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: beljaeva-mv@mail.ru

Vaulina Yulia Yevgenyevna — PhD, docent, professor of department of English Philology IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: vaulina_j@mail.ru

Ionova Anna Mikhailovna — assistant professor of department of the German Language of MSIIR, doctoral candidate of department of Roman Philology of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: anna.ionova@bk.ru

Kashenkova Irina Solomonovna — assistant professor of department of the German Language of MSIIR, doctoral candidate of department of Theory and Methods of Foreign Language Teaching of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: kashenkova@yandex.ru

Makedontseva Anita Martinovna — head of department of Strategic Communication MOO «Managers' Association», doctoral candidate of department of English Philology of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: toledo07@amr.ru

Makhov Alexey Sergryevich — postgraduate student and assistant lecturer of department of the German Language and Modern Teaching Techniques of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: makhov1984@mail.ru

Morzhenkova Nataliya Viktorovna — PhD, docent, associate professor of department of West European Languages and Translation Theory of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: natalia.morzhenkova@gmail.com

Nikulichev Mikhail Yuryevich — PhD, associate professor of department of West European Languages and Translation Theory of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: michael_n@mail.ru

Petrova Natalia Yuryevna — PhD, docent, associate professor of department of English Philology of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: natalia-petrova@yandex.ru

Petrova Svetlana Alexeyevna — PhD, associate professor of department of Roman Philology of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: svetla61@mail.ru

Saakyan Aida Surenovna — PhD, docent, professor of department of English Grammar and History of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: ionins.va@megalan.ru

Savinich Sergey Sergeevich — postgraduate student and assistant lecturer of department of English Philology of FL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU, of department of English Philology IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MCPU.

E-mail: s-serg@bk.ru

Tareva Yelena Genrikhovna — PhD, full professor, professor of department of Linguodidactics of State Educational Institution of a Higher Professional Education MSLU.

E-mail: inyaz@hse.ru

Titova Olga Anatolyevna — assistant professor of department of Theory and Methods of Foreign Language Teaching of IFL of State Educational Institution of

a Higher Professional Education MСPU, doctoral candidate of department of English Philology IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MСPU.

E-mail: titov-pv@yandex.ru

Fetisova Anastasiya Alexandrovna — postgraduate student and assistant professor of department of English Philology of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MСPU.

E-mail: anastasia_fe@yahoo.com

Khovanova Svetlana Yuryevna — PhD, docent, associate professor of department of English Phonetics of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MСPU.

E-mail: svet-lana23@mail.ru

Tcherkashina Yelena Ivanovna — PhD, docent, doctoral student of department of Linguodidactics of State Educational Institution of a Higher Professional Education MSLU.

E-mail: elena_chere@inbox.ru

Chikalo Natalia Alexandrovna — assistant professor of department of English Grammar and History of IFL of State Educational Institution of a Higher Professional Education MСPU.

E-mail: megabelka2003@mail.ru

Требования к оформлению статей

Уважаемые авторы!

В нашем журнале публикуются как оригинальные, так и обзорные статьи по филологии (литературоведению, германским языкам, романским языкам, восточным языкам), теории языка, языковому образованию, межкультурной коммуникации.

Журнал адресован педагогам высших и средних учебных заведений, учителям школ, аспирантам, соискателям учёной степени и студентам.

Редакция просит Вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике», руководствоваться требованиями Редакционно-издательского совета МГПУ к оформлению научной литературы.

1. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 а.л.). При использовании латинского алфавита обозначения набираются латинскими буквами — в курсивном начертании. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева, заголовков — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова и словосочетания (не более 5), разделяют их точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1 – 2003 «Библиографическая запись» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка, в том числе на интернет-ресурсы и архивные документы, даются в тексте в квадратных скобках: [3: с. 147], по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка».

6. В конце статьи (после списка литературы) указываются название статьи, автор, аннотация (Resume) и ключевые слова (Key-words) на английском языке.

7. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

8. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный или почтовый адрес для контактов) на русском и английском языках.

9. В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра МГПУ.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

По вопросам публикации статей в журнале обращаться к заместителю главного редактора Видуковой Ларисе Георгиевне (Москва, Малый Казенный пер., 5 Б, каб. 444).

Телефон редакции (495) 607-76-37. E-mail: VikulovaLG@m-kaz.mgpi.ru.

Вестник МГПУ

Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»
№ 2 (4), 2009

Главный редактор:
доктор филологических наук, профессор,
директор Института иностранных языков МГПУ,
проректор по учебно-воспитательной работе МГПУ *О.А. Радченко*

Составитель:
доктор филологических наук, профессор, заместитель директора
Института иностранных языков МГПУ *Л.Г. Викулова*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
М.В. Чудова
Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 20.10.2009 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.
Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.